

ДАРЬЯЛ

3

2023

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

ДАРЬЯЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА**

Редакционный
совет:

**И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ**

3'2023

(176)

МАЙ - ИЮНЬ

Адрес редакции:
362040,
г. Владикавказ,
ул. Маркуса, 1.
Тел.: 53-60-30
53-68-10
54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru
<http://www.darial-online.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ 15-00144 от 22.05.2017.
Выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

Выход в свет 30.06.2023.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15+1 печ. л.
цветная вклейка на мелованной бумаге.
Заказ № 245. Тираж 600 экз.

АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр. Коста, 11.
Тел.: 25-97-94.

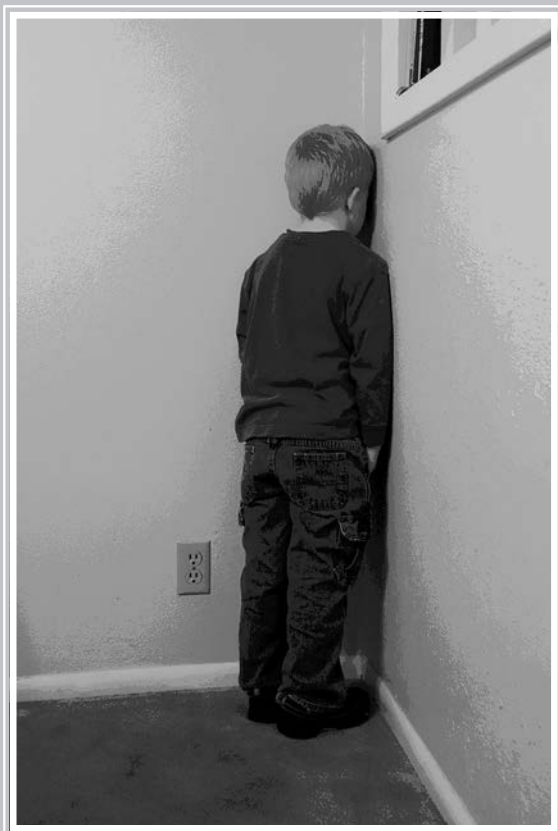
Цена свободная

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	4	Ирлан ХУГАЕВ. Урок. <i>Рассказы</i>
	16	Юрий РОЗЕНШТЕЙН. Memento vita et memento mori. <i>Стихи</i>
	22	Асфар ШАОВ, Ибрагим ШАОВ. Пациент № 132, или Живи здесь и сейчас. <i>Повесть (окончание)</i>
	44	Ахсарбек ГАЛАЗОВ. Письма внуку <i>(окончание)</i>
	78	Ахсар КОДЗАТИ. Глаза души. <i>Стихи</i>
	88	Петр ГИОЕВ. Цыгане, гитары, Пушкин
ГОСТЕВАЯ КНИГА	108	Олег СТОЛЯРОВ. «Вселенную не видят телескопы...» <i>Стихи</i>
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	114	Лариса ГЕТОЕВА. Открытие Лазаря Гадаева
		Лазарь ГАДАЕВ. Скульптура
АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ	129	Таймураз САЛАМОВ. Похищение Азау
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	130	Виктор ЧИГИР. Опыты преображения. <i>Анализ стихотворения Н. А. Заболоцкого «Ночь в Пасанаури»</i>
	134	Расул ГАМЗАТОВ. Нас двадцать миллионов. <i>Стихи</i>
ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»	140	Ника БАТХЕН. Яблочница. <i>Стихи</i>
	148	Сергей ГОЛОМЗИК. Время старых книг. <i>Стихи</i>
ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ	152	Гергарт НАДЕЛЬ. Второй Иерусалимский храм с пропиской во Владикавказе
СКИФЫ – САРМАТЫ – АЛАНЫ – ОСЕТИНЫ	158	Аркадий ГАЙСИНСКИЙ. Параллельная история асов-алан и русов
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	178	Альфред ХАУСМАН. Паренек из Шропшира. <i>Стихи. Перевод с английского А. Золоева</i>
ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН	184	Ольга РЕЗНИК. Все смешалось в доме Вахтанговых
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА	194	Фатима ГУРДЖИБЕТИ. Письма Блашка Гуржибекова
	218	Дзерасса ХЕТАГУРОВА. «Волчья доля»: тема абречества в осетинской литературе конца XIX – начала XX века
АВТОРЫ НОМЕРА	238	

Ирлан ХУГАЕВ

УРОК

РАССКАЗЫ

В оформлении использовано фото неустановленного автора из сети интернет

ЭРАТО

Уже неделю гостит у меня Эрато, обворожительная, неутомимая в любви Эрато. Она пьет мой кофе, курит мои папиросы; вставая с постели, посматривает, чуть разведя шторы, во двор и смеется над нелепым нарядом прохожих, или листает книги, беря их с полки.

– Так, посмотрим; кто здесь у нас?.. Гесиод!.. «С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем...» На что тебе зануда Гесиод?.. ведь ты не читаешь его... Даже я не читаю его. Так... А это кто? Бодлер?.. О да, я помню многострадального Шарля! Его сгубил абсент. Ужасная вещь. Твой кофе и тот лучше. А это?.. Ницше, бедный Ницше... Его Зулейка и Дуду прелестны; обеих он писал с меня... О, Тютчев!.. глубокий и мрачный, как туча... Ага! Конечно: Пушкин. Куда ж без Пушкина!.. Знаешь? – он обожал яблоки. Он ел их с косточкой. Из-за него мы часто ссорились с Клио... А это?.. Хетагуров. Милый, милый Коста!.. Он любил, но он совсем не понимал женщин. Кроме одной. Догадайся, кто она?.. Вот за что я любила его, – и смеется.

– Оставь их, – говорю я, – иначе я их сожгу.

– Не смей, иначе я разлюблю тебя. Они твои братья. Они тебе ближе, чем я...

Не уходи, Эрато, любимая. Я уже не могу отрываться на твои ласки, но дай мне немного полежать, склонив голову на твои колени... Погладь меня, мой лоб и волосы. Хорошо ли тебе со мной? Хороший ли

я любовник?.. Куда ты теперь? Кто он?.. Мое сердце разрывается от ревности. Ладно, не говори. Только возвращайся, гетера. У меня никого нет, кроме тебя.

УРОК

Когда телесная свобода безгранична, дух всецело прикован к телу; смена внешних впечатлений не дает ему сосредоточиться на самом себе, и он часто упрощается и коснеет, становясь невосприимчивым к тонким вибрациям жизни. Когда же телесная свобода стеснена, нравственная получает возможность расширения. В этом и заключается смысл всякого ограничения свободы, выступающего формой принудительной аскезы; тюрьма – образ чистилища...

Однажды, когда я учился в первом или во втором классе, меня поставили в угол. Помню, я не был ни в чем виноват: я всего лишь дал сдачи соседу, ткнувшему мне под ребра карандашом.

Я не захотел оправдываться. Я покорно занял место в углу класса, но, чтобы показать, что у меня есть на этот счет особое мнение, я не опустил головы, а гордо уставился в стену. Через минуту, когда я немного успокоился и кровь перестала шуметь в ушах, я вдруг различил на стене барельеф сочувственно улыбающегося человеческого лица; от неожиданности я даже немного отшатнулся... Очертания этого лица были такими явными и живыми, были так четко и убедительно прорисованы, что я поначалу не мог поверить, что оно образовано случайным сочетанием неровностей стены, видимо когда-то наспех и кое-как прошпаклеванной малярами. Присмотревшись, я разглядел рядом поднявшегося на дыбы коня; чуть правее – дерево с изломанными ветвями на скальном утесе, под которым бурлила настоящая горная речка, а ниже – кусок зубчатой Красной стены и Кремлевскую башню со звездой... – и все на пространстве каких-нибудь двух дюймов!.. Впервые в жизни я увидел так близко грубую фактуру материи – ее щербинки, пупырышки и царапины, волнистую чешуйчатую корочку пересохшей краски, окаменелые слезы ее подтеков, – и каждая ее подробность была огромна, незыблема и таинственна, как лунные кратеры; я будто созерцал ландшафт незнакомой планеты, облетая ее на космическом корабле. Мысленно я бродил по кромкам глубоких каньонов, взбирался на одинокие голые сопки, преодолевал безжизненные степи с растрескавшимся грунтом... Я совсем забыл о реальной жизни, оставшейся у меня за спиной, только голос учительницы бубнил невнятно и потусто-

ронне, как досадная помеха. Ей пришлось дважды окликнуть меня, чтобы вернуть за парту, – так я был зачарован открывшимся мне целым миром...

Сразу после звонка сосед убежал, опасаясь моей мести. А я про него и думать забыл. Я думал об уроке. Это был мой самый лучший школьный урок. С тех пор я знаю, что любая стена, если близко-близко к ней подступить, интереснее звездного неба.

ХЛЕБ

Наконец-то закончился день, долгий и бессмысленный, полный тщетных забот, лицемерных улыбок, напрасных, нелепых реверансов, пустых разговоров, случайных обещаний, о которых поминишь не более минуты, – и я вышел из конторы.

Был синий прозрачный летний вечер; жара спала; воздух увлажнился пролетевшим с полчаса назад слепым дождем; трава и листва деревьев еще блестели на солнце, а асфальт подсох, и только в тени бордюров виднелись клочья свалывшейся, как войлок, мокрой дорожной пыли. Надеюсь развеяться пешей прогулкой, я, не дойдя до трассы, свернул в незнакомую улочку, успев заметить на угловом доме табличку с надписью «ул. Русская, № 1».

Это была одна из тех старых, не задетых модернизацией улочек, каких еще немало в нашем городе; но, едва ступив на нее, я будто оказался в другом мире и с каждым шагом все глубже проникнулся особенностью ее атмосферы; трудно было поверить, что в двухстах метрах отсюда носятся туда-сюда иномарки, гудят на переходах эскалаторы и бликуют холодные, как рыбий глаз, витрины бутиков.

Я шел по узкой, местами вздымавшейся плавными волнами двухполосной дороге мимо одноэтажных домиков из имперского темно-красного кирпича с округлившимися от времени гранями. Дома с двух сторон утопали в вишневых куцах, пронизанных звенящим зкатным солнцем; под низкими окнами с деревянными ставенками пышно цвели розы, а в таинственной сиреневой глубине комнат то и дело мелькали белые лица и руки; воздух пах васильком и петрушкой, слышалось шипенье сковородок и кудахтанье кур; кругом царило какое-то ярморочное оживление; у калиток, на ярко выкрашенных скамейках, поставленных среди ромашек, восседал праздный народ: старушки в цветистых платочках лузгали семечки, о чем-то любовно пререкаясь с внучатами, приступом

бравшими их крепкие колени, и перекрикивались с соседками, сидящими через улицу напротив; мужики в кепках, повернувшись друг к другу полубоком и закинув ногу на ногу, играли в нарды и шашки, покашливая и попыхивая «Беломором» и «Примой» и добродушно переругиваясь; толкались под заборами, беспорядочно пиная мяч, голые по пояс мальчишки, прыгали на расчерченном мелом асфальте девочки, прижимая ладонями к бедрам легкие платица; повсюду сновали маленькие шумные собачки с задранными и дрожащими от восторга хвостами, и только кошки сидели на перилах крылец недвижные, как сфинксы...

Праздничное, лубочное сияние жизни озадачило и очаровало меня; оно напомнило мне картинки из старых детских книжек, в которых каждая подробность была прописана с умильной прилежностью, и мое сердце исполнилось предчувствием какого-нибудь фантастического разрешения всех вопросов и сомнений, томивших меня в последнее время. Я насторожился и, испытывая некоторую неловкость за свой хмурый штатский облик, способный омрачить любую идиллию, все-таки замедлил шаг, чтобы ничего не пропустить.

Мне даже пришло в голову приостановиться и закурить, когда на одной из скамеек впереди раздался смех, звонкий и привольный, каким смеются почти без причины и просто потому, что хочется смеяться, от избытка здоровья и силы. Это были три молодые женщины, белые и плечистые, полноватые, в косынках и пестрых передниках, которые, очевидно, оставили ненадолго свои домашние хлопоты и выбежали на улицу, чтобы немножко поболтать. Перед ними стояла детская коляска, над бортиком которой раскачивалась алая младенческая ступня, — из чего я решил, что все они непременно невестки. Поравнявшись с женщинами, я увидел между ними на скамейке буханку разломанного руками хлеба: у всех во рту был хлеб; они жевали, продолжая посмеиваться, словно были обязаны высмеять свой смех до последней смешинки. Случайно я встретился взглядом с той, что сидела посередине; она на мгновение смешалась, как будто ее застали врасплох в чем-нибудь неприличном, и, зардевшись, быстро подняла руку и прикрыла пальцами смеющиеся губы.

— Хлеб кушаем! — вдруг сказала она просто и весело, пожав плечами, и они снова покатались со смеху, налегая тугими бюстами на коленки.

— На здоровье! — крикнул я и тоже рассмеялся.

Когда они остались позади, их смех на секунду пресекался, после чего тот же голос громко сказал:

– Обойдется!..

Было очевидно, что одна из них засомневалась, не следовало ли меня угостить. Мне очень хотелось оглянуться, чтобы еще раз, хоть коротко, полюбоваться на них, на их смеющиеся лица и белые плечи, а заодно показать, что я тоже не лишен юмора и вовсе не обижаюсь, но я постеснялся.

Хлеб кушаем, повторил я про себя, уже завернув за угол и закурив. Что это значит? Зачем они кушают хлеб? Разве они голодные? Куда там!.. И дома у них наверняка есть и блинчики с вареньем, и пельмени со сметаной, а на плите борщ варится... Хлеб кушаем: хотела ли она тем самым объяснить свой беззастенчивый счастливый смех, или сказала от смущения то, что пришло в голову, или... или это было такое приветствие?.. Хлеб кушаем: надо же, какие... вкусные слова!..

Едва прибыв домой, я направился на кухню, отломил кусок хлеба и положил в рот. «Хлеб кушаем», – сказал я себе еще раз и, улыбаясь и жуя, пошел раздеваться.

СПАСИБО

Он сидел на мостовой, подобрав острые коленки и припавши к ним грудью; его сжатые в кулак кисти были судорожно втиснуты в карманы пиджака, а лицо погружено в бесцветное подобие шарфа, которым была обмотана до ушей его голова с жидкими русыми волосами, и быстрые снежинки таяли на его проплешины. Немного замедлив шаг, я приготовил одну купюру и, проходя мимо, быстро пригнулся и бросил ее в лежавший у его ног шерстяной беретик.

Я уже успел сделать несколько шагов, когда зачем-то оглянулся. Он оставался в прежней позе, в том же напряженном оцепенении безнадежности и безразличия. Сложенная пополам купюра трепетала, как бабочка, готовая упорхнуть. Я вернулся, встал перед ним и тронул его плечо:

– Гражданин.

Он поднял голову, потом открыл глаза.

– Положите это в карман. Ограбят.

– О, спасибо, – произнес он с бледной улыбкой и убрал деньги.

Мне показалось, что он сделал это только из вежливости.

– Знаете что?..

– Что? – спросил он и прислушался.

– Спасибо в карман не положишь.

Он немного помигал веками, как бы нахмурился, а потом рассмеялся тихим и теплым смехом.

– Спасибо, – сказал он. – Спасибо, спасибо.

– Прощайте, товарищ, – сказал я. – Помолитесь за меня.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В первый раз я влюбился в пятом классе. У нее были золотистые выющиеся волосы, синие глаза и стройные гладкие икры. И ходила она очень красиво, как не ходят пятиклассницы. Каждый ее шаг отдавался музыкой в моем сердце, словно она носила на лодыжках невидимые браслеты с бубенцами.

Она занималась балетом. С тех пор как я случайно об этом услышал, балет стал интересовать меня больше, чем футбол и хоккей. Балет в то время показывали по телевизору не реже, чем спортивные состязания. Я узнал, что такое деми-плие, батман тандю и рон де жамб, а также тюники и пуанты. Я не сомневался, что она будет знаменитой балериной, как Адырхаева и Плисецкая. В каждой балерине я видел ее, и я смотрел и томился невнятными желаниями. Я никак не мог понять, что меня беспокоит. Я словно хотел схватить рукой парящее в солнечных лучах перышко, но оно снова и снова ускользало из моей ладони вместе с воздухом.

Я никогда с ней не говорил. Из всех девочек нашего класса с ней одной я никогда не перемолвился ни словом. Не то что я избегал ее, но мне ни разу не представилось повода, а без повода это было невозможно. К кому угодно я мог подойти, чтобы сказать какую-нибудь глупость, но не к ней. Только однажды мы столкнулись в школьном гардеробе: наши куртки оказались на соседних крючках. Одновременно потянувшись к крючкам, мы посмотрели друг другу в глаза, а потом быстро разошлись в разные стороны, каждый со своей курткой, будто чем-то друг друга обидели. С тех пор я смотрел на свою куртку как на предмет незнакомый и таинственный, потому что она соприкасалась с ее курткой, и надевал ее с благоговейным трепетом.

В то время у девочек была мода на анкеты: они заводили толстую тетрадь, украшали ее наклейками и собственными рисунками и виньетками и записывали в ней вопросы, на которые кому-нибудь предлагалось ответить. В одной из таких анкет я случайно увидел ее страничку. Я узнал, что ее любимое блюдо – московский салат, любимый напиток – лимонад «Буратино», любимая

книга – «Хоббит, или Туда и обратно», а любимый популярный исполнитель – Джо Дассен. Салат я ел, лимонад я пил, хотя никогда не сознавал, насколько это изысканно; а вот Джона Толкина не читал и Джо Дассена не слушал.

Книгу я нашел только в городском читальном зале и прочитал ее, вместе с предисловием и примечаниями, в три присеста, просиживая над ней до вечера. Так я узнал, что есть наука филология и профессора, которые пишут ни на что не похожие сказки. Весь мир Средиземья, от Хоббитона до Железных холмов и Бурых равнин, был озарен ее призрачным присутствием, и нередко мне мерещились ее синие глаза в теснинах Туманных гор или в чащах Лихолесья; меня восхищало, что она тоже ходила этими опасными тропами вслед за гномами и эльфами и отважные люди Эсгарота, несомненно, помнили ее... Потом я выпросил у папы денег и купил грампластинку с песнями Джо Дассена в красивом картонном конверте с его портретом. Я с грустью отметил, что совсем на него не похож, и внимательно, с пристрастием прочитал статью о его жизни, которая была напечатана с обратной стороны. Так я узнал, что есть шансон, Таити, Полинезия и французские евреи американского происхождения.

Благодаря ей у меня развилось шестое чувство. Или открылся третий глаз: я научился видеть не глядя. Ее парта была сзади и справа, через ряд, но я каким-то образом угадывал каждое ее движение и слышал каждый вздох. Всякий раз, подходя к школе, я заранее знал, в какой она стороне, в какой толпе девочек она стоит, и тем более я безошибочно предчувствовал, если ее нигде не было. Когда она простужалась и пропускала уроки, я искренне недоумевал, что уроки проходят по-прежнему, что школу не закрывают.

А потом ее семья переехала в другой город. Потому что ее папа был военный и получил новое назначение. Далекое, на Север. Я нашел на карте город Полярные Зори и всматривался в эту едва различимую точку, впервые осознав огромность мира. Я стал изучать Север. Я забывал о домашнем задании, зато, набрав в школьной библиотеке книг о Севере, читал про белых медведей и песцов, про оленей и тюленей; я узнал о северном сиянии, о Полярной звезде и полярной ночи, о вечной мерзлоте, о заснеженных степях, в которых добывают алмазы, нефть и газ. Мне было это очень важно, важнее всего на свете. Я похудел и стал получать двойки и тройки.

– Что с тобой? – спросила мама.

– Он влюбился! – крикнула моя младшая сестра.

– Правда?.. Ничего, пройдет. Первая любовь всегда проходит. Потому она и называется первой.

Мне было неловко узнать, что я влюбился. Нет, я, пожалуй, и сам знал, что влюбился, а все-таки мне было стыдно и как-то жутковато услышать это со стороны, как если бы речь шла о предательстве. Я знал про любовь, что можно любить маму, папу, сестер... Но постороннего, чужого человека, даже не соседа – с чего бы?.. Я призадумался; что-то подсказывало мне, что для этого чувства нужно было другое, особенное слово. Потому что в нем было что-то как бы неправильное, потаенное и запретное, как во всем, что особенно сладко, как в дефицитном тогда шоколаде.

Потом передали по радио, что умер Джо Дассен. Я представил себе, как она горюет в своих Полярных Звездах, и горевал вместе с ней. Я целый день слушал пластинку Дассена и завидовал его бессмертной славе...

Прошло сорок лет, и однажды ночью, бессмысленно глядя в темный потолок, я вдруг почему-то ясно и близко увидел ее золотистый хвостик, перехваченный черной резинкой, гладкие ровные икры и большие синие глаза, которыми она на меня взглянула тогда, в гардеробе. Я с особой остротой заново пережил то мгновение, и почему-то мне пришло в голову, что она тоже если не любила меня, то как-нибудь меня отличала, выделяла среди других мальчишек. Улыбнувшись этой праздной догадке, я представил себе ее нынешний облик и образ жизни, ее дом, большую семью и мужа – возможно, бородатого полярного исследователя, с которым они, обнявшись у окна, любятся северным сиянием. Я знал своим шестым чувством, что она, хоть и не стала знаменитой балериной, была счастлива, и был счастлив за нее.

Первая любовь – наш первый учитель. Через нее мы познаем мир по-настоящему, бескорыстно, не ради отметок. Да, все прошло, как обещала мама. И все же что-то осталось. И то, что осталось, не проходит и никогда не пройдет. Я уже не люблю ее так, как любил когда-то, зато люблю так, как никогда: как девочку, которую когда-то любил. Любить родных – это одно, а чужих – другое. Любовь к родным в чем-то походит на любовь к самому себе, а через любовь к чужим мы любим весь мир и роднимся с остальным человечеством. И все же не зря два этих разных чувства называются одним и тем же словом. Любовь – наш третий глаз и шестое чувство. Любовь – конец одиночества. Любовью связаны все люди на земле. И те, что есть, и те, что были.

W

Я лежал, не открывая глаз, под впечатлением только что увиденного сна. Мне приснились стихи. Точнее, мне приснилось, как я, встав с постели, освежился в ванной, почистил зубы, прокашлялся и, сварив кофе и устроившись в кабинете, закурил, – и тут мне пришли в голову стихи, которые я и записал сходу, почти ничего не поправляя, мгновенно решая в уме десятки коллизий и выводя оптимальные формулы. Потом я сидел и перечитывал их снова и снова, крайне собой довольный.

Фабула сна была тривиальна и даже глуповата ввиду методичности, с которой мой герой выполнил утренние процедуры, но стихи были очень хороши – это я, когда проснулся, знал доподлинно и поэтому был сильно раздосадован тем, что никак не мог их вспомнить. Я помнил утреннюю негу, шум воды в кране, запах кофе, изящную струйку папиросного дыма, край светового пятна от торшера, который лежал на отброшенном в сторону тапке, а стихов не помнил. В памяти удержалась только первая строчка, а остальные пятнадцать – там было, в этом я тоже мог себе поручиться, четыре великолепных катрена – испарились, оставив на ментальной сетчатке только мутный негативный отпечаток строф, первая из которых завершалась приметно более длинной строкой, и эфемерный образ развития мысли, почему-то ассоциируемого моим подсознанием с латинской буквой W. Лежа в кровати, я предпринял несколько судорожных попыток восстановить разом все построение, опираясь на этот с каждой минутой все более ветшающий образ целого, лихорадочно поворачивая его так и этак, ставя вверх тормашками и кладя то на один бок, то на другой. Когда я увидел, что мне это не удастся, я решил действовать иначе.

Поднявшись, я записал, от греха подальше, запомнившуюся первую строчку, затем освежился, не спеша почистил зубы, как следует прокашлялся, сварил кофе, сел за стол и закурил. Усилием воли я заставил себя отрешиться от случайных вибраций, сопутствующих моему сновиденному опыту, и сконцентрировался на записанной первой строке, замерев, как паук в центре своей паутины или как ловец снов, подвешенный на гвоздик.

Передо мной было пять самых обычных слов, из тех, что в течение дня мы повторяем по несколько десятков раз. Я неотрывно и внимательно, словно под лупой, рассмотрел каждое в отдельности, прислушиваясь ко всем порождаемым ими обертонам, затем их совокупность, заставляя звучать их одновременно,

затем их последовательность, снова и снова проделывая один и тот же путь, но отмечая новые обстоятельства и нюансы. Я перебрал все возможные рифмы, но ни одна из них не намекнула на разгадку; напротив, они казались совершенно чуждыми и банальными. Однако, проделывая шаг за шагом различные мыслительные операции, я сталкивался с явно знакомыми дилеммами. «Так, здесь я уже был, был...» – говорил я себе, зайдя в какой-нибудь тупичок и рассеянно осматриваясь, и это укрепляло мою надежду найти, рано или поздно, выход из лабиринта. У меня уже зарябило в глазах, и буквы заплясали, как живые, когда, отвечая волнительному предчувствию – так что я успел шепнуть: «Тепло, тепло...» – вдруг будто треснула нежная древесная корка – и саженец строки пустил знакомый из сна боковой побег. Боковой – потому что был обусловлен не столько значением всей строки, сколько провокацией, таившейся в третьем слове. И сразу же в моем сознании вспыхнула перекрестная рифма третьей строчки – именно одна из тех, что я отвергал с упорством и презрением; потом, чисто логически, я восстановил вторую строчку, и уже сама собой возстала из праха забвения четвертая, самая длинная ввиду большого количества согласных букв, – и я с удовольствием признал, что контур первой строфы в точности совпадает с отпечатком негатива, сохранившимся в моей памяти.

Я значительно продвинулся: теперь у меня было целых четыре строки, а неизвестных оставалось всего лишь двенадцать. Всего лишь! – повторил я с горьким сарказмом: ведь, с другой стороны, у меня не было уже ни одной рифмы, – и холодок отчаяния пробежал у меня между лопаток. Я, казалось мне, стоял уже перед неразрешимой задачей, ибо я никак не мог увидеть, при всем техническом качестве первого катрена, что из него следует; лучше сказать, в нем, именно ввиду афористически отточенной формы, было все, чтобы считать его законченным текстом. Присмотревшись, я различил умозрительно несколько возможных его метастазов, различившихся по пафосу и содержанию, но ни один из них не сулил ожидаемого эффекта. Я перечитывал катрен и вслух, и про себя, и наизусть, закрыв глаза, пытаюсь попасть в ту единственно верную смысловую и ассоциативную колею, которая, как мне почему-то стало казаться, в конце четвертой строчки должна была подбросить меня вверх, как на трамплине. Мимолетная аналогия с искомым трамплином, пришедшая мне в голову, но никак не согласующаяся с заданной стилистикой, меня насторожила и заставила затаить дыхание; машинально переправив точку в конце катрена на запятую и до-

бавив тире, я вдруг осознал, что первый катрен характеризуется мерно понижающимся тоном. Я тут же сопоставил это наблюдение с буквой W, именно с первой ее нисходящей чертой, за которой следует восходящая: стало быть, здесь, в первой нижней точке синусоиды, синтаксис требовал сдержанно-оптимистической антитезы. «Тогда в следующей верхней точке, за вторым катреном, – быстро сказал я себе, – ищи значение уступки, вероятно придаточное уступительное!..» – стало ясно, что символ W представляет собой график эмоциональной функции и вербально дешифруется как «нет – но – хотя – зато». Этих озарений было уже достаточно, чтобы я со второй или третьей попытки нащупал два первых стиха второго катрена и уже путем чисто технической работы придал им должную лаконичность, а затем, опираясь на отработанные алгоритмы и образ W, восстановил, торжествуя, все стихотворение.

Оно было прекрасно. Четыре катрена стихотворения развивали мысль и образ непринужденно и последовательно, словно это были строки одного катрена; все члены конструкции были плотно притиснуты друг к другу, так, что комар не подточил бы носу; ее отшлифованная поверхность переливалась перламутром и была подобна голограмме; в каждой строчке стихотворения, как во фракталах Мальденброта, заключалось семя целого, матрица целого; если б не так, как бы оно проросло заново?..

«Ай да Пушкин, ай да сукин сын, – прошептал я. – Тебе приснился вещий сон. Ты дважды сочинил одно и то же стихотворение. Ты дважды вошел в одну и ту же реку, протек тем же руслом к единственно неизбежному устью...» Я откинулся на спинку кресла, чтобы потянуться, и вдруг ощутил, что весь продрог, потому что остался сидеть в одной майке, забыв набросить халат. Тело было как деревянное. Дрогнувшей рукой я схватил чашку и хлебнул кофе – он был совсем холодный; папираса потухла. Я посмотрел на часы: я был уверен, что сидел никак не более получаса; оказалось – два часа и три минуты. «И зачем мне это?.. Так и вся жизнь пролетит – не заметишь», – подумал я и уже было встал, чтобы пойти размяться, но прежде решил еще раз взглянуть на свои стихи и насладиться их красотой.

2020–2022

Юрий РОЗЕНШТЕЙН

Memento vita et memento mori

СТИХИ

В оформлении использована иллюстрация из сети интернет

МЕРТВОЕ МОРЕ

Меня здесь нет, тому шесть лет минуло,
 Но это там, а тут часы стоят
 С тех пор, когда на прошлое взглянула
 Одна жена три тыщи лет назад...
 И сердце сжалось и остановилось...
 До этих дней, растрескавшись, гранит
 Слезу ее застывшую хранит
 На зависть ангелам за Божию немилость...
 Так твой Творец когда-нибудь с тобой
 И справедливо, и бесчеловечно
 Поступит, если, позабыв о вечном,
 Ты на земном удержишь взгляд земной...
 Ведь вера не бывает неслепой,
 А за любовь, которая без меры,
 Создатель столп воздвигнет соляной
 И города осыплет серой...
 Над этим морем чайки не летают,
 Сюда на нерест рыбы не идут,
 Тут соль земли на раны насыпают.
 (Мои-то все равно не заживут...)
 Тут Лотовой жены нетленный дух
 Над самой низкой точкой на планете
 Один парит... И донага раздета
 Душа моя усопшая лежит.

ПИНОККИО

Не в Риме, где Давид и Голиаф,
 Не там, где просыпаются вулканы
 И где венецианских дождей прах
 Хранят резные мраморные грани,

 Я был как дома, а не как в гостях
 В старинной деревушке, близ Тосканы.
 И слушал речь, что струями фонтана
 Слетала с уст, как эхо в их горах...

Но истины, наверное, в словах
Не больше было, чем на дне стакана...
Такие же, как наши, тараканы
Роились в итальянских головах:

Кого-то Бог забыл или оставил,
Кого-то щедро поднял на руках!
Пиноккио там на зеро поставил,
В который раз оставшись в дураках...

Я за Тобою следую повсюду,
Но, видимо, и здесь не сбьется чуду.

ПРОЩАЙ, ПАРИЖ

Прощай, Париж! По набережной Сены,
Где лавкам букинистов несть числа,
Бреду в бреду. Чужие имена.
И солнечные зайчики на стенах.

Я точно знаю: здесь она была.
В кафе напротив книгу на колени
Роняла... И стояла у окна,
Как призрак, не отбрасывая тени.

Улыбки. Густо сдобрена елеем,
Иная речь звучит в моих ушах.
Но мнится мне ее нездешний шарф,
С плеча сползающий тем самым змеем.

И с каждым шагом и добрей и злее
Смотрю вокруг, кивая невпопад,
И, спав с лица, то злодеем
Я бормочу, не попадая в лад.

По незнакомым памятным местам,
По желтым и потрепанным страницам
Один брожу. Зачем? Не знаю сам...

Француженки... У них особый шарм.
Но мне другой, неповторимый снится,
И я слоняюсь по ее следам.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ДЕМОНА

Тесней на шее сходится петля,
С нездешней силой в неразрывной связи
Я чувствую, как тянет мать-земля
Меня к корням. Но это вы из грязи.
Шипит потусторонний голос: «Тля,
И без тебя в подлунном мире мрази
Достаточно размножилось и для
Египетских, и прочих казней сразу».
По образу, подобию Он зря
Вас создал. Или дрогнуло лекало?
Я предостерегал, что так нельзя,
Ведь правда даже рядом не лежала.
Она для вас страшнее, чем проказа
И даже смерть, а сень ее была
И остается ипостасью зла.
А все-таки я верил: пусть не сразу,
Когда-нибудь открою вам глаза.
Но ход вещей не изменил ни разу.
Вам нипочем небесная гроза,
От истины всегда бежал ваш разум.
Что ж, радиоактивная зола
Останется, и вы – частицы пепла –
Вернетесь в уготованное пекло.
Невыполнима миссия посла.
И даже Он вас защитить не смог
От вас самих, вы превратили в смог
Его Эдем, и смрад над головами
Висит. Лишь я один останусь с вами.
Вам разве всуе нужно слово «Бог»?
И вовсе не по воле злого рока
По странгуляционной борозде
Вы движетесь до своего истока,
Хотя могли б до устья по воде...

Он твердо знал, что все предрешено,
Пока вершили вы «свободный выбор»,
И понимал, что рухнете на дно,
Когда весы качнутся либо – либо.
Смоковница ничем не отличалась
От прочих древ, посаженных в саду,
Но позабыл про милость и про жалость,
Как только прикоснулись вы к плоду

И с широко закрытыми глазами
Судьбу свою «определяли сами».
А я еще доньше не постиг,
Как можно вечность поменять на миг.
Да будет так. Его предвечный лик
Узрели вы и съели плод запретный,
Оставив небу множество улик.
Но на вопросы были ли ответы?
Блюли бы, нарушали бы запреты,
А Лету невозможно переплыть.
Произошло, чему и должно быть.
Лишь иероглиф совести – покой –
Стал чуть витиеватей и сложнее.
Не постигая ту, что всех нужнее,
Адам не смог бы стать самим собой...
(Бозоны Хиггса, обращаясь в кварки,
За вас краснеют, приближаясь к свалке.)

Таким, возможно, замысел был Божий,
Когда Он создал все из ничего.
Казалось бы, Он что угодно может.
Или без мифов нету и Его?
Он наделил вас правом на ошибку,
Каким не обладал, а дисбаланс
Вам дал толчок. Смеется, плача, скрипка,
Мадонна дарит грустную улыбку,
И, упуская иллюзорный шанс,
Стреляет ближний в ближнего навскидку.
Он с вами строил то, чего отнять
И Сам не мог бы, пребывая в силе.
А смертным, что одной ногой в могиле,
Наверное, излишне объяснять,
Что все равно придется возвращать
Все, что они когда-то получили.
Он потому и Бог, что дал вам кров
И сотворил, иначе б во вселенной
Не родилась нетленной любовью
И не пришла неуязвимой тенью
Из трепетных, не слишком ясных снов.
Пьянящее и терпкое вино –
Его вода. Про ветхий дом на сваях,
Который опустел давно-давно
И позабыть пытался, покидая,

Лишь смертный скажет: «Это навсегда!
Сюда мне не вернуться никогда.
Такое никогда не забывают».
На вашей лжи замешан день творенья,
И с вашим блудом связан день конца.
В реликтовом найдете излученье
След вашего небесного Отца.
Таким, наверно, был Его мотив,
Что все переживет и все разрушит.
Недолговечно – вечный хрупкий миф,
По случаю в Его попавший уши
И бесконечно ноющий в груди.
И вот мультивселенных пруд пруди...
Но будут бесприютны ваши души.
Любовь... Она повсюду, через край!
За ней по океану, как по суше,
Идут из рая в ад, из ада в рай.

Бессмертные не падки на посулы,
Мучений ада не осознают,
Живут по букве, по закону судят
И никому осанну не поют.
В их крепкий сон, покой и аппетит
Тревоги смертных проникают тише,
И если кто-то бег минут и слышит,
То он им ни о чем не говорит.
Они стихи и музыку не пишут,
Не тонут в водах, не горят в огне,
Встречая милых, равномерно дышат
И никогда не видят их во сне.
Слепое ваше волеизъявление
И есть аналог жертвоприношенья.
О, смертные! Цените ночь и день,
В гармонии с Творцом или в раздоре
Вы одиноки в радостях и в горе,
По существу, Он только ваша тень.
Memento vita et memento mori.

Асфар ШАОВ, Ибрагим ШАОВ

ПАЦИЕНТ № 132, или Живи здесь и сейчас

ПОВЕСТЬ

В оформлении использована картина В. Серіха

ХАВВА. عاوح و مدأ

Мне заменили психолога, прошлый гештальт-терапевт охотно отказался от встреч со мной — видимо, почуял недоброе мое отношение к своей дипломированной персоне. А может, и следующего психолога сломать? Хоть какое-то развлечение в череде однообразных дней.

В назначенный час в комнату психологической разгрузки вошла стройная высокая девушка с большими черными миндалевидными глазами. Цвет волос и другие обычно видимые параметры европейской женщины обнаружить было невозможно, поскольку она была в платке и каком-то широком длиннополом платье. Хиджаб, пронеслось у меня в голове.

– Доброе утро! Ассаляму алейкум! – приятным голосом поприветствовала меня девушка. – Меня зовут Хавва, я ваш новый психотерапевт.

– Здравствуйте, у вас имя первоженщины! – вырвалось у меня.

– Да! – с улыбкой ответил мой новый психолог. – Как вы себя чувствуете? Каков запрос на нашу встречу?

– Мне надо примириться с тем, что внутри меня чужой орган, орган другого человека, – неуверенно начал я.

– С медицинской точки зрения донорское сердце никак не влияет на ваши привычки и характер,

Окончание. Начало см. «Дарьял» 2'2023.

это просто мышца, перегоняющая кровь, работает по принципу помпы.

– Я чувствую в себе какие-то пугающие изменения.

– Это ваше подсознание. Все ваши переживания связаны с подсознанием. Чем сложнее устроена ваша душевная конструкция, тем эмоционально сильнее и дольше вы будете проживать этот период вашей жизни. Грубые люди с черствой душой традиционно проходят психологическую реабилитацию в считанные дни и часто обходятся без встреч с психологом.

– Доктор, вы в Бога верите?

– Да, верю.

– А в какого?

– Я мусульманка. А вы правда ученый-филолог? – вдруг с интересом спросила она.

– Да, но здесь меня все почему-то путают с философом. А так я специализируюсь на представителях готического романа английской литературы второй половины восемнадцатого века. Это плеяда таких блистательных романистов, как Уолпол, Рив, Ли, Бекфорд, Радклифф, Льюис. А вы что предпочитаете? – ехидно спросил я.

– Мне ближе современная американская проза – Бартельми, Пинчон, Барт, Апдайк, – не задумываясь ответила Хавва.

– Да, но там не все так целомудренно, – улыбнулся я.

– Верно, но так во всем, мы все прикусили язык после столетий колониализма.

– Опять во всем виноват Запад? Не будите во мне Вениамина! Хотите объявить джихад? – пошел на типичную провокацию я.

– Вениамина? Нам необходим интеллектуальный личный джихад, а не военное насилие. И потом, интерес европейских интеллектуалов к истории и культуре Востока, а через него и к исламу периодически возобновлялся с новой силой. Искусство всегда являлось той площадкой, где происходила встреча культур и их взаимное обогащение. Вы сами подтвердите, среди названных вами романистов есть имя английского аристократа Уильяма Томаса Бекфорда. Он всю свою жизнь интересовался Востоком и к концу жизни принял ислам. На его фамильном склепе была высечена небольшая цитата из Корана.

– Такая версия имеет под собой основания. Но не идеализируете ли вы саму возможность добровольного массового обращения в ислам? – удивившись ее эрудиции, спросил я.

– Коран говорит нам об этом: «Скажи: “Явилась Истина, и сгинула ложь. Воистину, ложь обречена на гибель”»¹.

¹ Коран, 17, 81.

– Вас выставят религиозной фанатичкой, – вырвалось у меня.

– Ну да, доктор психологии, читаю Апдайка, два раза в неделю посещаю курсы по изучению яванского языка, по выходным хожу на фитнес, можно добавить поэтический кружок раз в две недели, волонтерскую работу в благотворительном фонде «Сделаем вместе» и многое другое. А так, да, я типичная религиозная фанатичка.

– А что Бог, Аллах, думает о трансплантации? – Будем и дальше испытывать нового верующего психолога, подумал я.

– В одном хадисе пророк Мухаммад, мир ему и благословение Аллаха, сказал: «Аллах не создал ни одной болезни, от которой не создал лекарства». Если трансплантация является единственным способом спасти жизнь человеку, то, по мнению большинства ученых ислама, это допустимо, – спокойно ответила психолог.

– У меня не рядовая трансплантация, это не почки и не печень, это – сердце! А разве Коран не говорит, что люди мыслят сердцами? Получается, я мыслю чужим сердцем? Это разве не противоречие?

Попалась, подумал гордо я.

– Вы должны понять, что с точки зрения науки сердце донора всегда будет для вашего организма чужим. Вы всю жизнь будете принимать иммуносупрессоры – лекарства, подавляющие ваш иммунитет. Иначе организм отторгнет донорский орган. Но метафизически это, конечно, ваше сердце. И если вас так заинтересовал религиозный аспект трансплантации, то с точки зрения ислама уже вы будете нести ответственность перед Всевышним за то, чем вы наполняете и питаете свое новое сердце. То есть в Судный день отговорка, что сердце не ваше, не сработает, – улыбнулась Хавва.

– В Судный день? – с сомнением переспросил я.

– Да. В Судный день, после смерти, мы все получим справедливый расчет, и даже самые хитрые из нас не избегут этого, – лаконично ответила Хавва.

– Похоже, что для некоторых из нас Судный день настанет уже в этой жизни... – этими словами я решил закончить нашу короткую встречу.

Психологи и весь медперсонал гипократово-клятвенно заверяли, что пересадка донорского сердца не влечет за собой перемену характера и привычек. Все проведенные исследования на этот счет, а также опросы пациентов, перенесших операцию по трансплантации сердца, однозначно опровергали медийный миф о

каких-либо послеоперационных поведенческих изменениях реципиентов. Якобы мои подозрения и переживания по этому поводу безосновательны и потому излишни. Но я упрямо стою на своем – сердце не столько физический, сколько трансцендентный орган. В таких случаях пациент всегда прав. Порой меня успокаивали большими и малыми дозами седативных средств. В какой-то момент медперсоналом была взята пауза, но скепсис с их стороны к моим легковесным убеждениям выдал себя на очередном медицинском обходе, когда заведующий отделением, прищутив глаза, сказал:

– Дорогой Адам, в вашем положении лучше не ждать вмешательства Бога.

– Но мы и не можем ждать милости от природы, – не раздумывая парировал я.

Мичуринская фраза едва ли была знакома врачу, но он оценил ее по достоинству. Повернувшись к сопровождавшему его персоналу, доктор посмотрел на них тем магическим взглядом, в котором безошибочно читалось то количество инъекций, которые в ближайшие сутки освободят меня от чувства жажды, голода, зубной боли и личных неприятностей.

– Все в окружающем нас мире – результат эволюции. Включая лекарства и технологии, с помощью которых вернули вас к жизни, – продолжил доктор.

– Так мы поплатимся за это своей человечностью. Зачем вы вообще лечите людей, если есть эволюция? Вы же ей мешаете!

– Не только я лечу – а в союзе с профессионализмом, лекарствами и естественным отбором, – пафосно отвечал доктор.

– Не та ли это «теория», в которой существует явный прокол – отсутствие в эволюции необходимого количества промежуточных звеньев?

– Вероятно, были эволюционные скачки, – не сдавался врач.

– Случайные мутации? Для них недостаточно времени, – уверенно давил я.

– Все связаны со всеми, – настаивал доктор. – У всех нас один предок.

– Это Адам?

– Нет – бактерия.

– Советская школа, – не найдя лучшего ответа, выпалил я.

– Здесь не то место и не то время, чтобы обсуждать дарвинизм.

Не волнуйтесь, во мне вы не увидите фанатичного адепта теории эволюции. В конце концов, между операциями есть время и для Шекспира, – вкрадчивым и мягким голосом сказал доктор. – Вам надо научиться переключать свои мысли.

Повернувшись, он быстро двинулся к двери. Последнее, что я расслышал, было:

– Соблюдайте наши рекомендации и берегите себя, – уже в штатном режиме проговорил он.

– Доктор, единственное правило, в котором безошибочно работают законы эволюции, – это ретроградный отбор, когда дурак подбирает на место после себя еще худшего дурака, – бросил я вслед уходящей фигуре в белом халате.

«От Бога можно не зависеть, лишь пока ты молод и благополучен; всю жизнь ты независимым не проживешь...» – жаль, что поздно вспомнился Хаксли.

СОСЕД II. PROXIMUM II

В палате нас было трое: я, Вениамин и Глебыч. Двоих первых вы уже знаете, пришло время познакомиться с Глебычем.

Это был пожилой импозантный мужчина лет шестидесяти, высокого роста, с землистым цветом лица и удивительно умным взглядом всезнающего интеллигента. По профессии журналист, известный блогер, ученый-самоучка, в прошлом политик, а также любитель лошадей и искусства. Его жизненным кредо было помогать людям, животным и матери-природе. Всю свою жизнь он кому-то помогал, о чем рассказывал с удовольствием, не лишенным частички тщеславия. Глебыч воплощал в себе лучшие качества гуманиста, альтруиста и мецената, помноженные на оптимизм.

– А вот еще был случай! – чуть с придыханием начинал он свой очередной рассказ. – Пришел ко мне фермер-трудыга, неправомерное решение об отъеме земли принес! Ну явно видно, что просто решили отнять землю у человека труда! Так я настолько смачно пропесочил этого судью в своем выпуске, что на следующий день отправили его в отставку и решение суда отменили.

Подобные истории не кончались.

Глебыч практиковал йогу и дыхательную гимнастику цигун, без конца говорил о чакрах, мантрах, карме, перерождении, третьем глазе и прочей ерунде. При этом с теплом вспоминал Советский Союз и часто ностальгировал о том, как хорошо жилось при Брежневле. Советская привычка коллективизма стала его натурой. Он всегда организовывал абсолютно сибаритские по больничным меркам сиделки с чаем и печеньями, сдобренные бесконечными веселыми историями из его длинной жизни. Пирь Валтасара как последние пирь приговоренных к смерти, только у некоторых

этот приговор практически сразу приводился в исполнение, а для других откладывался на десять-пятнадцать лет – средний срок дожития пациентов с донорским сердцем.

– Ты со своим порядковым номером разобрался? Цифра 132 у тебя? Я тебе ключи к расшифровке дам, а дальше ты сам! – Глеб-быч увлекался нумерологией. – Вот смотри как у меня: я 112-й пациент, и это номер телефона службы спасения; значит, я должен кого-то спасти или быть спасенным. В году 365 дней. 112-й день года – 22 апреля: 4-й месяц, 22-е число. Это день рождения ВИЛа: Владимира Ильича Ленина и день рождения пророка Мухаммада, то есть Ленин – это предтеча дьявола, а Мухаммад – посланник Бога. Пока Ильича не похоронят в земле, мир не изменится к лучшему. И, видимо, мне уготована какая-то великая роль в этом! – многозначительно произнес он.

Что в нем подкупало особенно, так это его искреннее участие в чужой судьбе.

– Парень, ты не переживай, все будет хорошо! За черной полосой будет белая. Ты молодой, вся жизнь впереди, – бодро поддерживал он меня. – Скоро встанешь на ноги, гулять начнем. Поедем ко мне на дачу, порыбачим, шашлыки пожарим. Заживем, вот увидишь!

Заживем?! – подумал я. Он в курсе, что за жизнь нас ждет? Таким, как мы, пациентам обязателен пожизненный прием цитостатических препаратов, что предполагает высокий риск послеоперационных осложнений. Читаем инструкцию по применению лекарственного препарата: «Циклоспорин А задерживает жидкость, спазмирует периферические артерии, стимулирует выработку глюкозы и развивает фиброз почек». Ослабляется иммунная защита организма, что приводит к частым пневмонии, кандидозу, туберкулезу и другим заболеваниям. Не поднимать ничего, что весит больше пяти килограммов, не бегать, не прыгать, не нервничать – одним словом, инвалидность первой группы, пятьдесят процентов из нас умрут в течение первых десяти лет – что тут может быть оптимистичного?!

Отрадно, что способности мыслить и думать критически остались на прежнем уровне. Мне пересадили сердце, но не мозги. Вопрос – как их теперь совместить? На какую систему ценностей опереться? В эту же секунду пришло осознание того, что у человека в этом мире немного по-настоящему счастливых мгновений. Одно из них – это простая радость в сердце, которая не имеет никаких явных причин, приходит из ниоткуда и также в никуда пропадает.

До операции было непонятно, как можно получать удовольствие просто от жизни. Сейчас остались лишь сожаления о без-

возвратно прошедшем времени, когда можно было быть счастливым без повода. Эти путаные мысли приводят сердце в беспокойное состояние. Беспечное детство да бестолковая юность с разгульной взрослостью, все вместе – безвозвратно утраченное время. Как много упущено и сколько осталось времени впереди? – последняя мысль перед одолевавшей меня дремотой.

– Слышишь, профессор, просыпайся! – прервал мой поверхностный сон Вениамин. – Война началась! Совсем эти америкосы обнаглели!

Какая война? Что он несет? Какое мне дело до той войны? Война – это дело молодых. Тут бы со своей внутренней войной разобраться.

– Вот ты образованный человек, ученый... Сколько еще мир будет терпеть этих пиндосов? – искренне возмутился он. – Везде лезут со своей демократией! Все страны хотят сделать своими колониями. Если бы не болезнь, первым записался бы в добровольцы!

Герой! Он смерть видел? Как увидит, так сразу будет желать всем мира!

– А наш-то молодец! Никого и ничего не боится, сейчас мы им покажем, обломают они о нас свои белые голливудские зубы, как немцы в сорок первом! Там же нет мужиков, одни геи. У них мужики друг на друге женятся! В ихнем НАТО министр обороны женщина! Женщина! Слабый пол! На что они надеются?

О sancta simplicitas², хорошо, наверное, жить невеждой и не знать ничего о Жанне д'Арк, королеве Гвендолен, Клеопатре, царице Яххотеп и о многих других великих воительницах. Лучше бы колы принес...

Мысли соседа понятны. В какой последовательности выстроена новостная лента, в такой же последовательности мы воспринимаем поданные события. Во всем этом многоголосии все говорят от одного лица. Когда истины больше нет, выходит так, что все вокруг правы. Язык принадлежит всем, слова стали общие. Массы сжевывают и пожирают слова, превращая язык в бессмысленный гул – так, что он перестает их связывать. Тяжело после

² О святая простота! (лат.)

пафоса слов найти силы для обретения смысла. Язык политики подчиняет себе толпу, делая ее рабской, язык философии приводит ее к бунту, язык религии умиротворяет, а чего хочется мне?

В моем теперешнем существовании все житейско-бытейское теряло смысл, непредсказуемый финал свидетельствовал в защиту бесконечного количества будущих сценариев. Необходимо чудо, чтобы дать начало порядку с последующими необратимыми процессами. Все за и против в моем сознании окончательно разорвали закономерную связь поступков и причин. Мне выдрессировали мозг, сделав его ответственным за поиск непротиворечивых причин, ведущих к положительным следствиям.

МАМА. МАММА

Днем принесли телефон, и почти сразу позвонила мама:

– Сынок, как все прошло? – сдерживая слезы, спросила она.

– Да все нормально, мам, поправляюсь. Отторжения нет.

– Слава богу! Ты меня прости, сынок, что не смогла приехать: болею и силы уже не те.

– Мы же договорились, что не надо приезжать! Какие могут быть обиды?

– Фрукты есть? Витаминов хватает? – заботливо спросила она.

– Есть. Любые на выбор и в любом количестве.

– Яблоки не забывай, обязательно два яблока в день. В свое время еще доктор Чазов это говорил, когда его по телевизору показывали, я лично смотрела.

– Буду стараться, скоро выпишут, приеду домой. Поухаживаю за тобой, – искусственно-веселым тоном отозвался я.

– Ты всегда так говоришь, но не был дома уже несколько лет. Все о тебе спрашивают, все беспокоятся, все желают твоего выздоровления. Сынок, самое трудное позади, а значит, все лучшее впереди.

– Приеду, даю слово, мне некуда больше ехать. А когда все дороги ведут в никуда, мамуля, настала пора возвращаться домой.

Отчий дом остался в небольшом провинциальном городе, в котором было две достопримечательности: две дороги – одна ведет к морю, другая в горы. В таких городах стороннему взгляду может показаться, что жителей больше интересует их прошлое, чем, скажем, будущее. Кто выбирал будущее, тот стремился покинуть город, а уехав, скучал по нему как по самому лучшему месту на земле... Пора домой, к маме.

В обед пришла Лара с подносом больничной еды и объявила:
– Сегодня начнем ходить, мой золотой, – правда, по палате!
Пора, задача минимум – сделать десять шагов.

– С такими обильными обедами я скоро бегать начну, – отшутился я.

Ели мы как обычные люди. Наше питание можно назвать высококалорийным, с высоким содержанием белка для восстановления мышечной ткани и преодоления послеоперационного стресса. Под строгим запретом находились газировка и безобидный на первый взгляд грейпфрутовый сок. Оказывается, уровень в крови некоторых препаратов против отторжения изменяется под влиянием грейпфрута или грейпфрутового сока. Кроме этого, больничный диетолог рекомендовал снизить потребление богатых калием продуктов: абрикосов, бананов, апельсинов, сухофруктов. Калия было в нас и так достаточно, он повышался из-за дисфункции почек, которая была вызвана все теми же препаратами от отторжения. В остальном это была обычная еда, и ее можно было вполне успешно есть – если бы не сопровождавшая нас тошнота. От нее мы спасались мятными леденцами или принимали специальные противорвотные препараты.

Последовавшее за обедом занятие по ходьбе сводилось к следующему. Лара поставила в метре от моей кровати стул. Моя задача состояла в том, чтобы с ее же помощью я смог сделать пару шажочков до стула и сесть на него. Затем – обратно.

– Не бойтесь, из-за длительного лежания вы можете почувствовать сильную слабость в мышцах, дрожь и головокружение, так бывает. Поэтому, можно сказать, придется учиться ходить заново, – поддерживая меня за локоть, подбадривала Лара.

Я довольно уверенно встал и практически без ее поддержки сделал небольшие шаги до стула, сел. Через мгновение поднялся и вернулся на кровать.

– А вы молодец! И вправду скоро побежите, Адам! Давайте следующие упражнения – ходьба на месте и отведение поочередно ног. Только держитесь за спинку стула. А потом опять пошагаем.

– Домой бы вернуться, я уже свое отбегал! – многозначительно произнес я.

– Завтра принесу ходунки, начнете сами расхаживаться, – сообщила Лара.

После состоялся второй разговор с психологом Хаввой. Одета она была так же, только изменился цвет платка, он был голубого цвета.

– Ассаляму алейкум, Адам! Каков запрос на встречу? Что беспокоит?

– Скажите, доктор, мое сердце досталось мне с грехами его бывшего владельца? Я про черные точки, согласно исламскому вероучению... ну вы в курсе, – сознательно игнорируя ее приветствие, начал я.

– Вам достался новый орган – сердце. Естественно, что ваше духовное сердце осталось с вами и вы не принимаете на себя грехи донора, – спокойно ответила Хавва.

– Всем известно, что психология – это самозванная наука, которая начиналась как наука о душе, а трансформировалась в науку об индивидуальном сознании, включая чердачные и подвальные помещения. Но вы уходите от ответа.

– Меня пригласили к вам как психолога, а вы выводите меня на богословский дискурс. Врачебная этика не позволяет нам навязывать то или иное вероучение людям, находящимся в тяжелых жизненных ситуациях.

– Но у меня нет психологических проблем! У меня проблемы метафизические.

– Вы можете не подозревать о них, к вам на чердак и в подвал мы еще не заглядывали.

– Ничего интересного, кроме наносного старого хлама, там нет.

– Как раз это и является предметом исследования психолога, – заключила она.

– Если ты долго смотришь в бездну, то бездна начинает всматриваться в тебя. Так говорил Ницше! Вам не страшно?

– Я имею защиту. Кроме Аллаха никого и ничего не боюсь!

– Завидую! Вот бы и мне получить подобную защиту! – искренне воскликнул я.

– Вам надо окрепнуть, обрести себя, и со временем все придет в норму, – уже как психолог мягко сказала Хавва.

– Я послушно выполняю все предписания врачей, но отключить свою голову не могу. Потому и прихожу к вам.

– Ваш высокий интеллект мешает быстро примириться с трансплантированным сердцем. Пока ваша психика не пройдет все классические этапы восприятия смерти – отрицания, гнева, торга, депрессии, – вы не придете к принятию.

– А кто умер?

– Ваше первое сердце умерло в буквальном смысле слова, поэтому вы испытываете психологический дискомфорт и пока не можете принять донорский орган, – монотонно продолжала Хавва.

– Это противоречит ранее сказанному вами. Сердце понимается как обобщенное собирательное название души, духа, разума и т. п.

– К сожалению, время, Адам. В вашем состоянии нам запрещено проводить длительные сеансы. С какими чувствами оканчиваем занятие?

– Пустота, темнота и сырость, как на чердаке и в подвале.

Принять радость от жизни с новым сердцем мне мешал интеллект? Невероятным усилием воли я попытался продавить главную мысль: я жив! Но тут же бетонной стеной возник вопрос: кто жив? Я какой? Прежний или теперешний? Мои мыслительные изыскания сопровождались многозначительными вздохами, как вдруг мысль вильнула в сторону: неожиданно пришло на ум, что зовут меня как звали первого человека на земле – Адам. Интересно, что первого человека нам представили, но об имени последнего умолчали.

Перманентный мыслительный процесс дело жутко энергозатратное, надо высыпаться. «Сон – единственный отрезок времени, когда мы свободны. Во сне мы позволяем нашим мыслям делать, что им хочется», – не помню, кто сказал, по-моему, Вербер, но это не точно. Мысли бежали сплошным потоком сознания. Смерть – это вечный сон и неотъемлемая часть жизни. Кто интересовался моим желанием родиться? Ведь право на жизнь дарует мне автономное право на смерть. Вот бы они (врачи) удивились, если бы я им заявил о своем праве на смерть! И пусть именно они окажут эту услугу, как оказали услугу по пересадке донорского сердца. Мы соблюдаем все бюрократические формальности и подпишем необходимые бумаги. Но кто из них возьмется сделать последний укол? Этот человек хоть и санкционированно, но убьет меня, то есть станет убийцей? Врачи, убивающие пациентов, даже с их юридически оформленного согласия, это что-то новое в медицине. Но все же одно неоспоримое преимущество у эвтаназии есть – можно самому определить день и час своей смерти. А как перестать бояться смерти? Надо сделать так, чтобы жизнь стала хуже, чем смерть...

С этими мыслями меня вкатили в палату. Глебыч встретил меня ободряющим возгласом:

– Мой друг, ты выглядишь значительно лучше!

– Это обман зрения, Глебыч! – вяло ответил я.

– Послушай, надо всегда смотреть на тех, кому хуже, чем тебе.

Мы зимой волонтерим на вокзалах – бездомных кормим. Вот там знакомишься с действительно трагическими историями. Одиночество, предательство, потеря семьи и здоровья – неотъемлемые спутники жизни этих людей. Самое социальное дно, – глаза его загорелись. – Жаль, что я заболел, не скоро смогу вернуться в строй. Бескорыстно. От души. Не за деньги.

– Глебыч, бескорыстно делают добрые поступки только дети. А тебе уже за шестьдесят. Ты это делаешь хоть и не за деньги, но корыстно, например, чтобы поднять свою самооценку или чтобы выглядеть лучше в глазах окружающих.

– А что плохого в том, что у меня душа ребенка? – наивно спросил он. – В Евангелии сказано: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

– По тебе не скажешь, что ты читал Евангелие!

– Читал, правда, но не до конца, на «Коринфянах» застрял, – с сожалением отметил Глебыч.

– В душе ребенка нет ничего плохого, но в тебе не живет детская душа. Ты слишком много знаешь об этом алчном и лицемерном мире, – безэмоционально, по-судейски вынес я свой вердикт.

– Так, по-твоему, все, что я делаю, это только из выгоды? И сиротам помогаю, и собираю больным малышам деньги на операции, бездомным животным приюты нахожу, – начал краснеть и заводиться Глебыч. – И детям своим я тоже корыстно помогаю?

– Ты не нервничай, врачи запрещают. Просто честно загляни себе в душу, поговори с ней наедине. Ответы придут.

– Я о тебе был лучшего мнения, Адам!

– Не был ты обо мне лучшего мнения. Просто у тебя роль доброго отзывчивого человека, маска. Свое реальное мнение обо мне ты держишь при себе. Это такая игра, для взрослых.

– Какая к черту игра?! Я жить хочу, чтобы людям помогать, у меня столько дел незаконченных! Дочке надо помочь дом достроить, сына на ноги поставить, внуков вынянчить. И бездомные, и кошки, и собачки, как ты выразился, тоже ждут помощи от нас. Мне нельзя умирать просто так, я не для себя стараюсь.

– Глебыч, ты начни для себя стараться. Где все те, кому ты помогал и о ком так печешься? Твой телефон молчит, и тебя даже никто не навещает, – ехидно поддел я.

Мой собеседник замолчал, лег на кровать и отвернулся. Спустил какое-то время буркнул себе под нос:

– Может, ты и прав, но я не согласен так жить.

Что на меня нашло? Утром надо будет извиниться. Не зря говорят, что повышенные умственные данные налагают повышенную моральную ответственность. Чем одаренней человек, тем способнее он ранить окружающих. Немотивированную агрессию я списывал на побочное действие препаратов, назначенных врачами для скорой и успешной послеоперационной реабилитации. Утром разберемся.

– Сократ, не засыпай! – полушепотом произнес не участвовавший в разговоре с Глебычем Вениамин. – У меня хорошие новости. Ты про Рокфеллера слышал? Он семь раз делал пересадку сердца и дожил до ста двух лет.

Этот телевизор сделает из него полного имбецила, констатировало мое полуспящее сознание. Давно известно, что это фейк.

– Представляешь, сто два года! А мы-то с тобой только раз прошли через это... Вообще евреи правят миром, все контролируют: финансы, политиков, бизнес, – начал сваливаться в конспирологический бытовой шовинизм мой сосед по палате. – И в телевизоре только их рожи: певцы, музыканты, художники – все евреи, у всех фамилии или на -ич или птицы какие-нибудь. Они из любого предмета могут фамилию выдумать. Сталина на них нет! Он бы их всех за сто первый километр!.. И чурок заодно туда же!

Этот Веня добьет остатки моего душевного здоровья. Жаль, что пересадку мозга еще не делают. Утром надо составить четкий план, как достать колы.

СМЕРТЬ. MORS

Ночью мы проснулись от странного громкого хрипа, который доносился со стороны кровати Глебыча.

– Глебыч, что с тобой? Ты в порядке? – тихо позвал я.

Хрип усиливался. Палата наполнилась леденящим душу страхом неотвратимой смерти. Вениамин забился в угол кровати и оттуда молча моргал большими испуганными глазами.

– Сестра! На помощь! – раздался мой крик. – Пациенту плохо!

Добравшись до кровати Глебыча, я затараторил:

– Старик, ты чего это? Нельзя же умирать! Детям помочь надо, кошкам, собачкам. Эй, не закрывай глаза, Глебыч!.. Ну прости меня, это я не всерьез, не со зла, просто на эмоциях ляпнул, утром хотел извиниться! Прости, пожалуйста! Не умирай, мы же порыбачить хотели!

Глаза Глебыча были открыты, но смотрели они в потолок мимо меня, вены на шее вздулись до невероятных размеров, изо рта пошла кровавая мокрота. Вбежали дежурный врач и медсестра.

– Откройте окна! Реанимационная бригада уже в пути! Или язык прикусил, или нарушение ритма! Надо проверить пульс! – бегло бросив взгляд на Глебыча, заключил молодой доктор. – Адам, придержите ноги, я попытаюсь положить его на бок!

Двумя руками я зафиксировал худые длинные ноги Глебыча. Не знаю, сколько прошло времени. Но вскоре в дверях появились две фигуры реаниматоров, меня отодвинули на свою кровать. Глебыч начал хрипеть, захлебываясь в мокроте, и сильно биться в конвульсиях.

– Дальше мы сами! Судороги! Нарушение сердечного ритма! Приступ, – будто издалека слышалось мне. – Надо перевести в реанимацию!

Глебыч в последний раз громко захрипел и стих. Какая быстрая и нелепая смерть. Незапланированная, неожиданная и оттого драматически ужасная. Как там у классика... Человек смертен. Плохо то, что он иногда внезапно смертен...

Оставшуюся часть ночи мы с Вениамином не спали, просто молча лежали, думая каждый о своем. Я вспомнил отца, умершего от онкологии несколько лет назад. Чем-то он напоминал Глебыча: также имел много талантов, был бесконечно добрым, но, в отличие от соседа по палате, абсолютно непрактичным в жизни человеком. Идеалист-романтик. Писал стихи, картины, играл на гитаре, резал по дереву, был сильным игроком в шахматы, но мало что из этого доводил до конца. Папа бесконечно верил людям, обманывался, но все равно продолжал верить, наивно полагая, что в этот раз его не одурачат. Духовно мы были очень близки, несмотря на то, что по характеру и привычкам я был больше похож на мать. Но как отец он сделал для меня все и даже больше. Возился со мной, пока я был маленький, и безуспешно – поскольку природа не наделила меня такими же яркими талантами – учил тому, чем овладел сам. Его советы остались при мне на всю оставшуюся жизнь. Люби людей, сынок, не делай зла. Будь честным, умеи дружить, не кради и не убивай, не завидуй никому, кроме молодых, шутил он. Поступай с людьми так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Банальные общечеловеческие истины для всех тех, кто ими не живет, а он жил...

Отец очень любил жизнь во всех ее проявлениях. Интересно, какой совет он дал бы мне сейчас?

Под утро понял, что больше не могу оставаться в палате. Толкнул дверь и вышел в пустой белый коридор. Что с нами со всеми случилось? В моем опустошенном сознании поднимался неконтролируемый шторм негодования.

Мы никто, мы нигде, мы никак. Мы сливаемся друг с другом, но не в единстве, а в единообразии. Жить в комфорте – наш идеал, мы ложно отождествляем его с достоинством. Кто-то, по моему Гегель, писал о том, что человек – это существо прямоходящее просто потому, что хочет он ходить прямо. И мы хотим не просто ходить прямо, а ходить прямо с достоинством. Но сегодня мы ползаем на четвереньках, мы живем для зарплаты с перспективой быть закопанными на местном кладбище. Внутри нас пуста. Мы пребываем постоянно в расчетно-кассовых отношениях со своей плотью и ее желаниями. Вся эта соматическая цивилизация с культом полезности оставила нас один на один с собственным телом, которому мы проигрываем и с которым мы безуспешно пытаемся договориться. Наше тело страстно желает обладать вещами, чтобы заслужить их благосклонность к себе. Восхищаясь ими, мы вовлекаем их в человеческие дела.

В культуре умирания все подчинено одному-единственному желанию – желанию обладать собственностью. В наших каменных джунглях идет бесконечная борьба за собственность и ее передел. Борьба за собственность – это любовь к жизни. У волков она своя, у людей – своя. Человек подчинен Року, что бесстрастно обрекает его на уничтожение. Жить в таком мире значит постоянно его желать. Но смена желаний не ведет к свободе и счастью. Нет смысла, нет цели, остались одни желания. Желание распространяется на все, и от этого все слишком похоже друг на друга. Все во всем не уверены. Страх подступает с разных сторон. Мы все пациенты одной больницы с одним для всех диагнозом – страх перед жизнью. Пора выбираться из этой удушливой больницы.

Проснувшись утром, я обнаружил отсутствие в палате Вениамина. Было непривычно проснуться в тишине самому, а не от его очередного бредового вопроса. Зашла медсестра с подносом стерильного, диетически выверенного завтрака.

- Лара, а где мой сосед? – поинтересовался я.
- Какой сосед? Вы с Глебычем вдвоем в палате лежали.
- Что за шутки, сестра? Вениамин, парень лет сорока, вон его кровать, до сих пор стоит незаправленная.
- А-а-а, понятно. Видимо, вас посетил делирий, – улыбнулась она. – Так бывает после наркоза и седативных препаратов. Делирий – это такой вид помрачения сознания, с галлюцинациями и яркими зрительными иллюзиями. Очень хорошо, что ваш так называемый сосед исчез, – звонко засмеялась она, – значит, идете на поправку.

Делирий? А с кем я вел беседы? То есть Вениамин – это мое глубинное альтер-эго? Моя альтернативная версия? Значит, в его характере и поступках отражалась часть моего подсознания? Эта новость ошарашила меня. Человек всегда больше чем один. Я понимал, что в каждом из нас есть такой второй человек, меня не устроили уровень и качество мыслей этой второй, внутренней части меня.

После завтрака по моей просьбе меня отвезли к психологу. В этот раз на Хавве был красный платок.

– Ассалямю алейкум, Хавва! – первым начал я. – Кейфа халюки?

– Алейкум салям, Адам! Вы знаете арабский? – удивилась Хавва.

– Знаю ли я арабский? Спросить, как дела, – это единственное, что я знаю по-арабски. Таким был условный знак ливанцам, приторговывавшим травой в университетских общагах. Нам слышалось слово «кайф», и оттого этот позывной легко запоминался и сразу ложился на язык.

Мы немного помолчали. Потом я сказал:

– Дайте мне пояснения по предопределению. Ночью умер Глебыч, а ведь все было хорошо, он шел на поправку. Разве такой финал напрашивался по божественному сценарию?

– Наверняка доктора вам говорили, что с точки зрения хирургического мастерства операция по пересадке сердца не такая сложная, как, допустим, на мозге. Главную угрозу для реципиента представляет его собственный иммунитет. Скорее всего, начался процесс отторжения донорского сердца, – как по пунктам разложила она.

– Это понятно, но я не об этом. Мой донор умер в соответствии с божественным предопределением в определенный час и день, погиб в автокатастрофе. Почему его сердце продолжает жить? И я должен был умереть по предопределению, но уже из-за износа и болезни своего сердца, но почему продолжаю жить? Объясните, как работает предопределение Бога. Каков алгоритм?

– Адам, вам, наверное, стоит обратиться в администрацию больницы с просьбой о предоставлении священника или имама. Вы не нуждаетесь в психологе, ваши вопросы относятся к религиозной составляющей жизни человека, – спокойно ответила психолог в красном хиджабе.

– Возможно, я так и поступлю. Но все же ответьте на мой последний вопрос! – умоляя, воскликнул я.

– Предопределение каждого живущего на земле существа скрыто от нас. Только Аллах знает, каков будет сценарий жизни и каким будет конец. Так лучше для нас.

– Ну а принципы и закономерности, из которых складывается божественное предопределение? Они тоже сокрыты? – не унимался я.

– Важно не как и когда, а кем умрет человек. Это сложный вопрос, раскрытие которого требует больше времени, чем мы с вами располагаем.

– Это нечестно. Я нуждаюсь в ответах, – давил свою линию я.

– Мы еще будем встречаться и говорить об этом. Это только первые шаги к новой жизни, – после короткой паузы продолжила Хавва. – Вам особенно сложно на начальном этапе реабилитации, это заметно по вашим резким реакциям. Но необходима определенная степень серьезности для достижения положительного результата. Вы ответственно намерены изучать ислам и вступить в серьезную полемику с его идеями? Насколько понимаю, вы не агностик и не скептик и ваше отношение к исламу в целом позитивно. Во всяком случае, эта позиция исключает приписывание исламу злой силы.

– Все, на что я готов, так это к серьезному отношению в вопросах познания Бога.

– Я не буду делать вид, что владею глубокими религиозными знаниями, как это может неверно показаться на первый взгляд. Во многом убедительность моих доводов строится на личном опыте. Но повторюсь, религия – это область моих убеждений, а наши сеансы лежат в научной плоскости... Пора заканчивать, вы сильно нервничаете.

– К вам заходишь с одним вопросом, а выходишь с несколькими! – напоследок раздраженно выпалил я.

Стало очевидно, что все следующие наставления психолога сведутся к фрейдистским поискам ответов на вопросы родом из детских психотравм. Надо в следующий раз имама попросить.

ДРУГ. AMICUS

После психолога меня отвезли на лечебно-оздоровительные процедуры, и потом Лара выкатила меня в наш цветущий райский сад.

– К вам посетитель, – уходя, сообщила медсестра.

– Я никого не жду!

С пакетом в руках ко мне приближался крупный мужчина в полицейской форме. Судя по звездам на погонах – полковник. Его красные щеки и черные усы не предвещали какой бы то ни было

угрозы, которая обычно сопровождает людей в форме. Кого это еще принесло?

– Салам, Адам! Не узнаешь студенческого друга? Восьмой блок, комната 409! Это же я, Алик! – радостно начал он. – Твоя мама сказала, что ты в больнице, и вот решил проведать. Я поблизости работаю, меня недавно в центральный аппарат перевели – дослуживать до пенсии.

Какой Алик? И что там у него в пакете, колу принес или не догадался? – вихрем пронеслось в моей голове.

– Я вот виноград, яблоки принес! – усаживаясь на скамейку рядом, произнес пока не узнанный мной усатый полковник.

– Крестный отец ты, что ли? – откуда-то из моего подсознания пришла догадка. – Усы зачем надел, Алик?

– Ну а кто ж еще, е-мое! – радостно воскликнул полковник.

– Ты чего вырядился в милицейскую форму? – чуть с удивлением спросил я. – Чтобы проходную пройти?

– Так я после универа в наркоконтроль пошел – и вот дослужился до полковника! – чуть смущенно, но горделиво ответил Алик.

– А как же дон Корлеоне? Ты же читал с пометками Марио Пьюзо! – засмеялся я.

– Да то неосознанное детство, баловство! – жуя принесенное яблоко, ответил настоящий полковник.

– А Керуак, Берроуз и Гинзберг? Тоже баловство? – спросил я Алика.

– Ты всегда слишком глубоко смотрел на проблему наркотиков. Но так на эту проблему не смотрит ни тот, кто потребляет, ни тот, кто продает. Я вообще дальше «Криминального чтива» не заходил, – мрачно произнес мой друг.

– Хотя ты и полковник, мы оба знаем, что проблему наркотиков не решить простым преследованием потребителей и дилеров. Надо мыслить глубже.

– Оставь эту тему! Лучше ешь, Адам, а то ты меня знаешь, не умею я навещать больных, отношусь к породе людей, которые приносят фрукты и сами же их съедают, – постарался сменить неприятную тему Алик.

– Это у тебя приобретенные привычки государственника, – беззлбно пошутил я. – Что слышно об остальных? Видишь кого?

– У всех по-разному. Кто врачом стал, кто прокурором, в бизнес многие ушли, общаемся редко, у нас чат общий есть, поздравля-

ем да соболезуем. Многие уже в могиле, кто от наркоты, кто в авариях сгинул, а кто от естественных причин. Давай тебя добавлю, все обрадуются!

– Позже, Алик. Надо чтобы сердце прижилось.

– Да приживется все! Кто выжил в наших общагах, от такой мелочи не умрет! – высокопарно произнес он.

– Слушай, ты можешь мне в следующий раз кока-колу в стекле принести?

– Какой разговор! Да я сейчас принесу. И не только колу – может, еще чего покрепче захватить? В медицинских целях, так сказать!

– Медсестра скоро придет. Не забудь в следующий раз. Всем нашим привет передавай и не говори, что со мной.

– Конечно! Ты, брат, поправляйся! – ободряюще воскликнул он.

– Дома давно был? – напоследок спросил я.

– Каждое лето. Всей семьей, с детьми, в отпуск, как положено! – по-солдатски доложил Алик.

– Время, ребята! Пора на ужин! – скомандовала Лара и, подхватив мою колесницу, укатила меня прочь от моего студенческого друга в новую, но уже такую привычную больничную реальность.

ДОКТОР. MEDICUS

Стоя у окна, доктор долго смотрел в сад.

– Коллеги, считаю, пациенту № 132 не стоит сегодня сообщать о смерти матери, – задумчиво произнес врач, обернувшись к консилиуму людей в белых халатах. – Он не окреп, боюсь, не выдержит. Скажем через пару дней. И непременно заранее подготовьте его к известию, поддержим его медикаментозно, надо будет сделать это максимально корректно.

ОДИНОЧЕСТВО. SOLITUDO

Один в палате, я словно Прометей с разрезанной грудью, страдания от одиночества порождали в сознании ложные идеалы бытия – они рухнули, но боль не прошла, еще больше усилилась, в дополнение сковывая ход моих мыслей страхом. Путаясь в невидимых нитях предопределения, хотелось ощущать от преодоления жизненных обстоятельств зримой легкости, но откуда взять силы на такие свершения? Психологией признается и

настоятельно подчеркивается уникальность индивида, но его личные проблемы безжалостно методологически типизируются в шаблоны, с полной уверенностью в их чудодейственные, универсальные для всех результаты. Но я – не все.

В чем основания моего Я? Я, не имеющий подобного себе клона. В хитросплетениях причинно-следственных связей, когда так легко нарушается весь стройный ряд биографических событий, стоит алогичному случаю создать помеху, и мы получаем множественные интерпретации судьбы собственного Я.

Это только в вымышленном мире работает расхожая фраза «все будет хорошо», но, как оказалось, когда приближаешься к опасной черте в реальной жизни, которая сулит неминуемую катастрофу, сознание в последней надежде также цепляется за избитую фразу «happy end». Наше тело – это монстр желаний и тюрьма души. После того как сметены религия, нация и производное от них – совесть, единственной реальностью остается тело желаний – неумная тяга к потреблению и наслаждению. Беспринципность нового времени отравила современность пренебрежением к нравственной нормативности, стерилизуя культуру и превращая возвышенное в музейный хлам.

Надо обратиться к Богу напрямую, без посредников и шарлатанов-психологов, ведь бабушка учила молитвам, я должен помнить. «Куль ху Аллаху ахад...» Не помню, как дальше, но дайте время, я вспомню. Очевидно, что Бог несовместим с машинами, научной медициной и всеобщим счастьем. Он выше всего этого. И он ответит на все мои вопросы, непременно ответит. Может быть, не сразу, а через время, надо смиренно проявить терпение.

С такими мыслями я пытался уснуть, ерзая на кровати.

А как же кола? Надо завтра пройти через проходную и реализовать свою ново-давнюю мечту о холодном шипящем напитке! Решено и будет исполнено. Я уже вполне набрался сил, чтобы пройти каких-то сто метров.

ФИНАЛ. FINARIUM

Утром, после завтрака, отказавшись от встречи с психологом, я был готов к достижению своей мечты, ради которой мне придется встать со своего инвалидного кресла и пройти около сотни шагов. Все мои мысли были устремлены в сторону сада.

– Лара, подкати меня поближе к забору, хочу посмотреть, как там на свободе! – шуточно попросил я медсестру.

Она покорно исполнила мое желание, пробормотала какую-то молитву и, мне показалось, уходя, незаметно перекрестила меня.

Жара, словно феном, обжигала горло, нестерпимо хотелось пить. Воспользовавшись удобным случаем для того, чтобы незаметно покинуть клинику, мое тело решительно двинулось навстречу мечте. Это желание преследовало меня с тех пор, как я оказался на больничной койке. Уже нет сил бороться с ним, давно пора перестать стесняться глупой мечты. Бренд «Кока-Колы» знают 98 процентов жителей Земли, а значит, жизнь и бренд неразличимы. По популярности лейбл колы спорит с Библией. Рекламные слоганы черного продукта звучат как назидания из «Песен Соломона».

Оставалось немного завернуть за угол, пройти двадцать метров по прямой, пересечь по диагонали проезжую часть, затем взойти на парапет тротуарной мостовой и оказаться в небольшом частном магазине. Каждый шаг отдавался болью в теле, но я шел навстречу своему желанию. Мое подсознание речитативом мотивировало меня слоганами всемирного реквием-коучинга. Ты сам выбираешь себя. Быть тебе бедным или богатым. Больным или здоровым. Счастливым или несчастным. Быть неудачливым или успешным. Все определяет твой выбор. Каждый день ты делаешь выбор. Перестань себя оправдывать. Будь эффективным, чтобы быть способным. Ставь себе предельные цели. Визуализируй свои мечты. У успеха есть образы. Не просто мечтай, а мечтай определенно. Умри здесь и сейчас, но не переставай желать, мечтать, дерзать!..

Мысли путались, но я привык к хаосу сознания. Я искал доброго совета, но не оказалось того, кто мне его даст. Мне не справиться с мыслями в одиночку, я не могу прекратить мыслить, но я могу начать действовать. Мои мысли всегда порождали и будут порождать во мне иллюзии. Человек и есть Время, а меня спасет миг! Пора перестать его ждать, чтобы стать другим. Настал момент для пробуждения! Здесь и сейчас твое сердце бьется, и я полон жизненной энергии. Не бойся сделать вызов Судьбе! Дыши... вдох и выдох... еще и еще. Живи...

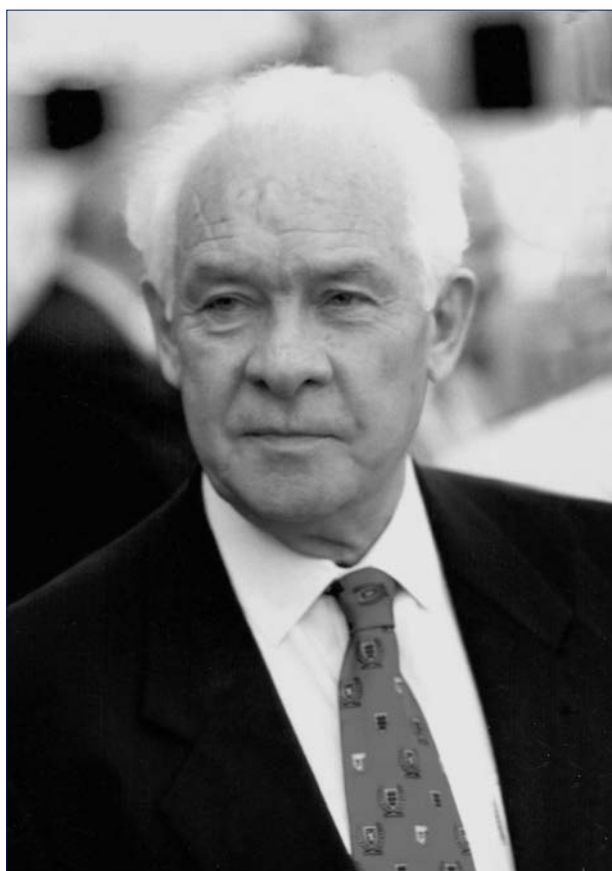
Вдруг раздался знакомый рингтон: кто-то звонит.

– Мама? – удивился я, стоя посередине дороги. И сейчас же услышал громкий сигнал и визг тормозов.

Так вот каково мое предопределение... – последнее, что успело прийти в голову.

Ахсарбек ГАЛАЗОВ

ПИСЬМА ВНУКУ

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

19 августа 2010 года

Мое детство, дорогой Азамат, связано и с Хумалагом, и с Бесланом. Почему я тебе больше рассказываю о Хумалаге? Потому что большую часть своего детства я провел именно в этом селе. Здесь жили мой дед Илас, мой отец Хаджимурза и моя мать Улацка, мои дедушка и бабушка, Бабзе и Готта. Здесь я получил свои первые впечатления и представления о мире и окружающих меня людях. Здесь я пережил и счастливые, и горькие, и трагические годы моего детства и отрочества. Здесь закладывались основы моей дружбы с мальчиками, юношами. Эту дружбу мы пронесли через все годы от детства до старости, сберегли ее и оставили в наследство своим детям как чистый, освежающий, не подвластный времени духовный родник.

Но и Беслан мне дорог. С ним связаны самые счастливые и самые печальные годы моего детства. В Беслане началось мое счастливое детство, согретое душевным теплом моих любимых родителей, – и здесь же мое детство печально закончилось после несправедливого ареста отца, попавшего под слепые и тяжелые жернова сталинских репрессий 37–38 годов.

В Беслане в семилетнем возрасте первого сентября 1936 года я пошел в школу. В памяти сохранился этот день. Нас – и первоклашек, и учащихся второго, третьего и четвертого классов – выстроили на площадке перед выкрашенным в темно-желтый цвет

Окончание. Начало см. «Дарьял» 1–2'2023.

одноэтажным зданием начальной школы, стоящим в центре обширного парка с большими фруктовыми и декоративными деревьями, с красиво постриженными кустарниками вдоль парковых дорожек и цветниками. Перед нами с короткими поздравительными речами выступили директор школы, кто-то из родителей, потом учителя повели нас в классы. Первыми порог школы переступили мы, учащиеся первого класса, а за нами все остальные.

И тогда, Азамат, первое сентября считалось праздником. Но не было всего того ажиотажа, который создается вокруг начала учебного года сегодня, когда многие родители тратят последние деньги на дорогостоящие букеты цветов и подарки учителям, на покупку учебников, письменных принадлежностей, одежду и обувь для своих детей. Я помню, что на столе моего первого учителя, Миры Андреевны, лежал только один красивый букет свежих, с ароматным запахом, красных роз.

Мира Андреевна, молодая красивая женщина, поздравила нас с началом «интересной, увлекательной школьной жизни», потом открыла классный журнал и стала по алфавиту называть наши фамилии и имена. Она это делала медленно, потому что каждый из называемых учеников при этом вставал, а она своим добрым изучающим взглядом окидывала очередного ученика или ученицу, повторяла своим мягким грудным голосом его имя и при этом приговаривала:

– Очень хорошо, спасибо, можешь садиться.

Меня посадили за третьей партой от стола учителя рядом с девочкой с длинными, туго заплетенными черными косичками и ключичими карими глазами навывкате. Она все время была в движении: ее головка двигалась вслед за взглядом Миры Андреевны, и она вслед за учителем повторяла: «...хорошо, спасибо... можешь садиться...»

После того как Мира Андреевна познакомилась с нами, она открыла классный журнал и объявила, что первый урок мы начнем с изучения букв и звуков. Все, что она показывала нам и чему учила нас и на первом, и на втором уроке, мне было знакомо. Я уже до школы с помощью мамы (она окончила в свое время два класса церковно-приходской школы) и дедушки изучил азбуку, мог читать по складам, считать...

К концу второго урока я собрал свой ранец, закинул за плечо и пошел к выходу из класса.

– Ахсар! Ты куда собрался? – спросила меня ласково Мира Андреевна.

– Я? Я – домой: все это я уже знаю, – ответил я вежливо, как мне показалось, учителю.

– Вот и отлично, – сказала Мира Андреевна. – Я еще хотела попросить директора дать мне помощника. Вот ты и будешь моим помощником. Оставайся и помогай мне.

Я вернулся, сел на свое место и получил от своей соседки по парте удар локтем в бок с обидными словами:

– Зазнайка. Подумаешь, он все знает!

Все уроки я досидел до конца, но так и не смог понять, в чем будет заключаться моя помощь учителю. Я внимательно слушал Миру Андреевну, старался вникнуть в суть ее объяснений и стал осознавать, что даже в знакомых мне буквах, звуках, цифрах в ее изложении появляется нечто новое, ранее не известное мне. И еще пришлось мучительно долго думать все это время над тем, чем меня оскорбила Рита (так звали мою соседку по парте). В том, что она меня оскорбила, у меня сомнений не было. Вся сложность ситуации заключалась в том, что я не знал смысла слова «зазнайка».

После возвращения из школы я застал за обедом отца, мать, сестренку Римму и моего младшего брата Юру, которому недавно исполнилось два годика. Все обрадовались моему приходу, поздравили с первым «школьным трудовым днем» и спросили, какие впечатления у меня от школы.

– Ты помой руки, приведи себя в порядок, а потом за обедом расскажешь нам о своих впечатлениях, – посоветовал отец.

Я последовал этому совету и за столом честно обо всем рассказал, заодно выяснил и содержание слова «зазнайка».

– Ничего страшного не случилось, сынок. Бывает и похуже. Но мой тебе совет: будучи в коллективе, в обществе людей, а твой класс – это детский коллектив, старайся не выделяться из общей, коллективной среды. Если ты знаешь больше других, поделись своими знаниями с другими, не задирай свой нос оттого, что ты знаешь больше них. От зазнайства до незнания, а потом и откровенного невежества и хамства всего один шаг. Если ты не будешь прилежно учиться вместе со всем классом, то ты даже не заметишь, как твои одноклассники обойдут тебя, а ты в результате своего зазнайства намного от них отстанешь. Учти, дорогой, что зазнайство – это порок, который порождает лень и неуважение к другим людям. Эти качества присущи только очень плохому человеку. Старайся их избежать. Тогда и тебе самому, и окружающим тебя людям будет легче жить.

Эти слова отца я хорошо запомнил. Старался следовать им. Получилось у меня или нет, не знаю. Но считаю эти слова

правильными, поэтому прошу тебя запомнить их и следовать совету своего прадедушки.

Окончил я первый класс хорошо. Я забыл о том, что должен в чем-то помогать учителю, а Мира Андреевна, которую мы полюбили всем классом, мне не напоминала больше о моих обязанностях помощника. Я подружился со всеми мальчиками и девочками нашего класса. Мы всегда помогали друг другу, заводили интересные игры на переменах, дарили друг другу в праздничные дни всякие детские книжки и игрушки. К концу учебного года мы подружались даже с «колючей» соседкой по парте Ритой, и я забыл, что в первый день учебного года она меня назвала неизвестным мне, но обидным словом «зазнайка».

Учебный год в первом классе Тулатовской (Бесланской) начальной школы начался для меня 1 сентября 1936 года и закончился 20 мая 1937 года. Больше никогда и нигде я не встречался ни с кем из своих одноклассников по этой школе и со своей любимой первой учительницей Мирой Андреевной.

Будь здоров, мой дорогой друг!

Всегда твой, дед.

19 августа 2010 г.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

23 августа 2010 года

Начало 1937 года принесло в нашу семью радость: у меня появился второй братик, смешливый, любопытный, всегда веселый Эльбрус. Теперь у нас была большая семья. Она состояла из отца и матери и нас, их детей: сестры Риммы, братьев Юры, Эльбруса и меня. Мы все были очень дружны, понимали друг друга, радовались друг другу, и нам казалось, что так будет всегда. Я тогда не мог даже представить, что что-то может нарушить наше семейное счастье и покой.

Но, просыпаясь ночью от тревожного разговора родителей, я начал понимать, что их волнуют какие-то неведомые мне события и обстоятельства. Они говорили шепотом, чтобы не разбудить детей, но их тревога постепенно стала передаваться и мне. Своим детским сознанием я начал понимать, что надвигаются какие-то неприятные события. Какие, я еще не мог тогда представить.

Однажды, примерно через месяц после окончания учебного года, мама меня позвала к себе, крепко обняла и сказала, что

отца переводят на работу в Бесланский маисовый комбинат (БМК) и мы должны переехать на жительство в Хумалаг.

– В поселке комбината в настоящее время свободных квартир нет, поэтому вся семья переезжает в Хумалаг, а ты пока поживешь у Куловых и будешь учиться в средней школе № 2 Беслана, которая работает, как и твоя школа, по учебным планам городской школы. Сейчас в поселке строится новый корпус, в котором папе выделяют квартиру, и тогда мы будем опять все вместе. Мы с папой считаем, что у Мацко и Замиры тебе будет хорошо, а мы тебя будем часто навещать. Ты уже взрослый мужчина, сынок, и мы надеемся, что будешь достойно вести себя в семье наших близких родственников и хорошо учиться. Договорились? – закончила она бодрым голосом.

– Договорились, – ответил я так же бодро, хотя на протяжении всего разговора мамы моя тревога все больше и больше нарастала.

В 1937 году отца исключили из партии, сняли с должности председателя исполкома Правобережного райсовета депутатов трудящихся и назначили на должность коммерческого директора БМК. Но я тогда не понимал смысла происходящих событий и отнесся ко всему, что произошло, так, как мне это представила мать.

В июле 1937 года наши вещи погрузили на две грузовые автомашины и отправили в Хумалаг. В кабину одной из машин села мама вместе с маленьким Эльбрусом, в другую – тетя Дзыгулла с моей сестренкой Риммой и братиком Юрой. Нас же с папой повез в Хумалаг на бидарке дядя Швец. В бидарку был впряжен тот же гнедой конь с белой полоской на лбу, ехали мы той же дорогой, что в первый раз с отцом, но уже не было той радости, которую я испытывал тогда. Почти всю дорогу и отец, и дядя Швец молчали, да и у меня не возникло никакого желания прерывать их молчание. Только на подъезде к Хумалагу дядя Швец глубоко вздохнул, потом попросил отца:

– Хаджимурза, ты очень дорогой мне человек. Я привык и к тебе, и к вашей семье. Особые отношения у меня с моим боевым помощником Ахсариком... Очень прошу тебя, дорогой, возьми меня с собой на работу в комбинат. Не могу я без вас: один я остался на свете после смерти моей старушки, – после этого он еще раз глубоко вздохнул и рукавом своей рубашки смахнул с лица наворачнувшиеся скупые мужские слезы.

– Успокойся, дорогой Швец. И мы к тебе привыкли: считаем членом нашей семьи. Сейчас тревожные времена: трудно предсказать, какая судьба ожидает меня завтра. Но если все будет

хорошо, я обязательно выполню твою просьбу. Не вешай голову, старина! Мы с тобой еще и поживем на радость твоему помощнику, и поработаем вместе, – закончил отец и мягко опустил свою тяжелую руку на мое плечо.

К сожалению, дорогой Азамат, судьба распорядилась не так, как хотели мой отец и дядя Швец.

В этот день Швец до глубокого вечера был вместе с нами. С дедушкой и отцом они сидели за столом, ели пироги и курицу, которые приготовила бабушка Готта, что-то выпивали, произносили какие-то тосты... Перед отъездом дядя Швец со всеми нами тепло попрощался, крепко, по-мужски обнял моего отца со словами:

– Держись, Хаджи! Ты мудрый, сильный, настоящий мужчина. Правда на твоей стороне: она победит твоих врагов...

После этого я никогда больше не встречался с дядей Швецем. События развивались таким образом, что мне даже не удалось узнать, как сложилась дальнейшая судьба этого доброго честного труженика, друга нашей семьи.

Все лето я провел в Хумалаге. Это было тревожное лето 1937 года. В стране, в том числе и в Осетии, началась «охота на ведьм», страшная кампания по выявлению врагов коммунистической партии и советского строя. Конечно, дорогой друг, у советской власти были настоящие враги, но вместе с ними начались аресты честных, порядочных людей, преданных советскому строю.

Плохие люди были, есть и будут во все времена. Свою гнилую сущность, свои шкурные интересы они раскрывают в тяжелые для страны и народа периоды. Эта закономерность особенно ярко проявилась в 1937–1938 годах. Тогда по доносам грязных и алчных людишек, стремившихся построить свою карьеру на чужом горе и выслужиться перед властью, пострадали десятки тысяч безвинных людей. Среди них были талантливые специалисты, организаторы производства, ученые и деятели культуры, преданные партии и советскому государству руководители, честные труженики. Людей брали на работе, дома, в командировке. Без объяснения причин и мотивов производили обыски, конфисковывали имущество, сажали доселе уважаемых людей в специальные машины и увозили в тюрьму. Эти машины прозвали в народе «черными воронами».

Каждая ночь летом 1937 года для матери, дедушки и бабушки становилась настоящим кошмаром. Они просыпались от каждого гудка автомашины, тревожно прислушивались и о чем-то шептались. Их успокаивал отец и просил не паниковать по пустякам.

– Все будет нормально. И в партии, и в государстве, кроме отдельных негодяев, работают мудрые и порядочные люди: они во всем разберутся и примут правильные решения, – говорил отец. – Уверен, что все невинные люди, ошибочно посаженные за решетку, вскоре будут оправданы и выйдут на свободу, а всякие стукачи и другая нечисть будут наказаны. Что касается меня, дорогие, то я за собой никакой вины не чувствую и надеюсь, что буду восстановлен в партии. Новая должность мне по душе. Через два дня еду в командировку в Москву для заключения новых соглашений по поставке патоки и крахмала в крупные столичные предприятия пищевой промышленности. Это даст мне возможность повидаться с моим братом и его семьей.

Отец заметил, что и я не сплю, и переключился на меня:

– А ты чего не спишь, сынок? В твои годы я не обращал внимания на всякие пустые разговоры старших и спал без задних ног. Спи, дорогой. Кстати, что тебе привезти из Москвы?

Последний вопрос меня успокоил: тревога за отца ушла. Я попросил его привезти мне матроску и крепко уснул.

Утром я проснулся рано, но отец уже уехал на работу. Целый день провел рядом с дедушкой, старался помогать ему. Заметил, что впервые работа у него не ладится, все валится из его натруженных, умелых рук. Я решил, что он заболел, и предložил:

– Бабзе! Мне кажется, ты заболел. Сейчас сбегаю к Акоевым за мамой и попрошу ее, чтобы она дала тебе лекарство. У тебя быстро пройдет твоя болезнь, и мы сможем продолжить работу...

– Э, баппу, моей болезни мамины лекарства не помогут. Скорее бы прошло это проклятое время и власти дали честным людям жить и работать на совесть. Ты, дорогой, за меня не переживай: я в жизни многое повидал, много перенес и приучил себя никого и ничего не страшиться. Мужественный, честный и совестливый человек даже в самых сложных ситуациях не теряет надежду. В народе правильно говорят: «Къæвдайы фæстæ хур бон дæр скæны»¹. Давай мы вот чем с тобой займемся: отберем лучшие яблоки, сложим в красивую корзину, которую мы с тобой недавно сплели, и попросим твоего отца отвезти их в Москву Хаджимуссе, Саше и их детям. Очень любил твой дядя эти яблоки, – закончил дедушка.

Мы так и поступили. Собрали его столярные инструменты, вернули их на свои места, потом дедушка достал из амбара красивую, с удобными ручками, сплетенную из тонкой лозы корзину и попросил меня сбежать к нашим родственникам Галазовым и

¹ После ненастья наступает и солнечный день.

пригласить Цара (это был младший из двух братьев; старший, которого звали Борис, находился в это время в армии). Дом Кти Галазова стоял прямо напротив нашего дома. Я перебежал дорогу, перепрыгнул через арык, который протекал рядом с их домом, и вошел во двор. Под навесом сарая сидел Цара и обедал. Он пригласил и меня разделить с ним трапезу, но я вежливо отказался и передал ему просьбу дедушки. Цара отодвинул тарелку и немедленно встал.

Дедушка обрадовался приходу Цара. Он очень любил этого красивого, коренастого, всегда подтянутого юношу, часто приводил его в пример детям и наставлял их следовать его примеру во взаимоотношениях со старшими, женщинами, соседями, односельчанами. Цара быстро взобрался на яблоню, которая росла у нас во дворе, и принялся снимать с нее лучшие яблоки. Он клал их в небольшой ящичек и на веревке аккуратно спускал на землю. Мы с дедушкой из этих яблок отбирали самые твердые, ничем не поврежденные, и складывали в красивую корзину, сплетенную Бабзе.

Работа эта заняла не больше часа. После этого Цара слез с дерева, отнес корзину, наполненную яблоками, в наш летний открытый хадзар. Он выразил благодарность дедушке «за оказанную честь», просил всегда рассчитывать на его помощь и собрался уходить. Но дедушка не отпустил Цара и пригласил его вместе с младшим братом (то есть со мной) отведать бабушкиных пирогов. После небольших уговоров Цара согласился, и мы вместе с ним очень вкусно пообедали.

На второй день утром рано, прихватив с собой и нашу с дедушкой корзину с яблоками, и другие гостинцы для брата и его семьи, отец уехал в Москву на поезде Орджоникидзе – Москва. Вернулся он через две недели. Был веселым, радостным. Рассказывал о брате, твоём, Азамат, двоюродном прадедушке, которого звали Хаждимусса, его супруге Саше (Александре Константиновне), об их первом ребенке – сынишке, которого нарекли Хазбулатом. Был доволен успехами брата на работе в Министерстве иностранных дел СССР, но сокрушался по поводу того, что из-за жалобы клеветников из Хумалага Хаждимусса не смог выехать в командировку в Великобританию. После окончания института международных отношений его, как молодого талантливого специалиста в области международной экономики, направили полномочным представителем СССР по торговле в Великобританию. У него уже были на руках и соответствующий мандат, и билет на самолет, но за день до вылета в Лондон из Хумалага поступила в ЦК КПСС на

него анонимная жалоба, в которой указывалось, что он является сыном «кулака», бывшего старосты села Иласа Галазова. Мой дядя был вынужден и вернуть выданный ему мандат, и сдать обратно в кассу билет на самолет. Очевидно, на это решение МИД и ЦК повлияло и исключение моего отца из партии и снятие его с работы. Вот так, дорогой Азамат, в этот период моего детства ломались человеческие судьбы: честные люди, талантливые специалисты и организаторы оказывались по наветам грязных людей в списках врагов народа.

Правда, отца успокоило то обстоятельство, что его младшего брата оставили в Министерстве иностранных дел на ответственной работе. Он был доволен и своей командировкой: в Москве ему удалось решить все те вопросы, которые перед ним поставили и руководство БМК, и руководство республики.

Он радовался, наверное, и тому, что для всех нас привез подарки. Мне, как я и просил, он купил полный детский костюм моряка. С особым удовольствием он передал мне подарок моего дяди. Это были три книги: «Робинзон Крузо» английского писателя Даниеля Дефо, «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» американского писателя Марка Твена.

К тому времени я уже довольно бегло читал, пристрастился к чтению, знал наизусть много стихотворений Коста Хетагурова, Александра Пушкина, других осетинских и русских поэтов. С большим интересом еще до начала учебного года я прочитал и подаренные мне книги о приключениях Робинзона Крузо, проделках Тома Сойера и Гекльберри Финна.

Постепенно жизнь нашей семьи в Хумалаге вошла в привычное русло: и мама, и бабушка, и бабушка перестали тревожиться за отца. Папа рано уезжал на работу, часто бывал в командировках в соседних республиках и областях, решал вопросы поставок сырья для комбината с руководителями республик, краев и областей Северного Кавказа, с руководителями районов, председателями колхозов и директорами совхозов. В интересных играх, состязаниях со своими друзьями-сверстниками проводил свое время и я.

В конце августа 1937 года отец и мама с маленьким Эльбрусом на руках отвезли меня в Беслан к нашим родственникам Куловым. Жили они в поселке Бесланского маисового комбината в 23-м корпусе на первом этаже. В трехкомнатной квартире с общей кухней на две семьи они занимали одну большую комнату и одну маленькую. В третьей комнате жили муж и жена Азиевы.

Это был воскресный день, и все Куловы – отец Мацко, его жена Замират, старшая сестра моей мамы, старшая дочь Куловых Аза,

сын Майрам и младшая дочь Ира – были дома. Они очень радушно нас приняли, накормили обедом, выразили готовность создать необходимые условия для моей успешной учебы. При этом Мацко, как мне показалось, очень суровый, сумрачный мужчина, куривший беспрестанно, заметил:

– Я очень рад, что вы решили отдать на учебу Ахсара в нашу школу. Школа очень хорошая: она славится на всю республику. И учитель у них с Майрамом – знающий человек, настоящий мужчина. Может быть, с помощью вашего сына и мой балбес у него чему-нибудь научится, – закончил Мацко, с усмешкой посмотрев в сторону сына.

– Мацко, Замира, спасибо вам за теплый прием и вкусный обед. Надеюсь, что наши дети не подведут нас: будут достойно вести себя и хорошо учиться, помогая и поддерживая друг друга. А сейчас, Майрам, ты отведи нас в школу. Я хочу познакомиться с вашим учителем и представить ему его нового ученика.

– Дядя Хаджимурза! – поднялся из-за стола и воскликнул Майрам. – Владимира Михайловича сегодня в школе нет. Вообще в воскресенье там никого не бывает.

– Про воскресенье ты правильно говоришь, дружок, но я договорился с директором школы, и ваш учитель сегодня нас будет ждать. Завтра я опять уезжаю в командировку, и у меня нет другой возможности встретиться с ним перед началом учебного года. Так что веди нас в свою школу.

По кислому выражению лица Майрама я понял, что у него не было никакого желания встречаться со своим учителем. По дороге в школу, а она была недалеко, папа стал интересоваться успехами Майрама в учебе. Он долго молчал, но потом тихо произнес:

– Перевели.

Майрам, с которым мы потом подружились, был старше меня на один год. Поступили мы с ним в первый класс в один и тот же год. Только я с семи лет, а он – с восьми.

Мой будущий учитель Владимир Михайлович, подтянутый, сухопарый молодой мужчина среднего роста, ждал нас у входа в просторный красивый двор средней школы № 2 Беслана. Он поздоровался с отцом за руку, потом подошел к нам, робко стоявшим за спиной отца, протянул обе руки, в одну он взял руку Майрама, в другую – мою и весело произнес:

– Здравствуйте и вы, молодые люди!

С отцом они недолго о чем-то говорили, после чего он повел нас в школу, трехэтажное кирпичное здание, которое стояло в

центре двора-парка. В школе, кроме технических работников, никого не было. С Владимиром Михайловичем мы поднялись на второй этаж, прошли по длинному коридору и вошли в класс, на дверях которого была прикреплена красивая табличка с указателем «2 "А" класс».

– Хаджимурза Ильясович, – обратился учитель к отцу, – вот в этом классе мы будем трудиться с вашим сыном до окончания им начальной ступени. Я уже имел возможность на августовских совещаниях пообщаться с Мирой Андреевной, и она дала весьма лестную характеристику Ахсару. Уверен, что и мне он будет помощником. А сидеть он будет прямо передо мной за первой партой. А ты, Майрам, будешь сидеть на прежнем месте.

На этом мы расстались. Когда папа, мама и Эльбрус уехали и мы остались наедине с Майрамом, он сказал:

– Ух, пронесло! Я боялся, что он будет спрашивать меня про задание.

– Какое задание?

– Прочитать какие-то книжки, стихи выучить наизусть. А я ничего не читал и не учил. Не люблю я все это.

Я не стал выяснять, почему он не любит читать и учить стихи наизусть. Решил отложить выяснение этого вопроса до следующего раза. Это было связано и с тем, что Майрама позвали его друзья играть в футбол. Он с радостью принял приглашение и меня взял с собой. Недалеко от нашего корпуса была хорошая поляна, которую дети расчистили, разметили футбольное поле, установили ворота с деревянными стойками и перекладинами, на которые натягивалась сетка. Ворота стояли все время, а сетку каждая команда имела свою и перед каждой игрой натягивала на ворота. Пока самые лучшие умельцы натягивали сетки, другие обсуждали расстановку игроков на поле. Долго спорили, но всегда последнее слово оставалось за капитаном.

Наша команда, то есть та, в которую входил Майрам, состояла из мальчишек 23-го и еще двух соседних корпусов. Вторая команда – из мальчишек следующих трех корпусов. Судей выбирали нейтральных. Они не должны были проживать в тех корпусах, где жили участники игры.

Игра началась. Ребята гоняли мяч, бегали, били по воротам, но мяч упорно не хотел залетать в сетку. Первое время я просто наблюдал за игрой. Минут через двадцать одного из игроков нашей команды позвал отец, и наши оказались в численном меньшинстве. Это очень расстроило капитана команды, рыжеволосого шустро-го мальчика по имени Сережа.

– А это кто? – показывая на меня, спросил Сережа у Майрама.
– Это мой братишка Ахсар. Он со мной в нашей школе будет учиться. Живет у нас.

– А в футбол он умеет играть? Не сдрейфит? – продолжал капитан допрашивать Майрама.

– А ты у него самого спроси. Чего ты ко мне пристал? – огрызнулся мой двоюродный брат.

– Ладно. Пусть играет. Но если сдрейфит, выгоню, – с грозным предупреждением дал согласие капитан на мое участие.

Я ничего не сказал, вступил в команду, занял место ушедшего мальчика в нападении. Так получилось, что я бегал быстрее всех в этой команде, легко вел мяч, обводил игроков соперника и за игру забил три мяча. Как бы сказали сейчас: дебютировал в команде хет-триком.

Игру мы закончили, когда уже начало темнеть и трудно было разглядеть коричневый мяч на темной траве. Наша команда победила со счетом 4:2, и мы, довольные и игрой, и победой, и друг другом, стали расходиться по домам.

У края поля меня остановил высокий стройный молодой человек с добрым продолговатым лицом и орлиным носом. Вдруг все мальчишки нашей команды и команды соперников остановились и возбужденно зашептали: Камбегов... Камбегов... Камбегов!

Оказывается, молодой человек, который меня остановил, был Камбегов, легендарный нападающий футбольной команды «Пищевик». Была такая команда у БМК. Она успешно выступала на чемпионате республики, на своем поле вообще всегда побеждала и собирала полный стадион болельщиков. Болели за команду все жители Беслана, особенно дети. Они знали всех футболистов, почитали их, а Камбегов был их кумиром. До этого момента, к моему стыду, я ничего не знал ни о команде «Пищевик», ни о ее футболистах, ни о Камбегове.

– Добрый вечер, молодой человек! – приветствовал меня Камбегов (его имя так и осталось мне неизвестным). – Как тебя зовут?

– Меня зовут Ахсар. Я из Хумалага, но жили мы в Беслане. А теперь я буду жить и учиться здесь, – ответил я.

– Это я все знаю, – сказал Камбегов. – Знаю, что ты сын всеми уважаемого Хаджимурза Галазова, знаю, что ты будешь учиться в средней школе № 2 Беслана. Но я о другом. У меня к тебе предложение. Мы при команде «Пищевик» создаем детскую футбольную школу. Можешь называть ее детской футбольной командой «Пищевик». В эту школу, в эту команду мы будем набирать способных ребят, умеющих быстро бегать, держать и водить мяч,

дисциплинированных, настоящих трудяг. Я посмотрел сегодня игру вашей команды, и мне показалось, что ты, если захочешь, можешь стать хорошим футболистом. При твоем согласии могу внести твою фамилию в предварительный список учеников футбольной школы, или детской футбольной команды, – кому как нравится. Так как, согласен?

– Согласен, – робко ответил я и пожал протянутую руку знаменитого футболиста.

Все это время мы были в окружении маленьких футболистов. Они все слышали и как-то по-новому смотрели на меня. Даже наш рыжий «суровый капитан» Сережа после этого разговора с Камбеговым на прощание крепко пожал мне руку.

У Куловых мне было хорошо. И тетя Замират, и дядя Мацко, и их дети – старшая дочь Аза, младшая Ира, сын Майрам – были очень внимательны, добры ко мне. Мацко, слесарь высшего разряда, рано утром с гудком комбината уходил на работу, возвращался после работы усталым, но после ужина и выкуренной сигарки-самокрутки шел ухаживать за домашним скотом. В семье он работал один, получал в то время зарплату, достаточную, чтобы содержать свою большую семью. Подспорьем семье были и породистая корова, и телята, и кабан, которого они откармливали и забивали перед новым годом.

Домашнее хозяйство давало возможность семье всегда иметь свое молоко, масло, сыр, сало, домашнюю, очень вкусную колбасу, которую только по ему одному известному рецепту готовил дядя Мацко. Для этого он заставлял детей, меня в их числе, с ранней весны до осени собирать молодые побеги крапивы. Крапиву он сушил, аккуратно складывал в сарае. Каждый день, ухаживая за скотом, ворошил копну крапивы, выбивая из нее пыль.

Я терялся в догадках, но никак не мог понять, для чего дяде Мацко нужна эта крапива. Спрашивал об этом Майрама, но тот неизменно отвечал мне:

– Вот придет зима, и ты все сам узнаешь.

До зимы еще было далеко, и я забывал и о крапиве, и о ее назначении. В школе мне было интересно заниматься у нашего учителя Владимира Михайловича. Он увлекательно рассказывал, учил нас легко и непринужденно, знал множество народных пословиц, поговорок, преданий и приводил их нам в назидание или в подтверждение различных жизненных обстоятельств. Это он делал не только на уроках, но и во время экскурсий, которые он проводил регулярно один раз в неделю.

С ним мы изучили все окрестности БМК, побывали на узловой железнодорожной станции Беслан, несколько раз он нас водил на огромную территорию комбината. Это от него я впервые узнал, что наш Бесланский маисовый комбинат по своей мощности, технологиям получения патоки, глюкозы, крахмала и других продуктов пищевой промышленности в то время занимал первое место в Европе, второе – в мире. Он сам был отличным спортсменом, занимался боксом и нас, своих учеников-мальчиков, в свободное от уроков время знакомил с правилами этого боевого спортивного искусства.

Регулярно ходил я и на занятия в детскую спортивную школу. Конечно, школой нашу детскую футбольную команду, в которую входили мальчики в возрасте от восьми до одиннадцати лет, назвать нельзя. Она нигде официально не числилась, не было постоянного тренера. Нас тренировали по своей инициативе на общественных началах игроки футбольной команды «Пищевик». Но все-таки многие из нас регулярно приходили каждое воскресенье на стадион, учились у футболистов «Пищевика» различным приемам работы с мячом, бегали, выполняли физические упражнения.

В команде числилось 20–25 учеников. То больше, то меньше: одни уходили, другие приходили. Нас Камбегов разделил на две команды. В первую, постоянную, вошел и я. Вторая команда состояла из мальчиков, которые вызывали сомнения у Камбегова и других тренеров в их заинтересованности заниматься футболом.

Я не буду тебе долго рассказывать о моих «достижениях» в футболе, потому что они начались в детстве в Беслане и там же закончились. Расскажу тебе только об одном случае, который мне запомнился. В начале июня 1938 года на игру с нашей детской командой привезли футбольную команду детей из селения Ардон (сейчас это город). В Ардоне была хорошая взрослая футбольная команда (названия не помню). Футболисты Ардона и дружили, и «сражались» в футбол со своими коллегами из «Пищевика». По примеру «Пищевика» они и у себя создали детскую команду, но отказались присваивать ей звание школы.

Эта официальная игра детских футбольных команд не только для нас, игроков, но и для всех детей Беслана и некоторых взрослых была торжественным моментом, своеобразным детским праздником. Стадион комбината был заполнен. И мы, дети из Беслана и Ардона, и наши тренеры из «Пищевика» и из Ардона, и наши болельщики волновались. Это была наша первая «официальная» игра, своеобразное боевое крещение. Каждая из команд выходила на игру с единственной установкой – победить.

Наши команды были одеты в футбольную форму: у ардонцев она состояла из светлых кедров, синих гетр, черных трусов и коричневых футболок; у нас – из темно-синих кедров, коричневых гетр, черных трусов и синих футболок. На спинах каждого из наших игроков Камбегов лично мелом аккуратно вывел номера. Мне достался номер «9», то есть отводилась роль центрального нападающего.

Игра началась. Первый мяч через пять минут после начала матча забили в наши ворота ардонцы. Еще через пять минут они же забили нам второй мяч с пенальти. Только в самом конце первого тайма и нам удалось забить один мяч в ворота наших гостей. Автором этого гола стал я. Этот гол меня подбодрил. Он избавил меня, да, наверное, и всю команду, от робости, которая сковала нас и мешала нормально двигаться по полю и бороться за мяч. Я готов был забивать еще голы, но на этом моя карьера нападающего закончилась.

В конце первого тайма наш вратарь Петя неловко упал и подвернул правую ногу. В перерыве меня поздравил Камбегов, передал фуфайку и перчатки Пети и попросил стать в ворота.

– Так надо. Ты выше всех, у тебя хорошая реакция. Мы верим, что ты с ролью вратаря справишься.

Мне не хотелось становиться в ворота, но я не стал возражать. Постепенно вошел во вкус, стал ловить мячи, наиболее сложные отбивать кулаками. Мне удалось, Азамат, даже отразить пенальти, который был назначен в наши ворота за игру рукой в штрафной площадке капитана нашей дворовой команды рыжего Сережи. Но зато Сережа, наверное, в стремлении исправить свою вину забил в ворота ардонцев второй мяч. А перед самым концом матча победный гол в ворота наших гостей забил Руслан из третьего «Б» класса. Мы выиграли со счетом 3:2, а я, сохранивший свои ворота сухими, так и остался на все время пребывать в команде вратарем.

После матча всех нас, и хозяев, и гостей, пригласили в буфет дворца культуры БМК, накормили вкусным обедом и каждому футболисту подарили по красивой коробке шоколадных конфет. Мы забыли, кто из нас победил, кто проиграл. Мы, дети из Ардона и Беслана, наши тренеры, представители комбината, которые устроили и это соревнование детских команд, и этот прекрасный обед, и эти подарки, радовались встрече и договорились об ответном состязании наших команд уже в Ардоне.

Мы с Майрамом сразу после торжественных проводов гостей, радостные, с коробкой подаренных конфет, побежали домой. Хотелось обрадовать и семью Куловых, и маму с папой. Я с отличием

окончил второй класс и был награжден бесплатной путевкой в детский оздоровительный комплекс «Артек». Мои родители обещали приехать в этот день, встретиться с организаторами отправки детей в «Артек», выяснить у них, что требовалось мне в дорогу и в детском лагере, и подготовить меня.

Возбужденные, веселые, мы буквально влетели в большую комнату Куловых и резко остановились перед страшной картиной. За столом с сумрачными лицами, поникшими головами сидели дядя Мацко, тетя Замират, тетя Дзыгулла, мама, ее старшая сестра Цежа Тотикова. Моя сестренка Римма, дочери Куловых Аза и Ира стояли, прислонившись к кровати. Когда они увидели меня, все женщины, кроме мамы, и дети зарыдали.

Отца арестовали. Меня с головы до ног охватил какой-то ледяной озноб. Я медленно, еле передвигая ногами, подошел к маме, положил свои холодные руки на ее плечи и тихо сказал:

– Мама! Не плачь. Отец ни в чем не виноват: его скоро отпустят...

– Его взяли в дороге, по пути на работу. А в доме произвели обыск, все перевероршили, но ничего не нашли. А что они могли найти у честного человека? Держись, сынок, теперь ты на самом деле старший мужчина в доме: будь примером для младших, учись хорошо, не подведи отца. Он так хотел увидеть тебя счастливым, честным, сильным человеком. И образованным. Договорились? – сказала мама ровным, спокойным, но убедительным голосом.

– Договорились, – ответил я и медленно вышел из комнаты.

За мной вышел и Майрам. Мы долго сидели с ним на лавке перед 23-м корпусом. Ни я, ни он за все это время не произнесли ни одного слова. Я полностью ушел в себя. Думал. И думы мои были горькими. До этого дня я верил в справедливость, честность, порядочность и простых людей, и властей. Эта вера была порушена. В этот день, Азамат, закончилось мое детство. Я продолжал учиться, учиться хорошо: так хотел отец. Я продолжал играть в футбол, в другие игры. Но и во время учебы, и во время игр думал об отце, искал в своем воображении возможности исправить чудовищную несправедливость властей по отношению к честному человеку и отличному руководителю. А в том, что отец был честным человеком и талантливым руководителем, стремившимся своим трудом, своей работой облегчить жизнь простых людей, я ни в годы своего детства, ни во время своей взрослой жизни вплоть до сегодняшнего дня никогда не сомневался и не сомневаюсь.

Сидя с Майрамом на лавке около нашего корпуса, я принял твердое решение в тот же день уехать с мамой в Хумалаг, быть рядом с ней, быть с семьей, с бабушкой и дедушкой, помогать им в работе. Когда мы вернулись в дом, я поделился своими мыслями с матерью.

– Нет, дорогой Ахсар, ты сделаешь больно отцу. Ему и без того сейчас тяжело. Ты должен здесь, в этой школе окончить четыре класса, дальше жизнь сама подскажет, как поступить. Сегодня мы сдадим в школу твою путевку в «Артек», и ты все каникулы проведешь в Хумалаге. А с первого сентября продолжишь свою учебу в третьем классе Бесланской средней школы № 2. Так хотим мы с папой. И я прошу тебя больше эту тему не обсуждать. В народе правильно говорят: «Цард цæуы æмæ йемæ фарн хæссы»². Не будем, дорогой, терять надежду на лучший исход.

Я так и поступил. Остаток летних каникул я провел в Хумалаге. Помогал дедушке ухаживать за скотом, обрабатывать огород и сад.

Мама редко бывала в эти дни дома. Она встречалась с друзьями отца, оставшимися на работе, с юристами, искала у них совета, помощи, поддержки. Но бывшие сослуживцы отца, за редким исключением, сторонились матери, под всякими предлогами отказывали ей в приеме: они опасались за себя, боялись запятнать свою репутацию встречами с женой «врага народа». Их можно было понять, потому что в то время только за связь с родственниками «врага народа» можно было в лучшем случае быть исключенным из партии и отстраненным от занимаемой руководящей должности, в худшем – оказаться в тюрьме. Их можно было понять и даже оправдать. Но я, дорогой Азамат, их не понимаю и никогда не оправдаю. Мужчина должен всегда оставаться мужчиной. И мужские качества – мужество, верность человеческому долгу, совесть и выдержка – проявляются именно в самые сложные периоды человеческой жизни. Отца, защищая свои шкурные интересы, предали многие его сослуживцы, числившиеся друзьями. Но твой прадедуська Хаджимурза оказался настоящим человеком, нестигаемым, мужественным и честным. Ни пытки, которым его подвергали, ни пулевые раны, которые он получил, будучи в тюрьме, ни письменные доносы «друзей», которые ему показывали следователи, не сломили его могучего духа. Он никого не предал, не подписался ни под одним ложным обвинением. Он до конца своей короткой жизни остался честным, мужественным, совестливым человеком. Это все я знаю из его личного

² Жизнь идет и несет с собой благодать (счастье).

тюремного дела и рассказа известного юриста Габо Тандуева, сидевшего долгое время в тюрьме вместе с отцом.

Он буквально на второй день, когда вышел из тюрьмы, приехал к нам в Хумалаг и рассказал об отце. Я не буду тебе, Азамат, передавать все, о чем он говорил. Скажу тебе только то, что я посчитал самым главным в рассказе Габо Тандуева:

– Дорогие Улацка и Ахсар, – говорил он нам, – Хаджимурза очень мудрый и мужественный человек. Он во всех нас поддерживал дух оптимизма, заставлял самых слабых двигаться, выдерживать все пытки и издевательства, для каждого находил слова утешения и ободрения, которые помогали нам не терять человеческого достоинства. Запомни, дорогой Ахсар, у тебя очень хороший, честный отец. Постарайся быть таким же, как он.

Я не знаю, Азамат, удалось ли мне последовать в жизни этому совету. Но я к этому стремился. Надеюсь, дорогой друг, что и ты будешь стремиться стать мужественным, честным и совестливым человеком. Извини за длинное письмо. Оно получилось в основном о наболевшем за долгие годы. Такая боль имеет духовное свойство, и она никогда не проходит.

Твой дедушка Ахсар.
25 августа 2010 г.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

26 августа 2010 года

1 сентября 1938 года начались наши занятия в третьем «А» классе средней школы № 2 Беслана. Были те же знакомые мальчики и девочки, с которыми мы расстались после окончания второго класса на время каникул. Не было только Майрама и еще двух ребят, которых оставили на второй год учиться во втором классе. Не было, дорогой Азамат, и той радости, с которой связано ежегодное начало учебного года и для детей, и для их родителей, и для учителей. С тех пор на моем лице застыло суровое, сумрачное выражение, которое редко озарялось улыбкой и веселым смехом. Я не мог, как ни старался, понять, почему моего любимого отца, который ничего не украл, никого не обидел, никому в жизни не сделал больно, который честно и добросовестно служил людям, партии, советской власти, посадили в тюрьму, почему человека, отдававшего все свои силы и знания на благо общества, причислили к числу «врагов народа».

Я внимательно слушал, писал на доске или в тетради какие-то предложения, решал какие-то примеры и задачи, которые нам предлагал Владимир Михайлович, но все это я делал как-то машинально, на каком-то выработанном автомате. А в душе я обдумывал очередное письмо, очередное прошение на имя руководителей ЦК КПСС и Советского правительства. Придя с уроков и быстро проглотив обед, который подавала мне моя добрая, внимательная тетя Замират, я садился за выполнение домашнего задания. Выполнял его добросовестно, аккуратно, чтобы не сделать больно матери и отцу. А потом садился за очередное письмо.

Я купил много конвертов, наклеил на них марки сверх всякой меры, заранее написал адреса. Хотя адрес был один: «Москва, Кремль». Менялись только фамилии: «Товарищу Сталину», «Товарищу Калинину», «Товарищу Ворошилову»... Почему-то, возможно для пущей убедительности, я и обращение «товарищ» писал с заглавной буквы. Почтовые ящики в БМК висели на каждом корпусе, но я не доверял им и бежал на почту. Только там, внутри здания почты, я опускал свое письмо в главный почтовый ящик. Так продолжалось ежедневно, почти всю первую четверть.

Я писал высшим должностным лицам страны, убеждал их в том, что настоящими врагами народа – руководителями Северной Осетии и НКВД совершено злостное преступление. Они, стремясь нанести удар по партии и советскому правительству, исключили из партии, сняли с работы и посадили в тюрьму честного человека, верного сына партии и советского народа. Я не вел никогда дневников, не хранил копии писем, поэтому примерную суть моих писем я привожу тебе, друг, по памяти. Я долго ждал ответа. Не мог допустить, чтобы Отец народов и главный друг советских детей товарищ Сталин и его верные соратники не прочитали мои письма, не приняли срочные меры и не ответили мне. Детская наивность. Ни на одно свое письмо я ответа не получил. Но не терял надежду.

В конце первой четверти после последнего урока Владимир Михайлович попросил меня остаться. Он собрал в стопку наши тетрадки с четвертными контрольными работами, аккуратно сложил их в свой портфель, и мы вышли из школы.

– Пойдем, дорогой Ахсар, в парк, посидим, потолкуем о жизни. Надеюсь, там нам никто не помешает, – сказал Владимир Михайлович и доверительно опустил свою руку на мое плечо.

В парке культуры комбината в разных местах – и вдоль дорожек, и под деревьями, и в легких крытых беседках – стояли красивые, выкрашенные в разные цвета скамейки. На одной из них под большим ветвистым дубом мы и сели с учителем. Он долго рас-

спрашивал меня о матери, о нашем материальном положении, о том, как удастся выживать в это сложное время без отца, а потом перешел к самому главному.

– Понимаешь, дорогой мой человек, – обратился он ко мне, – наступили очень тяжелые времена. Все, что происходит сейчас в стране, трудно понять не только тебе, но и мне, взрослому человеку, много повидавшему на своем веку. Вся ваша семья переживает настоящую трагедию. Я, как и ты, Ахсар, верю в честность и порядочность твоего отца. Будем надеяться, что правда восторжествует и Хаджимурза Ильясовича оправдают. Но все не так просто, как ты себе это представляешь. Время породило злых, непорядочных людей, вернее, тяжелые обстоятельства дали возможность им проявить свои низменные качества. Ты меня слушаешь? – усомнился он, вглядываясь в мою согнувшуюся фигурку.

– Слушаю, – глухо ответил я. – Внимательно слушаю, хотя пока не все понимаю.

– Так вот, Ахсар, я вчера узнал, что ты отправляешь письма на имя руководителей партии и государства. Откуда узнал? Вчера меня пригласил первый секретарь райкома партии Дзамболат Тимофеевич Баскаев. Он хороший, честный человек, настоящий друг твоего отца. Какой-то «услужливый» работник почтамта передал в райком все твои письма. Они попали к Дзамболату Тимофеевичу, и он при мне их сжег. Он беспокоится за отца, за всю вашу семью, за тебя. Он попросил меня убедить тебя в том, что ни одно твое письмо не дойдет до адресата. Все письма подобного рода перехватываются цензурой, передаются в НКВД и могут усугубить и без того тяжелое положение твоего отца и всей вашей семьи. Перестань, дорогой, изводить себя. Будь крепким, мужественным и выдержанным человеком, как твой отец. Посмотри на жизнь с оптимизмом. Она продолжается, и со временем все в ней образуется.

На этом мы закончили встречу. Я все понял. После этого больше никаких писем ни на имя Сталина, ни на имя других руководителей страны я больше не писал. Была навсегда потеряна вера в них. Я мог потерять и веру в людей вообще, если бы не Хумалаг. Если бы не было в нем моей дорогой семьи, наших соседей, всех жителей родного села.

Каждую субботу сразу после уроков, даже не пообедав, я отправлялся пешком домой. Меня не могли удержать ни зной, ни дождь, ни снег, ни зномящая стужа. Здесь, в Хумалаге, в кругу семьи, в кругу родных и близких, соседей, маленьких друзей – моих сверстников согревалась моя душа, и я набирался сил для продолжения учебы. Каждое воскресенье вечером я возвращался в

Беслан, чтобы в понедельник утром не опоздать к первому уроку. Все каникулы – и весенние, и зимние, и летние – проводил в Хумалаге. Играл с ребятами, купался в речке, но большей частью работал вместе с матерью в колхозе на посадке овощей, по уходу за ними и уборке. Вместе с дедушкой иногда выбирался на косовицу, в лес за дровами, помогал Бабзе ухаживать за скотом и изготавливать какое-либо изделие.

Так продолжалось до конца мая 1940 года. В мае 1940 года я окончил четыре класса Бесланской средней школы № 2, тепло попрощался с моим любимым учителем Владимиром Михайловичем, с Куловыми Мацко, Замират, Азой, Ириной, моим другом Майрамом, ставшими для меня очень родными и близкими людьми, и навсегда переехал в Хумалаг. Здесь я поступил в пятый класс Хумалагской средней школы. Мне, дорогой друг, тогда, как и тебе сейчас, исполнилось одиннадцать лет.

Разница между нами заключается в том, что к этому времени я осознал себя взрослым человеком, почувствовал ответственность не только за себя, но и за младших сестру и братьев. Я понял, как трудно содержать нас, четверых детей, матери, дедушке и бабушке, поэтому с этого времени наряду с учебой начинается моя трудовая деятельность. Она не только сводилась к помощи старшим в уходе за домашним хозяйством, но и была связана с моей работой в колхозе. После уроков и в выходные дни я трудился рядом с матерью на различных сельскохозяйственных работах, в каникулы, особенно летние, постоянно работал возчиком на лошадях, прицепщиком в тракторной бригаде, а начиная с седьмого класса вплоть до окончания средней школы – сторожем колхозных полей.

За труд в колхозе тогда не выплачивали деньги: действовала система натуроплаты. За выполненную работу тогда начислялись трудоводни, а на них осенью выделялись пшеница, кукуруза, другие сельхозпродукты, которые производились колхозом. Не знаю, какой вклад я вносил в семейную копилку своим трудом, но уверен, что и моя небольшая доля заработка была необходима семье.

К тому времени кое-что прояснилось с отцом: его осудили по ложному обвинению «в организации вооруженного восстания по свержению советской власти» и сослали в Сибирь без права переписки. С 1940 года до 1953 года мы о нем никаких вестей не имели. Жили одними надеждами.

Эту надежду поддерживали в нас наши родные и близкие люди, наши соседи, все жители Хумалага, руководители колхоза. Я тебе писал, что во все времена были, есть и будут плохие люди. Они,

наверное, были и в Хумалаге. Но их было немного. Хороших, честных, нравственно богатых людей гораздо больше. Но их добрые дела, их настоящая человеческая сущность менее заметны, потому что они все делают не напоказ. Они помогают человеку в беде бескорыстно и считают это обычным, обыденным свойством человеческого характера.

Я не помню, Азамат, чтобы за все время моего детства, отрочества, юности, за время работы в колхозе кто-нибудь меня в Хумалаге ударил, выругал, обокрал, чем-нибудь обидел. И это касается не только наших соседей – Акоевых, Албеговых, Кудзиевых, Дзубиевых, Кокаевых, Цалоевых, Кабоевых, Хабаевых, Дзампаевых, Кусовых... – но и всех жителей села. Вот так...

Всегда твой,
Ахсар.
26 августа 2010 г.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

29 августа 2010 года

Я тебе уже рассказывал о том, какие славные юноши и девушки были во времена моего детства! Все парни и девушки отличались дружелюбием, оптимизмом, готовностью всегда прийти на помощь старшим и друг другу. Все они были отлично сложены, занимались физическим трудом и спортом. На груди у многих красовались значки БГТО (Будь готов к труду и обороне), ГТО (Готов к труду и обороне), «Ворошиловский стрелок». Мы, малыши, на обладателей этих значков смотрели как на героев. Сейчас, когда на рынке можно купить и ордена, и медали, и погоны любого достоинства, когда ежегодно разоблачают фальшивых героев и генералов, в это трудно поверить, но тогда за каждым таким значком был огромный труд. Чтобы получить даже значок БГТО и удостоверение к нему, необходимо было выполнить серьезные спортивные нормативы.

Юноши этого поколения не только сами занимались спортом. В спорт они вовлекали детей. На берегах реки Камбилеевки (Хуымæллæджы дон) их усилиями были оборудованы беговые дорожки, ямы и приспособления для прыжков в длину и высоту, волейбольные и футбольные площадки, пляжи с завезенным откуда-то красивым желтым песком.

Летом во времена каникул, в выходные и праздничные дни учащиеся старших классов средней школы и молодые колхозники

устраи́вали соревнования детей по легкой атлетике, вольной борьбе, плаванию, прыжкам в воду.

У меня, Азамат, никогда не было тренеров ни по одному виду спорта, кроме небольшого времени нахождения в детской футбольной школе «Пищевик». Но я хорошо бегал на короткие дистанции, далеко и высоко прыгал, отлично плавал и в озерах, и на быстрых реках, сносно играл в волейбол. И всему этому меня научили Цара Галазов и его друзья.

А сколько их было! В каждом доме на нашей улице было по два-три, иногда четыре-пять молодых людей, оживлявших своим трудом, отношением к старшим и женщинам, своим жизнелюбием, песнями и танцами все улицы села.

Сейчас во всех республиках и областях работают государственные, народные ансамбли песни и танца. Я с удовольствием бываю на их концертах. Но ни один ансамбль не может сравниться с теми песнями и танцами, которые устраивались во времена моего детства на свадьбах и других торжествах молодежью в каждом селе и городе Осетии. Это иногда напоминало состязание народных талантов и оставляло неизгладимое впечатление на всю жизнь. Вот это искусство, рожденное в духовных глубинах народа, питавшее его нравственные основы и доставлявшее людям подлинное эстетическое наслаждение, к великому сожалению, мой друг, мы потеряли. Потеряли вместе с тем поколением молодых людей, которые с гордостью носили значки БГТО, ГТО, «Ворошиловский стрелок», поколением, которое ценой своей жизни принесло нам Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Для молодых людей этого поколения самой большой ценностью был человек. Не вообще человек, а каждый человек вне зависимости от национальности, вероисповедания, пола, возраста. Они были готовы в любую минуту разделить с ним радость, защитить, прийти ему на помощь, если он в этом нуждался. Я тебе уже говорил, что особое отношение, вернее, уважение младших было к старшим. Ни один совет старшего, ни одна его просьба не оставались без внимания. Чтобы ты лучше понял сказанное, Азамат, я приведу тебе один пример из своей жизни.

В Осетии перед каждым Новым годом устраивают поминки по умершим в истекшем году. Они называются «бадæнтæ». Это понятие образовалось от слова *бадæн* – сиденье. Смысл этой поминальной традиции сводится к тому, что в доме покойного организуется поминальный новогодний стол для умершего. Начиная с вечера и до самого утра за накрытыми всякими яствами и напитками

столами сидят родные и близкие, соседи покойника, в основном женщины. Этот поминальный стол в любое время может посетить житель села или приезжий, поставить в память о покойном свечку, выпить за упокой его души, выразить соболезнование семье. Обычно этот новогодний поминальный стол освящают мужчины, в основном с близлежащих улиц, для которых потом накрывают стол. Я сейчас не помню, в каком это было доме, но помню точно, что в декабре 1940 года я прислуживал за таким столом. После одного или двух тостов в комнату, где сидели Габли Акоев, Петя Дзампаев, Бибо Кудзиев, Урусхан Албегов, Ханджери Хабаев и Борис Галазов, зашел взволнованный старик Агша Акоев. Он принес извинения и сообщил, что его корова застряла в трясины в районе Туаца (это болотистая часть земель Хумалага между селом и железной дорогой). Сам он ее вытащить не может, а молодые люди в доме культуры на каком-то мероприятии.

Все немедленно встали, попросили Агша не волноваться, идти домой и ждать их вместе с коровой. Петя Дзампаев быстро сбежал домой и вскоре выехал на добротной подводе, прихватив с собой необходимые веревки, лопаты и большой керосиновый фонарь «Летучая мышь». Фонарь он передал мне и попросил держать аккуратно, чтобы не обжечься. Уже за селом, не доезжая до болота, где застряла корова Агша Акоева, мы справа от себя услышали душераздирающий рев коровы.

– Чью-то корову рвут волки! – воскликнул Габли Акоев, выхватил у меня фонарь, и мы все вслед за ним побежали туда, откуда раздавались жалобные стоны коровы.

Увидели при свете фонаря страшную картину. Стояла большая серая корова и уже не редела, не стонала, а жалобно мычала: волки целиком вырвали у нее вымя.

– Ахсар, – обратился ко мне Габли, – жалко ее оставлять здесь. Вот тебе палка, и ты спокойно иди за ней, а она приведет тебя к своему дому. Не бойшься?

– А чего мне бояться! – смело ответил я, хотя у самого поджилки тряслись.

– Ну и молодец! – сказал мне Борис Галазов. – Доведешь корову до хозяина и быстро домой. Мы вытащим корову Агша и скоро будем дома.

Они прихватили с собой фонарь и скрылись в темноте. А я шел за этой бедной коровой. Идти ей было тяжело: при каждом шаге ее внутренности содрогались и издавали пугающий звук. Я не боялся, Азамат, хотя за каждым кустом мне мерещились волки. Но я крепче сжимал в руках палку Габли и подавлял страх, который

время от времени накатывался на меня. Не знаю, сколько времени мы шли, но в конце концов добрались до села, пересекли одну улицу, вторую, третью, потом вышли на главную улицу к школе и повернули налево. Дошли до дома Цараховых, живущих рядом с моей тетей Ниской. Около этого дома корова оставалась. Я постучал в калитку. Через какое-то время вышел хозяин дома, посмотрел на корову и сказал, что это корова соседей Кцоевых.

Видимо, у коровы уже больше не было сил, и она дальше не двигалась. Я ее оставил у ворот Цараховых, а сам постучал в соседний дом. На стук быстро открылись ворота, и из них вышли или, скорее, выбежали мать и дочь.

– Вот ваша корова. Она ранена. У нее волки вымя выдрали, – тихо сказал я.

Они подбежали к корове, стали ее гладить, называть какими-то нежными именами. При этом и мать, и дочь тихо, но в голос плакали и причитали. На плач вышел из дома еще один сосед, русский по национальности (фамилии не помню), но хозяйка коровы к нему обратилась по имени Ваня. Так вот Ваня осмотрел корову и дал заключение, что она не выживет. Приняли решение зарезать ее, чтобы за мясо выручить какие-нибудь деньги, на которые можно будет купить телку и вырастить ее. Поняв, что другого выхода нет, хозяйка согласилась и попросила Ваню зарезать корову.

– Что вы, дорогая соседка, я животных лечу, поэтому никогда этим делом не занимался и, наверное, никогда не буду.

Мать попросила свою дочь сбегать в дом напротив, где жил пожилой уже мужчина Дадаг Кцоев, и попросить его. Через минут пятнадцать Дадаг, вооруженный ножами, подошел к нам. Мы с Ваней помогли повалить корову, Дадаг связал ей ноги веревками, совершил над ней необходимый обряд, а потом зарезал.

Пока тушу разделявали, разносили разные ее части по указанным местам, я, конечно, не мог покинуть этот дом. Жалко было женщин, которые лишились единственной кормилицы. Было уже под утро, когда я по нашей улице возвращался домой. За время моего нахождения у Кцоевых выпал первый в том году снег. Хотя я очень устал от пережитого потрясения, этот морозный воздух, белый пушистый снег, который опускался на землю мягкими легкими хлопьями, и чувство выполненного долга бодрили душу. Уже подходя к дому, я увидел группу мужчин. Вдруг один из них, а это был Петя Дзампаев, воскликнул:

– Ахсар! Ахсар нæ дæ?³

³ Ахсар! Ты не Ахсар?

– Ахсар дæн, Ахсар⁴, – ответил я.

– Тагъд уæхимæ, бирæгъты хæрд!⁵ – крикнул Петя, и все мужчины облегченно рассмеялись.

Когда я открыл двери нашего дома, вся наша семья громко расплакалась от радости. Оказывается, в какой-то момент мужчины, спасавшие корову, спохватились меня и послали Мурата Акоева узнать, пришел я домой или нет. Дома, естественно, меня не оказалось, и Мурат по простоте душевной и детской наивности выпалил:

– А может, его волки съели?!

Не только в нашей семье, но во всем Хумалаге поднялся страшный переполох. Борис Галазов поднял всю молодежь, которая была в доме культуры. Молодые люди всю ночь с фонарями прочесывали территорию Туаца...

Вот так закончилась эта история. Я не знаю, чего в ней больше: смешного, трагического или благородного. Наверное, всего поровну. В смешном положении оказался я. Не зря покойный Петя Дзампаев (Царство ему небесное!) долгое время обращался ко мне не по имени, а называл «бирæгъты уæлдай»⁶. В тяжелом, трагическом положении оказались мать и дочь Кцоевы, которые лишились последней коровы. И, конечно, настоящее благородство проявили все мужчины, без лишних слов оставившие свой стол ради спасения коровы старика Агша Акоева; и те молодые люди, которые с интересного мероприятия в доме культуры отправились искать на огромных болотистых просторах Туаца мальчика Ахсара; и Дадаг Кцоев, и ветеринарный врач Ваня, которые пришли на помощь бедным женщинам. Ну, если ты не возражаешь, то к этой категории с некоторой натяжкой можно отнести и меня. А еще напоследок хочу тебе сказать, что на второй день утром к нам пришел Агша Акоев, позвал меня, крепко обнял и сказал:

– Все коровы Хумалага вместе со своими телятами не стоят даже одного твоего мизинца. Но теперь, поскольку тебя ошибочно посчитали съеденным волками, ты будешь жить долго.

Вот так, дорогой друг.

Твой дед.
29 августа 2010 г.

⁴ Ахсар я, Ахсар.

⁵ Быстро домой, волками съеденный!

⁶ Волчий объедок.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

8 сентября 2010 года

После окончания пятого класса Хумалагской средней школы я сразу же начал работать в колхозе. Это было в конце мая – начале июня 1941 года. В этом году и на колхозных полях, и на приусадебных участках жителей, в колхозных и частных фруктовых садах Осетии уродился богатый урожай пшеницы, проса, ржи, кукурузы, картофеля, овощей, фруктов и других сельскохозяйственных культур. На уборку ранних колосовых, на заготовку сена и на другие работы, связанные с сохранением урожая и выполнением планов сдачи сельскохозяйственной продукции государству, были мобилизованы все людские ресурсы, техника и живая тягловая сила.

От зари до зари работали все жители села: колхозники, механизаторы, мужчины и женщины, старики и дети. Своим усердием, своей сноровкой, своеобразной трудовой одухотворенностью из общей массы участников этой тяжелой страды выделялись юноши и девушки: учащиеся старших классов средней школы, студенты, использовавшие свои каникулы для помощи колхозу, молодые трактористы, комбайнеры, молотильщики, просто колхозники. Всё они делали от души, весело, с песнями, шутками и прибаутками, легко и непринужденно. Нельзя было не залюбоваться ими. Их пример захватывал, завораживал нас, детей, торпившихся скорее подрасти и стать похожими на них.

22 июня 1941 года был яркий, солнечный день. Все жители села, кроме маленьких детей, глубоких стариков и старушек, были на колхозных полях и трудились, как обычно, в поте лица. Ничто не предвещало беды. А она пришла. Пришла сразу и обволокла всех тревогой, недоумением и пугающей неизвестностью. Началась война. Война, которую впоследствии назвали Великой Отечественной. Эта война подняла на защиту Родины народы всей огромной страны, которая тогда объединяла пятнадцать союзных республик и называлась Союзом Советских Социалистических Республик (СССР).

Наши кумиры – юноши и девушки, обладатели значков БГТО, ГТО, «Ворошиловский стрелок», учащиеся девярых-десятых классов средней школы, студенты, молодые колхозники – после тревожного известия, ни минуты не раздумывая, побросали свои дела и устремились в военные комиссариаты.

Все юноши Хумалага, кроме инвалидов и больных, и многие девушки в первые же дни войны добровольцами ушли на фронт.

Как и все участники войны из Осетии, они вписали яркие страницы в историю Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Большинство из них не вернулось с фронта. Они отдали свою жизнь за Родину, за ее независимость, за нашу с тобой жизнь и свободу, дорогой Азамат.

Многие вернулись после войны в Хумалаг с полученными на фронте тяжелыми ранениями и увечьями. Но даже их фронтовые испытания, тяжелые раны, нанесенные войной, не помешали им до глубокой старости, до сегодняшнего дня оставаться в строю. Они окончили высшие учебные заведения, стали видными учеными, деятелями культуры и искусства, писателями и поэтами, врачами и учителями, специалистами промышленности и сельского хозяйства, просто настоящими рабочими и крестьянами, мастерами того дела, которым занимались.

Приведу тебе только два примера, Азамат.

Один из них – это жизнь легендарного героя войны Саламджери Кокаева. Двадцатилетним юношей он встретил войну, прошел ее от начала и до конца, трижды был ранен, но всякий раз возвращался в строй. Первый раз он был ранен в тяжелейших боях на Керченском полуострове в январе 1942 года. После излечения, с сентября 1942 года, вернулся в строй, воевал в составе 37-й армии Северной группы войск Закавказского фронта. Участвовал в освобождении родной Осетии, Северного Кавказа: в Моздок-Малгобекской и Нальчик-Орджоникидзевской оборонительных, а также в Северо-Кавказской наступательных операциях, освободил города Алагир, Нальчик, Кисловодск, Пятигорск, Ростов-на-Дону. 20 декабря 1943 года Саламджери был во второй раз тяжело ранен и отправлен в госпиталь. После лечения снова вернулся в строй. Незадолго до окончания войны, 27 января 1945 года, будучи командиром орудия танка М4А2 («Шерман»), выполняя боевое задание, уничтожил в танковом бою танк «пантера», два орудия с расчетом и несколько вражеских солдат и офицеров, но был в третий раз тяжело ранен. Саламджери потерял обе кисти и левый глаз, зубами вытащил из горящего танка своего боевого друга, находившегося без сознания, и тем самым спас ему жизнь. На Саламджери горел комбинезон, но он продолжил бой и каким-то чудом остался жив. Война окончилась, но до июня 1947 года Саламджери продолжал находиться в госпиталях, перенес почти два десятка операций, заново учился писать, пользоваться протезами. Но на этом его подвиги не закончились. Саламджери окончил институт, вернулся в родной Хумалаг, работал учителем истории, затем директором Хумалагской средней школы. Позже

заялся научной деятельностью, стал деканом и профессором исторического факультета СОГУ, был живой легендой нашей республики и примером для подражания и для студентов, и для своих коллег-преподавателей. Помимо своих многочисленных боевых наград, в 1990 году указом Президента СССР «за большой вклад в подготовку педагогических кадров, воспитание молодежи и активную общественную деятельность» Саламджери Кокаев был заслуженно награжден званием Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Другой пример – выдающийся исполнитель народных осетинских песен Митя Касабиев, который вернулся с фронта без ноги. Но он не пал духом, стал со временем председателем колхоза в родном селении Хумалаг, а его таланту исполнителя осетинских героических песен аплодировали не только односельчане, не только жители осетинских сел и городов, но и профессиональные композиторы и музыканты Москвы и других городов России.

Все это я рассказываю тебе, дорогой Азамат, не только для того, чтобы ты знал своих героев-земляков, гордился ими и брал с них пример, но и для того, чтобы ты всегда помнил, что могучий человеческий дух, оптимизм, жизнелюбие способны творить настоящие чудеса. Для меня, учителя общеобразовательной школы, затем профессора высшей школы, имевшего возможность общаться и работать со многими поколениями молодых людей и в Осетии, и в России, и в бывшем СССР, нет и не было более красивого, нравственного, духовно и физически могучего поколения, чем то поколение молодых людей, которое ценой своей жизни, обильно пролитой крови, своим мужеством и тяжелым воинским трудом принесло Победу советскому народу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Это поколение советских людей, в которое входили и наши с тобой земляки-хумалагцы, Азамат, останется навеки в памяти человечества как нравственный образец для подражания растущим поколениям.

Фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно, без объявления войны. До этого она покорила многие страны Европы, использовала их производственные и материальные ресурсы, людские силы и технику против нашей страны. В первые дни, недели, месяцы 1941 года наши войска отступали в глубь страны, сдавали города и села. В чудовищной блокаде оказался Ленинград, вражеские войска были на подступах к столице нашей Родины – Москве. Враг рвался и на Кавказ, стремясь захватить Грозный, Баку и овладеть их нефтеносными районами.

В 1942 году фашистские войска захватили значительную территорию Северного Кавказа: Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края, Кабардино-Балкарию, Адыгею, Карачаево-Черкессию. Была оккупирована и часть территории Северной Осетии. Враг сосредоточил огромные силы на подступах к городу Владикавказу, пытался покорить Осетию, через нее прорваться в Грозный, Баку, в Закавказье. Но советские войска совместно с партизанскими отрядами нашей республики отстояли Владикавказ, на подступах к нему разгромили фашистские полчища. Уже в декабре 1942 года Советская Армия перешла в контрнаступление и погнала врага из Осетии и всего Северного Кавказа.

О войне написано много книг, дорогой Азамат. Подрастешь и прочитаешь сам. Надеюсь, что ты сможешь разобраться во всем многообразии и художественных, и научных, и популистских произведений о Великой Отечественной войне, сможешь отличить правду о ней от кривды. Я же тебе расскажу о тех людях, которые защищали нашу страну, и о своих впечатлениях, оставшихся в памяти.

Передовая фронта в 1942 году от нашего села находилась всего в пяти километрах. В нашем основном доме в Хумалаге, состоявшем из двух больших и двух маленьких комнат, веранды, вместительного подвала, располагался штаб полка. Наша же семья все время до отступления немецких войск жила в хадзаре. Во время бомбардировок все мы прятались в большой землянке в несколько накатов, которую построил дедушка. Вместе с нами жили тетя Саша, жена дяди Хаджимусса, и их два маленьких сына, Казик и Муратик. Они приехали из Москвы. Сам же дядя Хаджимусса записался добровольцем в ряды московского ополчения, а в 1942 году погиб в боях под Ржевом.

Мне тогда было всего двенадцать лет, но я чувствовал себя уже взрослым человеком. Вместе со всеми жителями Хумалага пережил и бомбардировки, и артиллерийские обстрелы, и горе односельчан, получавших похоронки (извещение о гибели) с фронта. С болью наблюдал за тем, как фашистские «мессершмитты» (так назывались немецкие истребители конструктора Вили Мессершмитта) сбивали наши самолеты.

Положение было трагическим. Создавалось впечатление, что гигантскую, хорошо отлаженную военную машину гитлеровской Германии никто и ничто уже не сможет остановить и мы неминуемо окажемся в фашистском рабстве. Но что меня покорило тогда, чем я восхищаюсь и сегодня – это дух людей. Ни бомбардировки, ни артиллерийские обстрелы, ни отступление наших войск, ни

голод, ни холод – ничто не поколебало веру моих односельчан, как и веру всего многонационального народа великой страны, в нашу победу.

Я помню, как в зимнюю стужу мы, женщины, старики и дети, все плохо одетые, собирали из-под снега неубранный урожай кукурузы. Помню, как моя мать и другие женщины села из оставшейся шерсти вязали носки, варежки для солдат и отправляли их на фронт. Помню, с каким радушием принимали в каждом доме Хумалага солдат и офицеров Советской Армии и делились с ними скудными остатками продуктов. Помню котелок, который мне подарил ординарец командира полка старший сержант Микола (так обращался к нему его друг, ординарец начальника штаба полка сержант Осип), и, конечно, чудесный вкус солдатской перловой каши, которую каждый день в этом котелке мне приносили поочередно то Осип, то Микола.

В штабе я видел каждый день и командира полка, и начальника штаба (оба были в звании подполковника), и офицеров. Они были разных национальностей: русские, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы, кабардинцы... Всем было тяжело. Но все они верили в то, что «враг будет разбит, и Победа будет за нами». В этом они были едины.

Я подружился со всеми, особенно с Миколой и Осипом, крепкими добрыми молодыми людьми из Сибири, и старшим сержантом Мишей, всегда веселым, неунывающим шофером командира полка. И Микола, и Осип, и Миша часто брали меня с собой, особенно если речь шла о заготовке дров в лесу. Окрестные леса и дороги я знал хорошо, поэтому чувствовал себя вполне полезным и взрослым в компании моих старших друзей. С ними я побывал и под артобстрелом, и под атакой самолета. Дело было так. С дядей Мишей, Миколой и еще с одним офицером мы возвращались из Беслана в Хумалаг. Ехали на военном легковом уазике с брезентовым верхом. Бока машины были открыты. Я сидел рядом с шофером и держался за специальное приспособление в виде скобы прямо передо мной. Вдруг появился немецкий истребитель и стал обстреливать нас из пулемета. Дядя Миша какими-то невероятными зигзагами гнал свою машину. В один момент мы перелетели через кювет, наш уазик несколько раз перевернулся и стал «на ноги». В нас не попала ни одна пуля, никто из нас не получил даже царапины. И офицер, это был высокий красивый грузин в звании старшего лейтенанта, и Микола, и шофер Миша перепугались за меня.

– Как ты, Ахсарик? Небось испугался!

– Не успел, – ответил я.

Понимаешь, Азамат, я на самом деле не успел осознать, что произошло, поэтому и не испугался.

Когда мы вернулись домой, то есть в штаб, командир полка встретил нас во дворе. И старший лейтенант, и Микола стали с юмором рассказывать ему о происшествии. Командир с улыбкой слушал, потом посмотрел на меня и, как мне показалось, сурово спросил своего ординарца:

– А малец с вами был?

– Так точно, товарищ полковник, – ответил Микола (я тогда не понял, почему он ошибся и назвал подполковника полковником).

– Товарищ полковник! – дополнил его шофер Миша. – Он не малец, а молодец: он даже не успел испугаться.

Все весело рассмеялись. Но их прервал сурово командир полка:

– Отставить! Я категорически запрещаю вам рисковать жизнью мальчишки. Если еще раз подобное повторится, всех разжалую.

Но подобное больше не случилось, потому что вскоре наши войска и с ними мои друзья-штабисты перешли в наступление и погнали врага из Осетии, а потом еще через три года гнали его со всей нашей великой страны.

Вот такие события происходили во времена моего детства, такие люди проживали в моем родном селе, в других селах и городах Осетии, России, СССР.

На этом я заканчиваю свои письма. Скоро мы увидимся. Ты расскажешь мне о своих делах, успехах в учебе, новых достижениях прогресса, а я в ответ, возможно, расскажу тебе еще несколько историй о событиях и героях прошлого.

Если ты, дорогой Азамат, нашел в том, о чем я тебе рассказал в своих письмах, что-нибудь нужное для себя, бери это с собой в жизненную дорогу, а ненужное – забудь.

Твой дед.
9 сентября 2010 г.

Ахсар КОДЗАТИ

ГЛАЗА ДУШИ

СТИХИ

В оформлени использована картина Шалвы Бедоева

* * *

Ты как сказки дочь голубая,
той, что виделась в детских снах.
Отчего же слезинки, сверкая,
в этих ясных застыли глазах?

Те глаза как два дерева синих,
где спрятались стаи звезд.
В их прохладе мечусь я отныне,
точно испуганный шумом дрозд...

Помнишь, милая, в свой трудный час я
спасся в их благодатной тени...
Где же, где ты сейчас, мое счастье,
хоть на миг мне в глаза взгляни!

Я боюсь, что оно расточится,
как свеча, догорая впотьмах...
Так чинара утратить боится
небеса, что несет на ветвах.

Перевод В. Бурича

ТАНЦОВЩИЦА

*Народной артистке СССР
Светлане Адырхаевой*

Как зыбкая изморозь – музыка Глюка.
В душе пробудилась забытая мука.

И время застыло, миры онемели.
Лишь девушка – в зале, и – песня свирели.

Зовет этот звук, и, натянутый туго,
луч солнца – стезя, что уводит из круга.

Из дремлющей зыби к заоблачной сини
ты взмыла, ты – звездная искорка ныне.

В озерных глубинах – твой блеск и сиянье,
а в небе – улыбка, твое волхвованье.

Здесь – песня и девушка, в мире – лишь двое.
Луч радости вяжет звезду со звездой.

Перевод М. Синельникова

ТЫ И ПОДСОЛНУХИ

Вдруг появляешься ты –
вся лучишься,
как божество света...
Будто солнышко встало!
И
голова парней,
как головки подсолнухов,
тотчас поворачиваются к тебе.

Дрожу от бессильного негодованья:
что делать?
Ах, был бы я наездником из группы «Али-Бек» –
пересчитал бы, право,

взмахами шашки
эти подсолнухи тупые!

Да только какой же из меня наездник?
И я в сердцах
зову воробьев,
суматошно галдящих
на клене
у ворот твоего дома:
«Милые, жизни для вас не жалко,
летите, летите сюда скорее,
накиньтесь на эти подсолнухи,
расклюйте их до последнего семечка!»

С ТВОИМ УХОДОМ

Изнемогаю в ожиданье:
в начале ночи – утра жду,
с утра – чтоб ночь зажгла звезду.

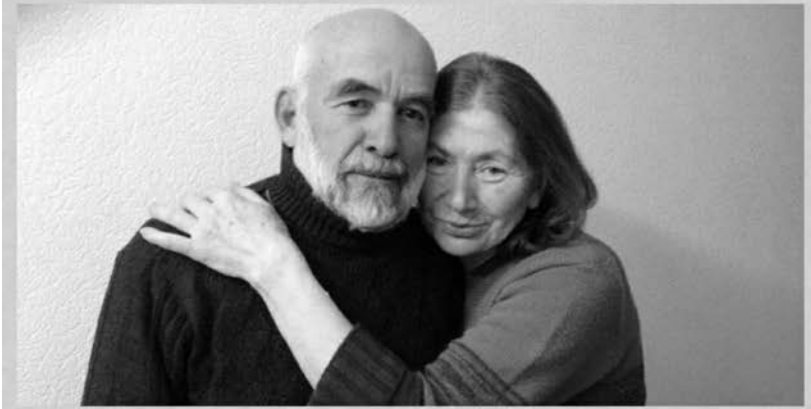
Изнемогаю в ожиданье:
жду синевы — сквозной, небесной,
жду тяжелой тьмы подземной бездны.

Изнемогаю в ожиданье
дня, что восходит над долиной,
дня, что растаял без возврата.

Изнемогаю в ожиданье
грома лавины,
крика набата.

Изнемогаю в ожиданье.
Где боль моя, и радость – где она?
Жду жадно – ангела ли, демона.

«Вот-вот придем. Жди терпеливо», –
о том ни счастье, ни страдание
не извещают нас заранее.

Они являются внезапно –
как грохот выси грозовой,
паденье капли дождевой...

Изнемогаю в ожиданье:
в начале ночи – утра жду,
с утра – чтоб ночь зажгла звезду.

НЕЖНОСТЬ

Твой нежный взгляд заставил сердце млеть.
В нем пляшет дождь – при полном свете дня.
Преображаюсь, словно вдруг меня
легко хлестнула войлочная плеть!

И волшебства уже не одолеть,
невзгоды гонит голос твой, звеня,
был жестким я – как будто из кремня,
как пух, податлив, мягок буду впредь.

Напрасный морок, знак ли божества?
Дрожу, судьбе доверившись едва, –
как чуткая стрела под тетивой.

Кремень? Ну что ж... А есть ли диво в том,
что он расколот тонким стебельком –
твоей нежданной нежностью живой?

ТВОЙ СВЕТ

Ты – свет небес, ты – блеск волны пугливой;
дрожащий звон полей, волшба и диво!
Тускнеет, меркнет солнце пред тобой,
луна невзрачной кажется, слепой.

Блажен, кто ждет тебя, – так ждет порыва
ветрило, к мачте льнувшее лениво!
Коль он с любой не справится бедой,
коль устрашит его неравный бой –

мир проклят, грош цена его заветам,
земля покрыта льдом – жалеть об этом
едва ли стоит: что за радость в ней!

...Очнись в своем углу анахоретом,
увечный день твоим врачую светом –
надтреснутый, прекраснейший из дней.

* * *

Грядешь всевластно, не спеша,
колебля черных туч громады.
Стенает, мечется душа,
стенает, мечется душа –
ведь ты не ведаешь пощады.

Знак бури – взор. Бросая в дрожь,
с небес идешь, смятенье сея.
Жизнь или гибель мне несешь –
жизнь или гибель? Только что ж
я не хочу искать спасенья?

Заколебалась под стопой
земля, но доле не перечу:
дохнуло близкою бедой,
беда – и дух, и облик твой,
а я тянусь, тянусь навстречу.

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА И ЕЕ ИГРУШКИ

Творя, на зависть взрослым,
свой мир, живет не тужит,
желаньям очень просто! –
велит сбываться тут же.

Все куколки нарядны
и меж собою ладят.

Уж так бывают рады,
чуть к ним она подсядет!

Подружки-непоседы
послушны и прилежны.
Та хлеб несет к обеду,
а та – водицы свежей.

Медведь – не тот, что в чаще:
приученный к порядку,
он тоже работающий –
он сам убрал кроватьку.

А как не удивиться,
скажите, вот такому:
сидит рядком с лисицей
петух, сморенный дремой.

Волк, в прегрешеньях прежних
раскаиваясь тяжко,
как братца, холит нежно
беспечного барашка.

Чудесно и прекрасно
живут ее зверушки,
совместно и согласно,
творя добро друг дружке.

Честны и справедливы
от мала до велика...
Народец молчаливый,
хозяйке намекни-ка:

Мы вместе ей послужим,
хочу сюда быть вхожим –
чем я козленка хуже
и петушка того же?

Переводы В. Пальчикова

В ДЕНЬ ТВОЕЙ СВАДЬБЫ

В день свадьбы твоей, день осенний и стылый,
Снег хлопьями выпал такими густыми.
В душе моей мрак поселился постылый,
От первого снега в ней сердце остыло.

На небо гляжу я глазами пустыми,
И крик мой замерз в этой белой пустыне.
Надежды мои потонули в несчастье.
Теперь лишь мечтать о тебе в моей власти.

Вороны кружат, накликаая ненастье,
И небо от карканья рвется на части.
В день свадьбы твоей поднял тост я за счастье.
Я пил за любовь, за ее самовластье.

Перевод Л. Осиповой

ТЫ УХОДИШЬ

Будь неладна с твоей красотой,
с этой гордою стройностью ног! –
Опоила меня беленою,
что вовек пробудиться не мог!

Или я лучшей доли не стою,
что же взгляд твой надменен и строг,
он царит в высоте надо мною,
как сверкающий сильный поток.

Ты уходишь. Как выдержать горе? –
Разом в сердце удвоилась боль.
День погас за делекой горою,
вдруг пропал, как платок голубой.
Только тень оставалась со мною,
да и та, знать, ушла за тобой.

Перевод Н. Орловой

* * *

Опять твой образ в глубине ночной
мучительным видением мне снится,
когда во тьме, проникнув сквозь ресницы,
Венеры луч горит передо мной.

В нем водопад волос твоих струится,
меня щекочет золотой волной.
Отчаянье кипит в груди больной –
куда бежать, где от тебя укрыться?

Мечусь, кричу, зову тебя помочь:
вот жизнь, вот смерть – ты царствуешь над ними,
но где ты, где? – мне ждать уже невмочь!

Истерзанный химерами своими,
я и во сне гоню желанья прочь –
боюсь, что с губ твое сорвется имя.

Перевод Т. Саламова

Петр ГИОЕВ

ЦЫГАНЕ, ГИТАРЫ, ПУШКИН

В оформлении использовано архивное фото

Мне посчастливилось родиться в Осетии, одной из малых автономий СССР, где помимо осетин, говорящих на трех диалектах, которые, выгибая грудь колесом, доказывали превосходство своей этнической группы, проживали компактно и дружно представители около 80 национальностей. В этой многонациональной кутерьме отдельной, независимой когортой существовало вольное, веселое и вороватое племя цыган. Мужиков почти не было видно в городе, лишь по выходным на Привозе можно было встретить высоких смуглых бородатых кузнецов, с серьгами в ушах, продававших самодельные мотыги, грабли, чепельники и прочую утварь. Но каждую весну на улицы и скверы высыпала целая армия молодых цыганок под присмотром старших наставниц в сопровождении оравы разнокалиберной детворы, которых, повзрослев, мы называли выпускницами техникума легкой промышленности. Малышня отлавливала парочки и разводила на деньги кавалеров, которые, боясь показаться дамам сердца скупердяями, иногда расставались с целым рублем, думая, что откупилась, но не тут-то было – извещенная каким-то непонятным образом целая толпа цыганят через минуту окружала лопуха, требуя свою долю счастья.

Собственно, учась в младших классах, мы на каникулах поведением и одеждой почти не отличались от цыганят, только не попрошайничали и старались держаться подальше от взрослых, боясь быть обнаруженными знакомыми вдалеке от дома. В юности я не раз пытался разговорить отбившихся от стаи молодых цыганок, но они на контакт не шли и удирали после нескольких фраз. Единственное, что я понял, они причисляли себя к выходцам из Сербии (серберьянки мы). Повзрослев, я, колеся по миру, везде встречал цыган различного статуса, достатка, вероисповедания и социального положения, собирал попадавшуюся под руку популярную литературу и вот, наконец, решил разобраться с цыганами и тем, что так манило к ним видных представителей не только русской, но и зарубежной культуры. Как познать душу народа, который много столетий скитается по миру и до сих пор не растворился в океане многоязычного мира? Где бы этот народ ни кочевал, он заимствовал у местного населения лишь то, что помогало ему выжить, бережно сохраняя свой самобытный уклад жизни. И лишь по дошедшим до нас сказкам, легендам и балладам «руска ромы» мы можем получить представление о цыганской жизни и самих цыганах в том аспекте, в каком они видели или хотели видеть себя сами. Особой удачей следует считать наличие в цыганском фольклоре двух легенд, содержащих указания на конкретных выдающихся людей России – графа И. И. Дибича, графа А. Г. Орлова и А. С. Пушкина.

Когда европейцы впервые встретились с цыганами, те, смекнув, что титулы в Европе в большом почете, с гордостью стали называть себя потомками египетских фараонов, ну а вожаки таборов без лишней скромности именовали себя герцогами и графами Малого Египта. Эта легенда, принесенная цыганами, распространилась в Европе, и англичане стали называть их джипси (египтяне), испанцы – хитанос, венгры – фараонов народ. Когда в 1836 году российские власти предприняли очередную безуспешную попытку привязать цыган к земле, то организовали в Аккерманском уезде (Бессарабия) два поселка, дав им звучные названия – Фараоновка и Каир. Долгое время считалось, что язык, на котором общались цыгане, искусственный, типа воровского сленга, придуманный для сокрытия преступных дел и намерений. Но уже первое научное исследование, предпринятое венгром Иштваном Вайном, владевшим диалектом венгерских цыган, выявило его сходство с языком, на котором говорили его сокурсники, прибывшие в университет из Индии. Более серьезное исследование, проведенное в середине XIX века немцем Августом Поттом, выя-

вило сходство цыганского с санскритом, а из новоиндийских языков – с хинди.

Самоназвание цыган – «рома». Исследователи предполагают, что оно связано с периодом, когда представители этого кочевого народа населяли Византию. В Российской империи прижилось название «цыгане», которое попало в русский язык из сербохорватского. Русские, или северные, цыгане стали именовать себя «руска рома».

Руска рома. Ксилография, 1850 г.

Большинство современных авторов считает, что прародители цыган были членами индийской касты Дом, некогда принадлежавшей к одной из низших каст индусского общества. Уделом их была индустрия развлечений, а когда страна стала страдать от набегов и внутренних раздоров между княжествами, не востребовавшие артисты, и без того жившие кочевой жизнью, разбрелись по свету. Специалисты, в частности, обратили внимание, что в «Шахнаме» величайшего персидского поэта Фирдоуси в одной из легенд говорится о переселении из Индии в Персию 12 тысяч артистов «лури». Они были присланы в дар персидскому правителю из рода Сасанидов Бахраму Гуру в V веке н. э. В настоящее время их потомки обитают в Средней Азии и именуют себя лули. Больше всего цыган живет в Турции – около 5 млн человек. Румыния занимает второе место в рейтинге – 2,5 млн, Россия и Франция – по 1,2 млн, США, Египет, Венгрия – по 1 млн. Среди других стран, где живут цыгане, – Украина, Иран, Испания, Бразилия, Аргентина, Великобритания, Германия, Чехия. Современные цыгане представляют собой единый многочисленный этнос, несмотря на сохранившийся в веках образ жизни, перенявший элементы культуры народов, на чьей территории они обитали. Традиционно основными занятиями были торговля лошадьми у мужчин и гадание, сопровождавшееся попрошайничеством, – у женщин. И конечно – музыкальное исполнительство. Большой популярностью у русского населения пользовалось цыганское пение, и хоры давали цыганам неплохие средства к существованию и возможность интеграции в городскую среду. До сегодняшнего времени ни одно застолье в России не проходит без пения цыганских романсов, переживших столетия и по-прежнему любимых народом. В поездках по стране

я видел цыган разного достатка, образа жизни и вероисповедания. А в Северном Казахстане я живую лицезрел цыганский табор. Вечерело, когда вдруг в лучах заходящего солнца я увидел картину, схожую с картинкой в театре теней. На горизонте медленной цепью двигалась странная колонна. В голове ее шла женщина, ведя крупного быка, за ней шло штук пять особей разного пола, возраста и калибра, затем две пароконные кибитки, и замыкали колонну три безмолвные собаки, крупными худыми силуэтами напоминавшие борзых, но не борзые.

– Что это? – спросил я Раку, румына-десятника на нашем объекте.

– А, молдавские туристы, – махнув рукой, сказал он и аккуратно сплюнул себе под ноги, – украдут что-нибудь и смоятся. Берегите вещи.

Цыгане остановились на пустыре у школы и, поиграв два дня в лапту (русский вариант американского бейсбола), на третий день нанялись на работу. Мне даже посчастливилось стать свидетелем славного события – выхода цыган в их первый рабочий день. Впереди фирменной цыганской походкой, покачивая бедрами, шли три крепких цыганки, неся на плечах новенькие шufельные и штыковые лопаты. За ними шествовали чавалэ в начищенных до блеска хромовых сапогах, на голенища которых красивыми складками ниспадали заправленные плисовые брюки, наряд дополняли красивые вышитые рубашки, перетянутые на поясе тонким шелковым шнуром. Рубахи мелкой рябью трепетали на ветру, а когда ветерок проникал внутрь, через распахнутую горловину, красивые завязки с кисточками которой болтались по бокам, шелковая ткань раздувалась, как китайские фонарики. Цыганам однозначно было хорошо, накануне они получили, несмотря на предупреждения Раку, небольшой аванс и, как принято, отметили это дело. Полюбовавшись на цыган, я поехал на стройку, а на следующее утро Раку рассказал, что цыгане развели на выпивку аборигенов, затем подрались с ними и ночью снялись с якоря, прихватив с собой выданные им лопаты. Еще через три дня завхоз интерната, обходя свои владения, обнаружил пропажу аккордеона. Милицию тревожить не стали, а Раку в сердцах констатировал:

– Ну я же говорил! – и махнув рукой, аккуратно сплюнул себе под ноги. – Цыгане!

В Питере у меня лечилась пожилая цыганка, жена местного баро, которая после смерти мужа продолжала его дело. Жила она в сталинском доме у метро «Звездная», куда по ее просьбе привез меня ее сын. В прихожей на стульях сидели непривычно

тихие, опрятные, чисто выбритые цыгане. Баронесса вышла ко мне, мы обнялись, она провела меня в свой кабинет, усадила на диван и продолжила прием посетителей.

Цыгане подходили к ней, что-то говорили на ухо, она кивала и доставала деньги, посетитель кланялся и уходил, не подписывая никаких бумаг.

– Хотела прийти к вам сама, но не могу: дела, люди. За что баро повесил мне все это на шею? – сетовала она.

Однажды с тяжелой травмой мозга в мое отделение доставили цыганенка лет тринадцати. Приглядывала за ним бабуля, красивая благообразная женщина, будто сошедшая с картины художника XIX века. Я не помню ее украшений, они были не по-цыгански скромные, но ее белая шелковая шаль старинной работы была за всё! Мишка быстро шел на поправку, на его лицо уже можно было смотреть без жалости, когда, идя из операционной в свой кабинет по пустому коридору, я увидел гурию из персидских сказок, одетую в модные тогда воздушной легкости одежды в восточном стиле.

– Вы Петр Михайлович? – бархатным голосом спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила: – А я мама Миши, меня зовут Лета, у нас были гастроли, и я не могла приехать. Я живу в Москве, танцую и пою в «Ромэне», у нас там тоже есть осетины, очень хорошие люди. С мужем мы в разводе, но Миша живет с его родителями, они прекрасные и добрые люди, бабуля педагог, музыкант, а дедушка писатель, у него большое сердце. Мой папа тоже живет в Москве, он администратор в «Современнике», а мамы не стало.

Весь этот поток информации она выдала на одном дыхании, а затем смущенно сказала, что хотела бы отблагодарить меня за сына. Я объяснил ей, что сам, будучи отцом двоих детей, прекрасно понимаю ее состояние, рад, что все так закончилось, и никакой иной благодарности не желаю. На следующий день, в субботу, ко мне в кабинет ввалилась веселая гурьба цыган во главе с Летой, с шампанским, фруктами, сладостями и «цыганским подарком». К счастью, это была не лошадь, а входившие тогда в моду электронные часы с 38 мелодиями. В клинике стажировался парень из ГДР, но разобраться в инструкции, написанной по-немецки, не смог даже он.

С цыганами в пригородах Ленинграда я познакомился через своих друзей, которые покупали лошадей для своих деток, это были уважаемые хозяева, оседлые в пятом-шестом поколении. Совсем других цыган, новой формации, я встречал, путешествуя по Закарпатья и Молдове. Это были верткие молодые

Григорий Орлов

люди, мотавшиеся через границу к «родственникам» и вывозившие из Чехии, Румынии и Польши советские автомобили, от которых обновленная Восточная Европа спешно избавлялась, а разваливающийся Советский Союз еще крепко сидел на «Волгах» и «Жигулях». Гиды в Ужгороде шутили, что у них самые занятые и трудолюбивые цыгане в мире. Чтобы иметь статус госслужащего, ромалэ Западной Украины заняли все должности, не требующие больших умственных и физических затрат. Особенно востребованной была должность дворника. Благодаря проводимой в

СССР политике русские цыгане стали одной из самых образованных цыганских этногрупп в мире с широким спектром профессий.

Наиболее заметно отличились цыгане в области музыкальной культуры и стали основателями такой самобытной разновидности городского фольклора, как цыганский романс. Хотя бродячие цыганские ярморочные артисты водили медведей на Руси еще со времен Петра I, настоящий расцвет цыганского творчества приходится на конец XVIII – начало XIX века и тесно связан с именем графа Алексея Орлова, брата фаворита императрицы Екатерины II Григория Орлова. Добившись вершин карьерного роста, авантюрист и заговорщик Алексей Орлов проявил себя как талантливый полководец во время Русско-турецкой войны. Поразительно то, что, не имея никакого опыта руководства флотом, он в ходе военных действий в Средиземном море 24 июня загнал турецкую эскадру под командованием капудан-паши Хасан-бея в Чесменскую бухту, где полностью ее уничтожил, прибавив к фамилии почтенную приставку Чесменский. Будучи человеком разносторонним, граф Орлов в Москве был известен не только рысаками, ему не было равных в кулачном бою, даже в почтенном возрасте. А еще граф имел превосходную псовую охоту и разводил почтовых голубей. Во время турецкой войны граф познакомился с цыганским искусством и был так очарован им, что купил в Валахии и привез в Москву в 1774 году капеллу цыган – «лэутарей», которая вскоре разрослась в большой хор. Возглавить этот хор граф поручил Ивану Трофимовичу Соколову, патриарху семьи цыган-артистов, известных в России с конца XVIII и аж до начала XX века. Обладая природной эмоциональностью и раскованностью интерпретации, ломающими общепринятые нормы домашнего и кон-

цертного музицирования, в сочетании с зажигательной пляской, экзотической внешностью, красочными костюмами (автором которых был, согласно преданию, все тот же разносторонний граф Орлов), хор цыган, бывший непременной изюминкой всех балов и маскарадов в имении графа Орлова, быстро завоевал невероятную популярность среди московского дворянства. Заполучить к себе цыган Орлова было престижно, и вскоре хор стал особым предметом увеселений во дворцах московской знати. А вот как описывает цыганская легенда встречу графа Орлова с цыганами:

«Случилось так, что попали цыгане во владения графа Орлова. Известное дело, какое отношение у знати было к бродячим цыганам: гнать их, да и только. Пришли слуги графа гнать цыган. А Федор Соколов шагнул им навстречу и спокойно говорит:

– Зачем вы понапрасну гневаетесь? Хорошо, пусть будет по-вашему. Вот переночуем, а наутро запряжем коней и уедем. Нам вашего добра не надо, у нас своего хватает.

Передали эти слова графу. Взъярился тот:

– Чтобы немедленно уезжали, а не то худо им будет!

Выбрал граф самых дюжих молодцов из своей челяди и сам поехал гнать цыган. Подъехал и стал как вкопанный. Слышит – песня льется. Удивился граф, до чего же хорошо поют цыгане. Отпустил он слуг, один в табор пошел. Встретил графа Федор Соколов как подобает – поклон отвесил, в шатер свой пригласил, на почетное место усадил. Свою внучку, красавицу Стешу, показал. А потом песни зазвучали. И так графу хорошо было у цыган, что он с ними всю ночь просидел. И с той поры повелел граф не трогать табор цыган, чтобы оставались они в его владениях. А Федор Соколов так понравился графу, что стал он приглашать его к себе во дворец с цыганским хором».

Поначалу хор графа Орлова выступал без гитар, и лишь с появлением семиструнной гитары цыганские песни зазвучали так, как мы привыкли их слышать. Русская семиструнная гитара появилась в результате экспериментов французского мастера Рене Леконта, хотя некоторые считают, что создателем ее был русский композитор чешского происхождения Андрей Осипович Сихра. Все-таки, видимо, француз первым сконструировал семиструнную модель около 1800 года, но она не прижилась в Западной Европе, а Сихра лишь популяризировал семиструнную гитару, которая появилась в России в начале XIX века. Всю творческую жизнь композитор посвятил этому инструменту, сочинил более тысячи музыкальных композиций для семиструнной гитары и блестяще их исполнял. Возможно даже, что Сихра сформировал ныне применяемый строй инструмента. Есть другая версия возникновения семиструнной гитары. Изобретателем может быть

чешский композитор Игнатий Гельд, живший и работавший в то же время, что Сихра. Его перу принадлежит учебник игры на семиструнной гитаре, подаренный им в 1798-м супруге Александра I. Необычайную популярность семиструнная гитара обрела в России как среди опытных музыкантов, так и новичков, дворяне и мещане исполняли романсы, а цыгане – свои трогательные песни.

Появление французской гитары у цыган описано в легенде о соколовской гитаре и связано с именем графа Дибича. «Кочевал по свету большой цыганский табор. Двенадцать семей в нем было, а может быть, и больше. Вожаком табора был Мелентий Соколов... Занимались цыгане в таборе лошадьми, торговали, меняли – все как обычно, а остановится табор на ночевку, да соберутся цыгане у костра, тут уж песни и пляски, веселье льется. Запевала обычно дочь Мелентия красавица Даша, и вторил ей басом Платон, любимый сын вожака. А потом цыгане хором вступали... Как-то раз остановился табор в угодьях графа Дибича. Распрягли цыгане коней и пошли лес валить на дрова, чтобы костры разжечь. Тут и застали их графские слуги. Начали они гнать цыган, да разве таких молодцов силой возьмешь?! Стали цыгане стеной – не подступишься. А Мелентий вышел вперед и сказал графским слугам:

– Напрасно хотите табор силой взять. Если надо их сиятельству от нас чего-нибудь, пусть сам к нам и приедет. А мы на месте останемся.

Прибежали слуги к графу, рассказывают, что, мол, цыгане лес рубят, конями своими луга травят. Осерчал граф, велел карету запрягать. Под вечер поехал граф Дибич в цыганский табор. Подъезжает к шатрам и слышит: песня льется раздольная. Заслушался граф, а как кончилась песня, подошел поближе и спрашивает:

– Кто старший среди вас? Вышел вперед Мелентий, пригласил графа чайку попить цыганского, усадил вельможу на корыто, поставил перед ним самовар и поднос. Стали цыгане угощать гостя да потчевать.

– Не скрою, – сказал граф Дибич, – хотел я выгнать вас из своих угодий, да как только услышал ваши песни, раздумал это делать. Не споете ли еще?

Взял Мелентий Соколов гитару, да как прошелся по ладам, у графа аж все внутри оборвалось. Забыл он, где находится и для чего приехал. А закончил Мелентий играть, встал граф Дибич, обнял старика и пообещал подарить ему свою лучшую гитару».

Это было первое упоминание о гитарном сопровождении цыганской песни. А дальше интереснее: «С тех пор стала кочевать с табором знаменитая гитара работы французского мастера, подарок графа Дибича. Не было на этой гитаре дорогих украше-

ний, зато звучала так, что сердце наизнанку выворачивала». Следовательно, встреча Мелентия с Дибичем (если она состоялась) произошла не ранее 1800 года, когда Рене Леконт изобрел семиструнную гитару. До этого гитары были пятиструнными и широкого распространения на Руси не имели. Причем встретиться цыгане могли именно с Дибичем-старшим. Барон Дибич Иван Иванович (Ганс Эренфрид) был отцом графа Ивана Ивановича (Иоганна Карла Фридриха Антона) Дибич-Забалканского, любимца двух императоров, доблестного русского полководца, ставшего четвертым и последним в российской истории полным кавалером ордена Святого Георгия, генерал-фельдмаршалом. Потомок древних рыцарских дворян, барон Дибич происходил от Фридриха фон Девич или Дибич, гофмейстера герцога Лигницкого. Генерал-майор, герой войны с Наполеоном, перешел из прусской армии в русскую в 1781 году по приглашению царя: «В Российскую Императорскую службу по желанию и по повелению Государя Императора Павла I принят с тем, чтобы только при Высочайшей Его Величества особе находиться». Последней занимаемой должностью барона Дибича была должность директора Сестрорецкого оружейного завода.

«Перед смертью призвал Мелентий сына своего Платона и передал гитару ему с напутствием:

– Ухожу, Платоша, вышел мой срок по земле бродить. Твое время пришло табор вести. Все свое богатство оставляю тебе, но пуще всего береги гитару. Умирать будешь – достойному человеку передай, пусть хранит ее и играет на ней так, чтобы не позорить честь предков.

И пошла гитара Мелентия Соколова от отца к сыну, от сына к внуку и дальше, из поколения в поколение. Платон Соколов передал ее своему сыну Мирону, от него гитара попала к Прохору, известному в таборе силачу и красавцу, а потом Ефрему, Ивану, Трофиму. Умирая, Трофим передал гитару сыну своему Федору Соколову... После смерти Федора табор повел сын его Осип, а когда к тому смерть подкралась, позвал он Илью, сына своего, и велел ему встать во главе табора и вести его. И гитару ему передал, потому что никто лучше Ильи в таборе играть не умел.

– Спасибо тебе, дадо, за любовь твою и доверие, за гитару спасибо, что наши предки ценили. А табор принять не могу. Не лежит у меня душа к кочевью. Не помогу я братьям своим по цыганскому делу...

Умер Осип, избрал табор другого вожака, а Илья Соколов собрал всю свою семью и стал ездить по городам русским удивлять публику своей игрой на гитаре. После долгих странствий по свету попал Илья Соколов в Москву и начал работать в известном

ресторане «Яр»... После смерти Ильи сын его Григорий собрал новый хор и переехал в Петербург, а вместе с ним и родовая гитара.

Какой это был хор, какие там были гитаристы! Особо отличался Федор Губкин. Сам князь Кочубей стоял перед ним на коленях, уговаривал сыграть «Цыганскую венгерку»... Когда умер Григорий Соколов, руководить хором стал Николай Шишкин – курский цыган, любимец писателя Куприна. А от

Николая Шишкина знаменитая гитара перешла к дочерям Григория Соколова – Капе и Контраллюше. Обычно на соколовской гитаре играла Капа, у нее и оставалась гитара до самой ее смерти. По наследству соколовская гитара должна была перейти к племяннику Коле по прозвищу Паяла. Это прозвище он получил за свой вечно сизый нос, да не решилась Капа отдать гитару Паяле. Хоть и прекрасно играл он, да был горьким пьяницей, боялась Капа, что променяет он гитару на бутылку водки. Так и перешла гитара в

другой род – Панковых. Досталась она Валентине – виртуозной гитаристке. От Валентины гитара должна была перейти к Николаю Панкову. Сам Федор Губкин дал путевку в артистическую жизнь этому цыгану...

Но шла Первая мировая война, и пропал Николай Панков без вести... В тысяча девятьсот девятнадцатом году случилось это: хоронили Валентину. Собрались на кладбище цыгане. Оплакали покойную, а потом, по завещанию, разломали знаменитую соколовскую гитару на щепки, зажгли костерок и сварили на этом костерке кисель. Так закончилась история соколовской гитары».

Незадолго до войны 1812 года цыгане графа Орлова получили вольную, хор осел в Москве, «в Грузинах», и стал профессиональной концертной труппой. Под руководством Ильи соколовский хор достиг вершин славы и популярности, а выражения «соколовский хор», «соколовская гитара» вошли в песни и стали нарицательными для обозначения высочайшего мастерства романсного исполнительства. До сих пор ходит в народе песня:

*Вы слышали хор у «Яра»?
Он был Пишей знаменит.
Соколовского гитара
До сих пор в ушах звенит.*

Ресторан «Яр» открыл в 1826 году на Кузнецком мосту француз Транкиль Яр (фр. Tranquille Yard), давший своему заведению собственное имя, вернее – часть своей двойной фамилии. Ресторан пользовался широкой известностью и вскоре стал центром притяжения для московского бомонда. Одной из блистательных солисток хора была воспетая в песне Пиша (Олимпиада Николаевна Федорова). Там бывали члены императорской фамилии, поэты Пушкин, Нащокин, Языков, Голохвастов, позже завсегдагатами ресторана стали Савва Морозов, Гиляровский, Плевако, Пржевальский, Чехов, Куприн, Горький, Леонид Андреев, Бальмонт, Шаляпин. За годы своего существования ресторан несколько раз менял адрес, какое-то время в середине XIX века располагался в старом саду «Эрмитаж» на Божedomке. Летели годы, менялись хозяева, но не менялось название и ресторан по-прежнему оставался центром московской разгульной жизни – там ели, пили, пели, слушали и смотрели выступления цыганского хора и проводили время чуть ли не все знаменитости эпохи.

С конца XVII и почти до середины XIX века увлечение цыганами было одной из главных дворянских забав. Под цыганское обаяние попал даже известный всей Европе авантюрист Джакомо Казанова, предпринявший в 1765 году путешествие в Россию без гроша в кармане. И хотя принимали его, как и всех иностранцев, с русским гостеприимством, щедростью и незаслуженным почетом (аферист был даже представлен «просвещеннейшей» императрице Екатерине II и ее «блистательному» двору), он не написал ни одной хвалебной строчки о России, где провел больше года. Единственным светлым воспоминанием он считал покупку прекрасной тринадцатилетней девственницы по имени Заира, которую собственноручно мыл в общественной бане и удивлялся тому, что остальные мужчины не обращают на обнаженную красавицу никакого внимания. Покупка обошлась ему в 100 рублей. Девушка оказалась способной во всех отношениях, вскоре они могли общаться на итальянском, и аферист водил ее по светским вечеринкам под видом своей воспитанницы. Покупка цыганки из хора могла обойтись любителю экзотики намного дороже – от 20 до 50 тысяч рублей (в то время как, например, крепостной крестьянин стоил 150 тысяч).

Особо отличились в любви к цыганкам Рюриковичи из рода Толстых. Первым стал дядя Льва Николаевича, Федор Иванович Толстой, полковник, путешественник и один из самых известных русских авантюристов XIX века. После окончания Морского кадетского корпуса юноша, отличавшийся крепким здоровьем,

ловкий, выносливый, прекрасный стрелок и фехтовальщик, поступил на службу в гвардейский Преображенский полк, но долго там не продержался. 20 июня 1803 года, вместо того чтобы присутствовать на смотре полка, он отправился наблюдать за первым в России полетом на воздушном шаре. Получив нагоняй от командира полка полковника Е. В. Дризли, счел себя оскорбленным и прилюдно плюнул ему в лицо. Состоялась дуэль, на которой командир полка получил тяжелое ранение. Избежать наказания Федор Толстой смог весьма неординарным способом. В августе 1803 года из Кронштадта отправились в кругосветное путешествие шлюпы «Надежда» и «Нева». На «Надежду» капитана И. Ф. Крузенштерна попал и граф, выдав себя за собственного двоюродного брата-тезку, имевшего прекрасные рекомендации.

За время плавания он перессорился со всей командой, постоянно устраивал не самые безобидные розыгрыши и так достал весьма уравновешенного Крузенштерна, что тот приказал высадить его на Камчатке. С Камчатки Толстой добрался до одного из Алеутских островов, где был с восторгом встречен аборигенами. Впечатленные многочисленными татуировками, сделанными им в дни остановки «Надежды» на острове Нуку-Хива, те были готовы признать его своим вождем. У народов Тихоокеанского региона подобные украшения считались признаком знатного происхождения, власти и особой избранности. Долго править алеутами графу не довелось, он был доставлен русским торговым судном в Петропавловск, откуда добрался до Петербурга в августе 1805 года и произвел настоящий фурор в высшем обществе. Авантюры Толстого, одиночные путешествия, знакомства с народами далеких островов превратили его в легендарную личность, и он получил прозвище Американец. Сам Федор Иванович с удовольствием пересказывал свои удивительные истории снова и снова, а также подогревал интерес к собственной персоне, демонстрируя татуировки. По слухам, диковинные «художества» не коснулись лишь лица и шеи графа – для XIX века неслыханная смелость! На фронте он проявил беззаветную храбрость, однако вздорный характер, нечестная игра в карты, разгульный образ жизни мешали его становлению в обществе. По поводу карточного плутовства он говорил: «Только дураки играют на счастье, а ошибки фортуны надо исправлять».

Поначалу отношения Федора и Пушкина, которого поэт, тоже заядлый игрок, обвинял в мошенничестве, не сложились, но до дуэли не дошло, отношения наладились. Именно граф познакомил Пушкина с будущей женой Натальей Гончаровой, и именно Федору

Александр Сергеевич поручил в 1829 году сватать за него Наталью. Осенью 1814 года, когда Москва отстраивалась заново и вселилась напропалую, в «одном из разгульных обществ» граф встретил семнадцатилетнюю цыганку Дуняшу – Авдотью (Евдокию) Максимовну Тугаеву. И когда граф добился взаимности от свободолобивой девушки, собутыльники прозвали его Цыганом. Сам Американец с юных лет отличался черными кудрями. Страсть барина к цыганке оказалась не мимолетным увлечением. Через некоторое время они обвенчались. Авдотья оказалась женщиной энергичной и преданной своему мужу. Очевидно, только такая жена могла с ним ужиться. В канун свадьбы Толстой-Американец проиграл в карты 60 тысяч рублей. Его невеста певица Авдотья Тугаева для выплаты долга не раздумывая продала бриллианты, которые он же ей раньше и подарил. На этом рисунке Пушкин изобразил Федора Толстого и Дуняшу Тугаеву, которая родила графу двенадцать детей, десять из которых умерли в младенчестве. Их смерть Американец считал карой за убитых на дуэлях противников, и, когда в семнадцатилетнем возрасте умерла его любимица, блестяще образованная, талантливая дочь Сарра, тяжело пережил эту потерю. Он вычеркнул последнего из списка убитых им людей и сказал:

Рисунок А. С. Пушкина

– Ну, слава богу, хоть мой курчавый цыганеночек будет жив, – имея в виду вторую свою дочь Прасковью.

Старший брат Льва Толстого Сергей выделялся среди своих братьев статностью и красотой. Остроумный, блестящий, он был щедро одарен разнообразными талантами: прекрасно рисовал, был отличным музыкантом и математиком. Все пути были открыты для этого выдающегося юноши, легко достигавшего успехов в учебе, в особенности в Казанском университете, где он был учеником великого Лобачевского. Лев Толстой изобразил брата под именем Володи Иртеньева в «Отрочестве». Он вспоминал о том восхищении, которое внушала ему способность брата жонглировать «синусами и косинусами», недоступными, казалось, для его понимания. Однако Сергей не сделал блестящей карьеры, как от него ожидали: он был слишком горд и лишен тщеславия. Лишь

один год он сумел продержаться на воинской службе в гвардии и поспешил выйти в отставку. В семье Толстых все любили цыганскую музыку, но у Сергея это превратилось в неодолимую страсть.

Влюбившись в знаменитую певицу цыганского хора Марию Шишкину, Сергей дни и ночи напролет проводил у цыган. После длительных переговоров со старейшинами хора ему удалось выкупить Машу и увезти ее в Пирогово. Затем были хлопоты перед императором о разрешении на брак, и 7 июня 1867 года они обвенчались. К тому времени у них было трое детей, а всего цыганка-графиня родила ему одиннадцать детей, из которых они вырастили только четверых.

Просадить состояние на цыган, по словам Льва Толстого, считалось особым шиком. Он даже придумал особое слово для обозначения поголовного увлечения искусством цыган – «цыганерство». По молодости лет граф и сам частенько наведывался в табор, был хорошо знаком с творчеством и бытом цыган и даже изучил цыганский язык. В письме брату Сергею он писал: «Надеюсь, что ты мне ответишь и напишешь про себя, про свои отношения с Машей и про разные подобные забавные истории – про Чулковых, офицера, который запрягал кузнецов, Овчинникова Андрея, кормилицу. Да, и про Гашу (цыганку) напиши, передай ей, что я мысленно делаю с ней чукмак-семяк и желаю ей много лет здравствовать. По-цыгански я совсем забыл, потому что выучил татарский».

Кстати, сестру Маши Толстой, Ольгу Михайловну Шишкину, выкупил из хора известный поэт Афанасий Афанасьевич Фет-Шеншин. Человек очень практичный, он не помышлял о женитьбе на цыганке, хотя, по-видимому, любил ее. Женились на цыганках князя Витгенштейн и Массальский, уральский миллионер Нечаев и многие другие. В путевых заметках о России Теофиль Готье свидетельствовал: «Цыганки воздержанны... и целомудренны... Их добродетель славится в России. Никакой соблазн не приводит к желанному исходу, и молодые и старые господа растрчивали на цыганок баснословные деньги, нисколько не приближаясь к цели. Однако в их поведении нет ничего дикого и непримиримого. Цыганку можно взять за руку, за талию, иногда она возвращает похищенный у нее поцелуй. Если для всех недостает стульев, она фамильярно садится вам на колени и, когда начинается пение, кладет вам свою сигарету в зубы, а затем забирает ее обратно...» Спрос на цыганские хоры был огромным по всей России, а среди их почитателей были практически все яркие личности XIX века. Маркиз де Кюстин в книге «Россия в 1839 году» делится впечатле-

ниями от выступления цыганской труппы, которое он лицезрел, будучи в Нижнем Новгороде: «...один знакомец повел в трактир с цыганками, расположенный в наиболее оживленной части ярмарочного городка. Близилась полночь, но внутри было ещелюдно, шумно и светло. Цыганские женщины показались мне очаровательными, одеяние их, внешне – то же самое, что и у других русских женщин, выглядит как-то необычно; во взгляде и чертах у них есть нечто колдовское, в движениях же изящество сочетается с величавостью. Одним словом, у них есть своеобразный стиль, как у сивилл Микеланджело».

Рисунок А. С. Пушкина к поэме
«Цыганы»

Закономерно, что именно Пушкин создал исключительное произведение о жизни цыган, и это признано во всем литературном мире. Его поэма «Цыганы», изданная в 1826 году, получила высокую оценку компетентных современников в Англии (филолог Дж. Борроу) и Германии (санскритолог А. Ф. Потт) как лучшее в мировой литературе произведение по выражению внутреннего мира цыган. Однако было бы наивно думать, что все произошло спонтанно, под влиянием эмоций, полученных им во время кочевья с бессарабскими цыганами. До того момента, когда на бумагу легли известные любому жителю нашей страны, учившему литературу по советской школьной программе, строки:

*Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют, –*

поэт проделал немалую исследовательскую работу по изучению истории цыган в архивах Кишинева и доступной литературе. Отбросив в сторону все подозрительные «мемуары» и «воспоминания», связанные с молдавской ссылкой поэта, следует согласиться с О. Проскуриным, что сейчас «мы можем сказать более

Автопортрет А. С. Пушкина. 1826 г.

или менее достоверно о контактах Пушкина с цыганами следующее: Пушкин наверняка видел бессарабских цыган и, скорее всего, из любопытства посещал их табор (деревню). Все остальное – необоснованные домыслы». Пушкин действительно знал о цыганах больше среднего современника – это демонстрирует сама поэма, ее черновик и предисловие к ней, а также рисунки цыганского быта, которые могли быть сделаны только в цыганской деревне (таборе), все остальное фантазия поэта, знания, почерпнутые из книг, но не

из личного кочевого опыта. Нельзя не согласиться с этнографами Ефимом Друцем и Алексеем Гесслером: «Почему-то до сих пор ни один пушкиновед не задался простым и естественным вопросом: на каком языке общался Пушкин с цыганами? Бессарабия отошла к России по Бухарестскому миру в 1812 году. С тех пор прошло всего девять лет. Трудно представить, что цыгане к тому времени владели русским языком, хотя определенно знали молдавский. Но Пушкин не знал ни цыганского, ни молдавского.

Пушкин писал поэму параллельно с романом «Евгений Онегин». Отдельные фрагменты текста выходили в периодике: в марте 1825-го в альманахе «Полярная звезда», в 21-м номере журнала «Московский телеграф», в альманахе «Северные цветы на 1826 год». В декабре 1826 года Антон Дельвиг подал прошение о напечатании поэмы в петербургский Главный цензурный комитет, вскоре позволение было получено. В феврале 1827 года рукопись ушла на согласование в Третье отделение императорской канцелярии. В итоге в конце апреля 1827 года поэма вышла отдельным изданием в московской типографии француза Августа Семена (Огюста-Рене Семена). Стоила книжка пять, шесть или семь рублей ассигнациями (в зависимости от книжной лавки), а на ее обложке располагалась виньетка – разбитые цепи, кинжал, змея и опрокинутая чаша. Критики сошлись во мнении, что «Цы-

ганы» – очевидная пушкинская удача. Первые читатели поэмы в один голос выделяли особенное изящество стихов (пятистопный ямб входил тогда в моду). Александр Тургенев писал Петру Вяземскому 26 февраля 1825 года: «Не мне одному кажется, что это лучшее его произведение». Рылеев сообщал Пушкину в письме от 25 марта того же года: «От Цыган все без ума», а Вяземский определил «Цыганов» так: «Ты ничего жарче этого еще не сделал... Шутки в сторону, это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твое творение».

А что сами цыгане? Вот как пересказывал легенду о жизни Пушкина среди цыган житель деревни Семрино Ленинградской области, цыган Иван Михайлович Федоров. «Издавна имя Пушкина среди цыган в почете за то, что он их добрым словом поминал, за то, что любил их, за то, что жил среди них, за то, что книги о них писал... Прогневал Пушкин царя, и хотел тот его сослать, да не удалось царю это дело. Скрылся Пушкин. Ходил он себе по России и как-то раз набрел на цыганский табор. Видит: стоят шатры, лошади по поляне гуляют, костры горят. Сидят цыгане возле костров, кушают, чай пьют, а рядом на пне кузница-ковальня устроена, тут же коней подковывают, молодежь здесь же песни под гитару поет. Пушкин сразу в табор не пошел, остановился неподалеку, наблюдает. Видит он: пошла в лес цыганочка дровец набрать. А была цыганочка та молодой да красивой. Подошел к ней Пушкин, разговорился. А надо сказать, что вид у Пушкина к тому времени был не барский, долго ходил он по земле и пооборвался совсем. А сам по себе Пушкин был красавцем. Понравился он цыганке, привела она его к своему отцу. Так и остался Пушкин у цыган в таборе жить. Повенчали Пушкина с Земфирой по цыганскому обычаю, как положено. И стали они жить-поживать. Предложил вожак Пушкину:

– Живи как хочешь, морз, делай что пожелаешь: хочешь – на кузнице работай, хочешь – лошадыми занимайся – твоя воля.

Да только не стал Пушкин ни кузнецом, ни цыганским барышником. Сидел он себе на пеньке да книги свои писал. А еще рисовал много: детей цыганских рисовал, коней, как пляшут цыгане, как поют для богачей, как милостыню просят, как гадают – все как есть рисовал. Жаль только, что не дошли эти рисунки до наших дней: в таборе погибли при пожаре. Долго ли, коротко ли, рождается у Земфиры сын от Пушкина. А тут, как на грех, влюбилась цыганка в одного таборного парня. Стала к нему на свидания ходить тайком. Как-то раз ложится Пушкин с Земфирой в полог, да только глаза сомкнул, встала Земфира и ушла от него по росе на

свидание. А тут ребенок заплакал. Проснулся Пушкин, глядит – нет жены. Кинулся он искать ее. Видит, следы по росе от шатра ведут. Пошел Пушкин по следам и набрел на влюбленных. Сидят они у реки, обнимаются. Великий гнев охватил Пушкина, и не сдержался он, выхватил цыганский нож и убил цыгана. Собрался табор на цыганский суд. Слыханное ли дело: человека убили, да еще в своем таборе?! Стали разбираться, судить да рядить.

– Из-за ревности погиб цыган, – сказал вожак, – и ревность была правильной. Коли нарушила Земфира слово, данное тебе перед Богом, то по закону следовало ее убить.

– Не мог убить я ее. Люблю я Земфиру по-прежнему, да и что бы сын мой делал, если бы я Земфиру убил? – ответил Пушкин.

Долго совещались старики и решили осудить Пушкина по старинному обычаю: посадить его на камень, а потом изгнать из табора. Только за убийство была такая кара. А когда сажали человека на камень, сердце его (так верили цыгане) должно было окаменеть для цыганского рода. Посадили Пушкина на камень, а табор снялся с места и укатил в степь».

Вот какие суровые наказания были у цыган, которых в большинстве стран Европы вешали без суда и следствия за конокрадство. Цыгане приняли поэму Пушкина всем сердцем, и многие знали ее наизусть. Любовь их была взаимна. Живя в Москве, поэт был коротко знаком через П. В. Нащокина, влюбленного в Ольгу Андреевну, дочь знаменитой цыганки Стеши, с московскими цыганами. Вот как описывала первую встречу с поэтом известная в те годы цыганская певица Татьяна Демьянова:

«Поздно уже было, час двенадцатый, и все мы собирались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались, – жили мы тогда с Лукерьей и Александрой да с дядей моим Антоном на Садовой, в доме Чухина. Бежит ко мне Лукерья, кричит: “Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят”. Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало, – трое знакомых... Голохвастов Александр Войнович, Протасьев-господин и Павел Воинович Нащокин... А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: “Поваренок, – кричит, – поваренок!” А на мне, точно, платье красное ситцевое было и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: “Дыка, дыка, на не лачо, тако вашескери!” Гляди, значит, гляди, как нехорош,

точно обезьяна! Они так и залились. А он приставать: “Что ты сказала, что ты сказала?” – “Ничего, – говорю, – сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете”. А Павел Воинович Нащокин говорит ему: “А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!”»

Когда Татьяна закончила петь, Пушкин закричал: «Радость ты моя, радость моя... ты бесценная прелесть...» Пушкин обещал ей написать еще одну поэму о цыганах, но обещание не успел выполнить. Дня за два до своей свадьбы с Натальей Гончаровой Пушкин встретил Татьяну у Нащокина, сказал, что женится, и попросил для него спеть. Но как только она запела, Пушкин неожиданно для всех разрыдался и уехал, ни с кем не простившись. То, что многие хоровые цыгане знали наизусть его поэму, радовало его не меньше, чем восхищение современников.

Если вы спросите, зачем я написал все это сегодня, – чтобы знали, чтобы помнили, читали и гордились. И закончу диалогом поэта с Жуковским. «Я ничего не знаю совершеннее... твоих “Цыган”! Но, милый друг, какая цель? Скажи, чего ты хочешь от своего гения?» На это Пушкин отвечал: «Ты спрашиваешь, какая цель у “Цыганов”? Вот на! Цель поэзии – поэзия, как говорит Дельвиг (если не украл этого)».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баранников А. П. Цыганы СССР: Краткий историко-этнографический очерк. М.: Центриздат, 1931.

Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962.

Черейский Л. А. Современники Пушкина. Документальные очерки. Л.: Детская литература, 1981.

Сказки и песни, рожденные в дороге / сост. Е. Друц и А. Гесслер. М.: Наука, 1985.

Любовные и другие приключения Джакомо Казановы. Л.: Васильевский остров, 1991.

Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М.: Советский спорт, 1993.

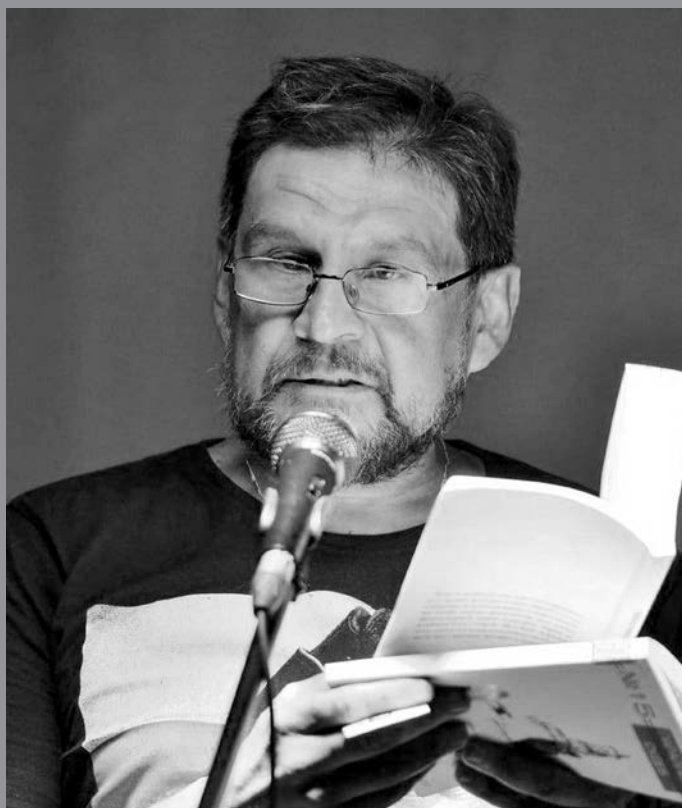
Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. М.: Современник, 1990.

Проскурин О. Русский поэт, немецкий ученый и бессарабские бродяги (Что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания) // Новое литературное обозрение. 2013. № 5 (123).

Олег СТОЛЯРОВ

**«Вселенную не видят
телескопы...»**

СТИХИ

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Дыхание весны в безвестной деревушке –
Саврасов Алексей – картина хороша!
А к таинству сему внезапно я допущен:
И радостно поет счастливая душа!

Изобразить весну стремились живописцы,
И это выходило блистательно у них...
К разгадке мастерства нежданно ты приблизишься
И посвети ему свой беспокойный стих!..

И сразу оживет пейзаж, раздвинув рамку, –
Простора не сковать по воле полотна!..
Постой, искусствовед! Старательно не шамкай!
Художнику весна была давно видна!..

28.02.2023

МАРТ-2023

И опять как февральнуло,
Хоть и ждали этот март.
Словно вышел из загула,
А тебя уже шерстят!..

Прорабатывают смачно
По программе до костей...
Оттого такой ты мрачный...
Мир безумный, опустей...

Мне прости усмешки злые,
Недоверие прости...
Все мы, знаешь, не святые –
Святость лишь у нас в чести...

Только каяться излишне –
Без раскаянья живем...
Как в саду поспеют вишни –
Так откроется дурдом...

07.03.2023

ПОЖЕЛАНИЕ ЛЮБИМОЙ

Из древнеегипетской поэзии

Хатхор, Бастет и Сехмет
Совмести в себе...
Путь твой жизненный согрет
Солнцем – не робей!..

Войны за Любовь вести,
Видимо, в крови!..
Если что не так – прости,
Смелость прояви!..

Чувство буйное твое –
Это же Любовь!
Ну же, не шипи змеей,
Страстью обескровь!

Ты огонь мне подари!
Ну же! Что молчишь?
В ожидании зари
Смертоносна тишь...

08.03.2023

АРКАИМ

Когда Аркаим начинает отсчет,
То время уже никуда не течет,
То время уже превращается в пыль,
Ты четверть пути хотя бы осиль!..

Красоты Вселенной увидев, воспрянь.
Открывши теперь неизвестную грань,
Познаем ее и мечту воплотим –
Как Китеж, возникнет в тот миг Аркаим.

Как Китеж, возникнет среди жизненных бурь:
Неси его свет! – Никогда не халтурь
В момент созиданья! – Надейся и верь,
Что солнце сильнее грядущих потерь!..

08.07.2022 – 28.02.2023

НЕБЕСНАЯ СФЕРА

Небесной сферой забавлялся Пифагор –
Был на язык мерзавец так остер!
Так невоздержан, так горяч он был,
Что неким представлялся, как дебил...

Любил он в карты перекинуться Таро,
Вы возразите мне, что, мол, как мир старо,
Что был азартен он до кончиков ногтей –
Найти аналоги безумию сумей!..

Но их, увы, нигде ты не найдешь –
И так вот правда обратится в ложь,
И заскучает Пифагор во цвете лет,
Что светом истины блаженной не согрет!

17.12.2022

ПАМЯТИ НАШИХ ГРЕЗ

Ждет молодых да ранних
Трагедия всегда...
Выходит жизнь за грани
Последнего суда...
И ей Вселенной мало,
Когда Земля тесна...
Финал убьет начало,
Хоть за окном весна...
Судьба закружит слепо,
Мечта разоружит,
Когда объятья склепа
Облегчат груз обид...
Зовет вперед дорога,
Скрывая горизонт...
Повремени немного –
Вдруг выпадет дисконт...
Ферзем предстанет пешка,
Открытием – дебют...
Фантазию потешь-ка —
Ее свершений ждуть!..

07.03.2016

ОТШЕЛЬНИКИ

Но я скажу тебе, что понимают отшельники. Если ты уйдешь в далекий-далекий лес и станешь очень тихим, ты поймешь, что ты связан со всем.

Алан Уоттс

Отшельникам всегда открыта жизнь –
Они ее иначе понимают...
Раз хочешь – за соломинку держись.
Ну кто тебя причислит к негодьям?..

Ну кто тебя и в чем здесь упрекнет?
Упреки отошли в число преданий...
Ты полон вдохновенья и забот,
Ты радостно рассвет встречаешь ранний...

Твой мир необъяснимый, он иной,
Твой мир преобразован той стихией
Могущественной, горней, неземной,
Которую о счастье мы просили...

Все изменилось... Это ли не кайф,
Которого искал ты постоянно?
Себе признайся честно, не лукавь:
Теперь же ты счастливей обезьяны?..

09.03.2023

* * *

Вселенную не видят телескопы –
Ее бескрайность больше всех пространств...
Определить ее границ не пробуй,
Надежду безумною лучась...

Вселенная одна? А вдруг их много,
Вселенных, точно капель на росе?
У каждой из Вселенных есть дорога...
А вдруг они в одну сольются все?..

Ученые молчат. Им неизвестно,
Куда ведут дороги те... Как знать,
Быть может, где-то есть такая местность,
Вместившая покой и благодать...

13.05.2022

* * *

Оценивай свою Вселенную
И на себя ты примеряй!
Заметь, Вселенная – нетленная,
Не ад с чистилищем, не рай!..

Другие после станут плакаться:
Не разглядели, мол, ее!..
Народ неутомим на пакости –
Поет об этом воронье!..

Веками складывали оды мы...
Кому? Чему? Вот если б знать!
Шедевры пакостно распроданы –
Нам не открылась благодать!..

Благие истины не познаны –
Печать забвения на них...
Да усладится теми кознями
Грядущий несусветный псих...

08.03.2023

* * *

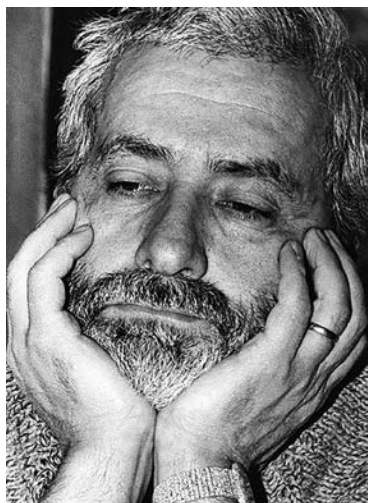
Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро – добром».

Конфуций

За зло плати по справедливости,
А за добро – добром...
И к совершенству плавно двигайся,
А о другом – потом...

Не будем спорить с этой истиной –
Мы будем ей верны...
Великий путь, судьбина, вымости,
Укрась им наши сны...

22.08.2022

Лариса ГЕТОЕВА

Открытие Лазаря ГАДАЕВА

Когда для книги «Сурх-Дигора» я готовила очерк об уроженце этого села, всемирно известном скульпторе Лазаре Гадаеве, было просмотрено десятки видеоматериалов, прочитано много газетных статей, но образ мастера никак не складывался, недоставало как будто главного звена, чтобы почувствовать радость узнавания человека. Дар личности же не всегда воплощается зримо, а интерес к художнику живет всегда, почитатели его таланта хотят понять, каким он был, что его волновало, что он любил.

Большой удачей стал альбом «Гадаев. Скульптура» (М., 1995), в котором он выступил как автор текста, но еще большей удачей стало внимательное повторное прочтение его единственной книги прозы «Искурдиада» («Мольба»). Она выдержала два издания в Государственном книжном издательстве «Ир», особо не задержалась на полках магазинов и стала для почитателей скульптора настоящим открытием, потому что, поистине, если наделяет Всевышний талантом, то очень щедро.

В рассказах и стихотворениях в прозе, эссе и лирических миниатюрах открылся внутренний мир Лазаря, зазвучала красивая дигорская речь. Это собрание его размышлений о жизни и ее смысле, о человеке и его предназначении на земле, о любви и верности, об искусстве и его роли. Это такой искренний неспешный разговор с ус-

ловным читателем, такая предельная исповедальность, что мне стало досадно оттого, что люди, не знающие родной язык Гадаева, не смогут познакомиться с книгой. Тогда-то и родилась идея о подготовке третьего, двуязычного (с переводом на русский) издания с иллюстрациями самого Гадаева.

Книга откровенно автобиографична и подчас может восприниматься как комментарий к его творчеству, ключ к разгадке характера, потому что присутствие личности автора ощущается на каждой странице, и это весьма привлекательная черта его прозы.

Лазарь Гадаев родился 20 июня 1938 года в Сурх-Дигоре. После окончания сурх-дигорской средней школы Лазарь учился на художественно-графическом факультете Северо-Осетинского педагогического училища, затем уехал из Осетии, поступив на факультет скульптуры Московского государственного художественного института им. В. И. Сурикова. С тех пор он только иногда приезжал на родину, жил и творил в Москве до самого ухода из жизни (умер 21 сентября 2008 года).

Через три года после окончания Суриковского института был принят в Союз художников СССР (1969). Ныне работы Гадаева собраны в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, в музеях Северной Осетии и Алтайского края, Ульяновска, Феодосии, Херсона, в Узбекистане и Киргизии, Дагестане и Армении, в частных собраниях Великобритании и Франции, Германии, Болгарии, Словении, Италии. Много дорог им пройдено в жизни: участвовал в многочисленных выставках в России, Армении, Латвии, Индии, Германии, Югославии, Италии, Франции, Китае, Швейцарии и т. д. Что удивительно: в единственной его книге мы не нашли хоть какого-то упоминания об этих поездках, странах. Только родное село, воспоминания о детских годах, рассказы об односельчанах. В одном эссе указано, что написано оно в 1990 году в Лондоне. Но и здесь – о родном доме в селе:

«Ночью в открытое окно послышится шум дождя, шелест листьев. Душа улетает из чужой земли в бедную мою саклю, в село Къулдун (второе название села Сурх-Дигора. – Л. Г.). Чутко прислушиваюсь к шелесту тутовника, к гулу реки на окраине села. Встаю с постели – вдруг сломана черепица на крыше нашего дома и протечет в такой сильный ливень, надо ее починить. В окне вижу яркие огни большого богатого города и снова ложусь. До утра сон покидает меня: а вдруг и в моем селе такой ливень, как там тогда наш бедный дом? Вдруг кто из вас припозднился во время

такого потопа, братья мои, мои сельчане, моя родня?! Ночь проходит в беспокойных мыслях. Если застал вас дождь, Господь пусть приведет всех в ваши теплые дома, чтобы ничто вас не потревожило...» (Здесь и далее тексты даны в моем переводе. – Л. Г.)

Какое пронзительное признание в любви! А ведь в этом же эссе, в начале, автор пишет, как иногда обижают его своими заносчивыми, дерзкими замечаниями односельчане или родственники:

«Говорю себе: “Чем дальше я от них, тем меньше боли в сердце, не вернусь к ним. За семь морей улетаю, за семь гор в незнакомые богатые страны, окунаюсь в беззаботную жизнь... А через короткое время сердце начинает тревожиться” («Издалека»).

Нить, крепко завязанная с родной землей, не рвется никогда. Мы привыкли бесконечно спорить о национальной идее, а она просто и наглядно представлена Лазарем Гадаевым.

Герой рассказа «Сон в большом городе» Гаус сорок пять лет живет в Москве. Устал, тоска его съедает, душа рвется к сельской жизни. Чаще вспоминает отца и мать, странные сны видит: то ищет, как перебраться через Ираф, то руки о шиповник обдерет. Просыпается и до утра уходит в тоскливые раздумья. После одной такой ночи он принимает решение все же вернуться на родину. Жена Анна, москвичка, не разделяет этого желанья, и Гаус понимает, что в их возрасте менять образ жизни нелегко:

«Это в сказке бывает, что твоя половина из большой любви следует за тобой, несмотря ни на какие трудности. А в жизни так не бывает...»

Через неделю он уже в Дигорском ущелье на своей «Ниве», нагруженной на все случаи жизни, ужинает у костра с родственником Цараем.

«Сколько раз себя спрашивал Гаус, почему так сильно притягивает к себе эта земля. Отрада души – вечерний воздух. Не хотел бы я долго жить. Но остаток жизни хочется дышать этим райским воздухом».

Мы чувствуем автобиографические детали, озвученные затаенные мысли Гадаева во всех рассказах и не можем лишать читателя удовольствия послушать самого автора:

«Не осталось в России уголка, где бы я не был. Но даже хищник устает от бродяжничества... Я скачу по горам, которые я люблю больше жизни... Дацци (мать. – Л. Г.) говорила: “Счастье не вдалеке надо искать, счастье спрятано в земле отцов...” Что я хорошего узнал на дороге жизни, какие сокровища собрал, – все они

посвящены тебе, земля отцов. Не считай меня чужим и прими мой дар, как дар своего дитя» («Начало пути»).

Автор, живя в большом городе, обладает способностью слышать все, что происходит в его родном Къулдуне:

«В ночной тьме послышался мне бесконечно далекий лай собак. Это в Къулдуне появился незнакомый поздний гость. Беспокойство собак распространилось с окраины села на всю улицу. Сначала лают как бы нехотя, внимательно вслушиваясь в ночную тьму, но от шагов путника лай постепенно крепчает» («Поздний гость»).

Гадаев назвал книгу «Искурдиада» («Мольба»). Что он хотел донести до нас, читателей, в одноименном стихотворении в прозе? Слово автору:

«Къулдуни гъау (село Къулдун), и доброта твоя, и злодеяния связаны с моей душой, и невозможно меня отделить от тебя... Каждый вечер я мысленно направляюсь к тебе по большой дороге между цветущими акациями, и от запаха этих цветов начинает кружиться голова. Не пожалей для меня мягкого дыхания весеннего поля, когда я вернусь к тебе. Къулдун мой, ты можешь позлословить обо мне, но надели меня добрым словом сельчан... Не обдели меня утешением своим, тревоги моей души всегда связаны с тобой, тебе посвящаю труды рук своих. Сними с моего сердца тяжкое бремя моей ошибки... Прими в свою теплую землю в дар от меня – мою душу в последний день мой».

Здесь мы с полным правом можем определиться с жанром его прозаических произведений. В основном это стихотворения в прозе, так как в прозе присутствует такая же лирическая наполненность, которая встречается в стихотворении. Удивительно красив дигорский язык, сохраненный Гадаевым во всем его богатстве несмотря на то, что всю жизнь он прожил далеко от Осетии.

Ни разу нигде не встретили мы затертое слово «патриотизм», но безусловной, трепетной любовью к родине дышит каждая фраза. В понимании Гадаева это не просто любовь к земле, а знание ее бед, боль и тоска, в таком знании коренящаяся. В миниатюре «Пустырь» он пишет о безжизненном горном селе, улицы которого *«тоскуют по людским шагам. Дома, некогда наполненные жизнью, разрушаются изнутри, между камнями бурно прорастают крапива и бурьян, и от их вида болит сердце».*

Но пусть читатель не торопится впадать в уныние. Беспросветная печаль от этой картины вдруг сменяется маленькой надеждой, что все-таки в эти благословенные места вернется жизнь. Эту надежду

вселяет *«чистая горная вода, которая весело журчит между камнями прямо в середине села. Поверхность ее блестит от лучей утреннего солнца. Редкий путник постойт около нее и утолит жажду, выпив воду с ладони. И почувствует сладкую боль от ее свежести...»*.

Мы чувствуем автора и в герое рассказа «Звуки песни» Кайтуке, которого судьба забросила в далекие края:

«И дождь там другой был, и холод какой-то чужой. А на родной земле ему казалось, в каждой капле дождя есть душа... Какое удивительное возбуждение он испытывал, когда вернулся домой! От радости он бы все горы обнял!..»

Гадаев – художник, он поражает точностью наблюдений, достоверностью, особенно в описании природы. В сочетании с восхищением, которое переполняет его при виде родной местности, складывается поэтический образ, поражающий своим великолепием:

«В родном селе лунные ночи – моя поддержка и опора. В тяжелые моменты душу ласкает их чистый свет, сияние горных ледников при луне. Маленький, я в небольшой нашей комнате, бывало, допоздна уходил в раздумья. Спальня наполнялась лунным светом. Напротив окна рос молодой туювник. Стоило подуть свежему ветру, и его тоненькие ветви стучали в окно, как будто чудесный лунный свет ночью приглашал меня к себе» («Лунный свет»).

«Когда из ущелья дует вечерний свежий ветер, дом наполняется дымом, разъедающим глаза... Тучи прячутся за горами, а потом разом вдруг рассыпаются, тут же покрывают небо темнотой. С ущелья стремится ветер, гонит впереди клочья туч, которые стелются по земле, оставляют на траве морось. Такие тучи дождь не приносят. Когда из-за гор появляются темные кучевые облака, когда раздается их громохание и они прорываются с севера к югу, когда встречаются эти две группы туч, то ущелье переполняется шумом. Молния ударяет по вершине склона, пронзает камень или дерево, раскалывает их надвое, и они начинают дымиться. После крупными каплями проливается дождь...» («Звуки песни»).

Эх, если бы читатель мог на языке оригинала прочитать эти строки! Уверена, что он пришел бы в восторг от музыкальной, богатой лексики автора. Однородные глаголы нанизываются друг на друга, создавая картину постепенно меняющейся природы, которая наконец разряжается очищающим дождем.

Автор един с природой, он пленен ее ароматами и красками, поэтому часто встречающееся олицетворение, или одушевление, у него

никак не художественный метод, а естественное действие, в коем и сомнения нет:

«На склоне скалы среди вечногo мха вырос маленький цветок с листьями небесного оттенка. С любопытством он смотрит на голубое небо, сердитое течение волн Ирафа да время от времени покачивает головой свежему ветру, как бы о чем-то сожалея. В пасмурный день надвинется туча, обнимет скалу и умчится дальше в ущелье. На тоненьких листьях маленького цветка остаются капли воды, как слезы» («Цветок»).

«На берегу Ирафа огромный дуб от удара молнии раскололся посередине, но не упал... С ущелья врывается сердитый ветер, забирается ему под мышки, задувает. Дуб застонет, ох-ох-ох, мол, и на мгноление затихает... В темную ночь слышится стон дуба, словно стонет больная душа» («Удар молнии»).

Гадаев воспитан Дигорией, ее природой, традициями, тем богатым на события временем, когда создавалось родное село и творилась его история. Воспоминания о детстве складываются у него из различных ощущений и составляют тот огромный пласт, который питает всю жизнь. Настойчиво обращается он к минувшему времени, недаром в альбоме «Лазарь Гадаев. Скульптура» пишет:

«В последнее время все чаще думаю о детстве, возвращаюсь к нему. Оно все больше видится как емкая мера искренности, взаимодействия с окружающим и нередко как эстетическая мера. Вновь приблизиться к нему – моя мечта. Именно в детстве я получил свои первые и прекрасные художественные впечатления».

Может, те жизненные зерна и давали ростки его печальному характеру? (Мать называла его *ме 'нкъард биццеу* – мой грустный мальчик.) Жизненные впечатления, отложившиеся в памяти, осели на дно его души.

В рассказе «Однажды вечером» шестилетний мальчик, слишком рано повзрослевший, собрался с матерью на мельницу. Чтобы немного облегчить ей ношу, он насыпал в свой мешок больше кукурузы. В дороге у ребенка уже подкашиваются ноги, он боится поставить мешок на землю, вдруг поднять не сможет. А ноша все тяжелее и тяжелее. Сколько сил в ребенке? Физических немного, но дух очень сильный. На мельнице мать ни минуты не сидела без дела: то муку проверяла, то подметала. В какой-то момент она села на край доски и неотрывно уставилась в одну точку, а крупные ее слезы падали в муку. У сына слезы подступали к горлу от жалости, и, чтобы не заплакать, он вышел, опустился на траву, рукавом рубашки

вытер слезы. Боль мальчика за горе матери, ожидание отца, который во сне видится богатырем, – это история детей, на всю жизнь раненных войной:

«Небо наполнилось звездами, между ними висел полумесяц. Тихая летняя ночь сыпала на землю свои сокровища, но меня они не трогали. Сердце разрывала жалость к матери... Спустя какое-то время я заснул, устав плакать. Большой мужчина оказался возле меня, поднял высоко и посадил на плечо. Так высоко я сидел, что мог и до луны дотронуться.

– Это твой отец, отец твой, – откуда-то послышался голос матери.

От радости я закричал во весь голос и проснулся от своего крика.

Мама испуганно выбежала, подняла меня и прижала к себе:

– Не бойся.

Я прижался лицом к ее влажной от слез щеке, и так мы зашли снова на мельницу».

Конечно, от этого эпизода защежит и заболит каждое сердце, настолько лаконично, но пронзительно описана трагедия многих мальчиков военной поры, которым не суждено было узнать отцов. (Известно, что из 669 сурхдигорцев, ушедших на войну, погибло 322 человека – почти каждый второй. Гадаев Тазе в их числе.)

Гадаев Тазе собирал легенды и сказания, был охотником, замечательным резчиком по дереву, блестящим наездником и танцором. В миниатюре «Разливается твоя песня» Лазарь обращается к отцу:

«Ищу твой образ в своих детях, их движениях, походке, улыбке... Пытаюсь услышать твое слово. Через горный Ираф свежий ветер приносит звуки твоей свирели, а слово твое не слышу. Не знал тебя и придумал для себя...

“Отец твой охотником был”, – говорят мне... По ту сторону Ирафа в темном ореховом лесу стонет сова, печалится, что не возвращаешься. Мягкие шаги твои не сломали бы даже сухую ветку. “Землелюбивый был, пахарь”, – говорят о тебе. Каждую весну дети пускают плуг по пашне, а земля все равно тебя ждет. Последние шаги сделал по далекой земле. Пусть райским местом станет земля, на которую упали последние капли твоей крови. Слышу я звонкий голос твоей свирели, слышу...»

Может, дети военных лет стали особо жизнестойкими, потому что слишком много им пришлось увидеть горя в самом начале жизни?

«Жизнь меня то в волны глубоководные бросит, то в огонь толкнет. В огне докрасна накалюсь и легко переносу безжалостные

удары жизни, но потом оказываюсь в волнах глубокой воды, и вновь тело закаливается крепче прежнего. Огнем и водой закаляется железо; огонь и вода – моя судьба» («Закаленный жизнью»).

В миниатюре «Тоска» Лазарь снова возвращается к образу отца:

«Лица своего уставшего отца я не помню. Зимой заходил в дом и заносил с собой крепкое дыхание холодного времени. То из леса возвращался, привозил дрова, то с охоты. Вешал на стену ружье, снимал бурку. Я в это время крутился под ногами и маленькими своими руками стучал по ноговицам из шкур. Их глухой звук до сих пор у меня в ушах. И сейчас мне все кажется, когда в холодное время кто-то широко распахивает дверь, как будто зайдет отец. Я смотрю на ноги вошедшего. Если это будет отец, я узнаю его по ногам, лица его я не знаю...»

Трогательной, нежной любви к матери, рано овдовевшей и воспитавшей пятерых детей в трудные послевоенные годы, посвящены лирические миниатюры, стихотворения в прозе «Под солнцем», «Сон», «Грустные мысли», «Счастье», «У могилы», «Тяжелые думы». Это своеобразная гадаевская ода матери – с грустинкой, упреком самому себе, сожалением, тоской, неизбывной благодарностью:

«Как ты живешь без меня? Для кого прячешь кусок чурека? Чью голову ласкаешь мягкой ладонью, какой малыш засыпает вместо меня на твоих руках? Заблудился я в большом городе в суете лет и не возвращаюсь к тебе. В тоске поседела моя голова, а ты совсем сдала. Что можно сказать этой безжалостной жизни? Растянулось мое путешествие...» («Под солнцем»).

«Положи свою ношу. Немного отдохни. Без усталости тяжелый груз по ухабистым дорогам, столько лет... О, моя труженица-мать!.. Хоть бы когда-то оценить тяжелую твою долю! Но ребенком – твой иждивенец, а способным помочь – от тебя далеко» («Тяжелые думы»).

Складывается впечатление, что автор постоянно упрекает себя в том, что волею судьбы оказался далеко от родины. Тоска по родным людям и родным местам – частая его тема:

«Каждодневная суета казалась мне важнее. Кружился в круговороте дней с деловым видом. Не имел власти над временем. Сам был рабом времени» («Позднее раскаяние»).

В миниатюре «Когда вернешься?» он обращается к себе от имени матери:

«Душа моя устала в ожидании тебя. Одна и та же картина все время перед глазами: вернешься из поездки, мое задумчивое дитя,

мой грустный мальчик, перешагнешь через порог, сядешь в кресло возле меня... Поведай о своем путешествии...»

Во сне он видит стаю журавлей, опустившуюся в их двор, которая стала клевать зерна кукурузы. И поодаль – мать, молча глядящая на все, прижимающая руки к сердцу:

«Почему ты мне ничего не говоришь, когда вижу тебя во сне? Ты знаешь, наверно, что означает этот сон. Или, если говоришь, оттуда не слышно твоих слов?» («Сон»)

Символами начинена наша жизнь. Надо только видеть их или чувствовать.

В миниатюре «У могилы на кладбище» автор стоит у могилы матери, не обращая внимания на раскаты грома. Внимательный его взгляд фиксирует даже движение облаков. Смотрит, как железная оградка могилы вошла в тело алычового дерева. Дерево оторвало от земли ограду, приподняв высоко одну сторону, отделив ее от земли.

«Была, казалось, какая-то тайна в своевольном росте и сплетении железной оградки и дерева... Как будто алыча хотела освободить могилу от ограды. Перекрученные ветви дерева, казалось, напоминали пальцы рук Дацци. Сильная, своевольная, свободолобивая женщина была Дацци, мешает ей ограда... Неотрывно смотрю на узел жизни и смерти. Никто их не отделит друг от друга. А небо грохочет, сверкает молнией. И льет дождь...»

Автор всегда делает вывод из повествования. Увиденная на кладбище картина наталкивает его на размышления о связи жизни и смерти, начала и конца. А непрекращающийся дождь – свидетельство продолжения жизни... Даже в коротком стихотворении «Родник», напоминающем этюд, мы встречаем вывод, логически вытекающий из описания родника:

«Годы идут, родник не скудеет, весело журчит в груди земли, радуется, что способен на такой щедрый дар».

Действительность у Гадаева пропущена через поэтическое сознание. Поэтому мы можем встретить произвольные ассоциации, символы. Иногда он просто мыслит образами. К примеру, и в скульптурных работах, и в прозе часто встречается образ вороны. Сам автор пояснял:

«Ворона как символ неодинаково трактуется в мифологии разных народов. Осетины говорят: "Ворона в доме – жди несчастья". Часто это знамение встречи человека с судьбой. В другом диапазоне это конфликт или взаимодействие человека и природы. Так или иначе – это неоднозначное, универсальное олицетворение.

Человек между добром и злом, в преддверии сложных поворотов жизни» (Л. Гадаев. Скульптура»).

В рассказе «Смерть Цико» главный герой подхватил смертельную болезнь, когда расчищал улицы родного Камата после обильного снегопада. Жена Салу надеялась на его выздоровление, пока не увидела во сне черную ворону, залетевшую в их дом:

«Салу проснулась от испуга, огляделась вокруг в поисках вороны и расплакалась. Никому про сон не сказала, но для себя все поняла...»

Элементы мистики переплетаются с символами, смещая границы сна и реальности, и мы думаем о двойных смыслах повествования и о подтекстах, заложенных автором.

«К зерну, что сушилось, направилась черная ворона, переваливаясь на кривых ногах, чтобы околоть ей или стать добычей ястреба... Даже палкой не могу в нее попасть, перепрыгивает через нее. Как будто специально сыплет соль на раны – взглянет на меня, совсем не стесняется. Изю всех сил стараюсь уберечь зерно.

Черная ворона, чтобы мор ее унес, зерно за зерном исклевала мой урожай. Нарочно так делает, иначе когда она видела ворону на зерносушильне? Ничего не осталось, что охранять? Опустел, разорился мой урожай зерна. В середине двора растянул свою черкеску и стою сторожем. От обиды и беспомощности текут слезы. И солнце село, чего еще я стою? Ни зерна нет, ни тепла солнечного. Мерзкая черная ворона кружится вокруг на невзрачных своих кривых ногах и терзает меня» («Терзания»).

Интересно, что через десять лет после ухода Гадаева, в сентябре 2018 года, на стене сурх-дигорской школы была открыта мемориальная доска, выполненная его земляком, выдающимся скульптором Владимиром Соскиевым. Он использовал в композиции автопортрет Лазаря и ворону – один из любимых его символов.

О творческом неудовлетворении, сомнениях в реализации своего предназначения Гадаев повествует в эссе «Тяжелый сон»:

«На берегу Ирафа лежат большие камни. А место, где я строю башню, гораздо выше. Там, на высоте, у подъема скалы есть небольшой ровный участок.

Пусть враг твой с берега камни ворочает. Качу их по склону наверх. Мучаюсь, пока дойду до строящейся башни. Усталый, сажусь на камень и отдыхаю некоторое время. Долго отдыхать не могу: жизнь человека коротка, а моя башня еще даже до половины не построена. Встану, подкачу камень и кладу его с раствором на место, на стену растущей башни.

На берегу меня ждет другой помеченный камень, и я спешу вниз. Ираф плещется, стремится вперед, его бешеный шум раздается в ущелье, мелкими каплями садится туман.

Новый камень качу впереди себя, уставшие мои конечности от тяжелой работы дрожат, но все равно камень доставляю на место, и башня моя растет.

Один камень слишком большой, с трудом докатил его до середины склона, а там не смог удержать. Камень оказался сильнее, покатился обратно. Раздавил бы меня, если бы я не отскочил в сторону и не растянулся ничком на склоне... Он с грохотом покатился вниз, послышался всплеск воды. Мучаясь, я в отчаянье проснулся...»

Что это? Метафора, обозначающая бесконечные терзания творческой личности, или ежедневный, изнуряющий труд мастера, приносящий и боль, и муки, и радость?

«— Для чего тебе неустанно скрести камень, что ищешь в его чреве?

— Тревожную скорбь души моей, как жертву, туда кладу» («Скульптор», перевод К. Мамукаева).

В рассказе «Сват» главный герой, скульптор Аслан Тамаев, живет и творит в полуподвальном помещении. Он влюблен в соседку Зарину, никак не решается признаться ей. Свои сердечные переживания прячет в камне, изображающем парня и девушку, смотрящих друг на друга с любовью. Камень как будто начинает дышать любовью Аслана. Когда его друг Симон пригласил Зарину в мастерскую, она поразила мастерству скульптора:

«Как удается передать в камне силу безграничной любви?.. То, что человек не может высказать словами, он выражает по-другому, в камне. По доброй воле обособился от людей и трудится. Одни выражают в музыке сердечные муки, другие ищут поэтическое слово, третьи — еще что-то... Непростая это, видимо, боль, если ее яростные волны так изводят душу. Но какая радость появляется в сердце, если удается красиво высказать его тревоги и трепет... Что это за человек, который приносит себя в жертву неопределимым ощущениям?! Нет на земле силы, которая бы свернула такого человека с его пути...»

Зарина не может понять, как, работая грубыми инструментами, скульптор может показать любовь, горечь, гнев, груз необъяснимых эмоций.

«Как можно языком камня выразить мысли, которые не можешь высказать?.. Есть в его душе бескрайняя высота...»

Не завершилась хорошо их романтическая история. Но читатель понимает, что настоящее искусство только там, где есть любовь. Только любовью держится и движется жизнь, создаются подлинные шедевры.

Из стихотворений в прозе мы можем догадаться о фрагментах личного и интимного характера, об эротических ощущениях ранней юности или детства, которые память хранит всю жизнь. Короткий рассказ «На молотье» знакомит нас с восьмилетним мальчиком, который укладывает снопы пшеницы в арбу. Его память сохранила образ девушки Зареты, подбрасывающей ему эти снопы, ее сильные руки и заразительный смех. В полдень молотилку отключили, все устремились на стан обедать.

«Отвел я волов на траву попасться и побежал на стан. Глаза у нее были закрыты, но, когда я пробежал мимо, она сделала подножку, и я упал. Крепкими руками она прижала меня к себе:

– Куда ты торопишься? Посиди рядом.

Сладкий запах ее тела кружил голову. Аромат всех полевых цветов, казалось, исходил от ее тела.

– Пусти, я обедать иду.

– Успеешь, рано еще. Почему не хочешь побыть рядом?

– Обедать иду, – старался я оторваться.

Грудь она обнажила, чтобы ей было прохладнее, колени открыты. Крепко прижала меня к груди так, что я не мог вздохнуть. Тело ее, насыщенное солнечным теплом, источало сладкий аромат...»

В эссе «Любовь» автор любит супругов, сохранившими свежесть чувств до преклонных лет. Старая Косер сокрушается, что муж до сих пор сомневается в ее чистоте, «а ведь нам обоим скоро отпавляться на тот свет». Ее собеседник, автор, замечает: «Сердце не стареет. Мне кажется, что я старше, и я завидую их любви...»

В рассказе «Лужа» Гадаев знакомит нас с Ганге, который живет в необжитом, неуютном доме с «голыми окнами, невыкрашенной печкой». Единственную корову он зарезал на поминках жены Зарада. Беспорядочно пьет, около его дома болото, где уже квакают лягушки. А когда-то он был сильным, «быка откормленного мог на колени поставить». «Когда, в какой день от меня отвернулся Господь, – думает Ганге. – Работы никогда не боялся, был доброжелательным...»

Может, это началось тогда, когда он потерял свою любовь? Стал ругаться с женой, бить ее, приходил домой пьяный. А она не жаловалась, терпела все. Позднее раскаяние и сожаления о прежней жизни

изменили мужчину, опустили на самое дно. Не для чего ему теперь жить, без любимой. Жизнь без любви теряет смысл.

Своеобразная ода Любви в миниатюре «Мы будем долго жить» восхищает лиричностью:

«На берегу реки сейчас ночь, уже поздно, но невозможно нам оторваться друг от друга. Чувствую твоё приятное мягкое дыхание, каждое движение тела. Две души слились, и кровь пульсирует в унисон. Во мраке ночи ты испуганно вздрагиваешь от крика совы. Не бойся, природа – союзница любви, не враг.

Мы будем долго жить, тайна сладкой ночи наш свидетель. Спустя годы тепло наших душ вместе с мягкими солнечными лучами достигнет с ангельских небес земли и будет нежиться на весеннем цветке. Не исчезает радость красивой любви, это сила природы!».

А сколько нежности и искренности в своеобразных письмах-обращениях к любимой!

«Быть вдалеке от тебя мне тяжело... Поздно мы встретились: сила наших сердец ослабела. Все равно не прячу от тебя тайные мысли. Никто на земле не поймет меня, как ты. Ты – единственная опора в трудной моей жизни. Слишком дорога ты мне, потому и слово твоё больше ранит... Не прячь от меня грустный взгляд и слезы – я вижу их... Правду души не спрячешь за показным. Пока не поздно, будь около меня без фальши. Одна ты – моя поддержка и вдохновение» («Письмо»).

«Блеснул твой платок цвета воды, как морская волна, и пропал на повороте. Сердце мое колотится в груди, как синие воды Ирафа бьются о стальные скалы. Вернись! Не бросай меня в одиночестве с тревогой... Или не видишь, как моя душа ложится тебе под ноги на тропе, по которой идешь? Или не видишь, как в смятении моя любовь летит над твоей головой крылом ангела? Вернись!..» («Вернись»).

Лирические миниатюры «Без тебя», «Посадим наше дерево» – признания в любви, полные размышлений о верности и искренности в отношениях, сожалений об утраченном:

«Раздумья моих молодых дней мутные воды Ирафа унесли на волнах в глубины далекого моря. Ныне в бессонные ночи они возвращаются ко мне из бескрайнего далека. Мучают они мое истерзанное за прожитые годы сердце. Воспоминания о днях, которые нельзя вернуть, которые остались в далеких годах, идут за мной, внезапно появляясь» («Начало книги»).

Особенно пронзительно звучит обращение к супруге перед уходом из жизни, его признание в любви:

«Чернобровая моя жена, к тебе обращено мое слово, утешение моих безумных тревог. Моя трудная дорога благодатна благостью твоей души. В жаркий день ты – мой горный родник. В студеную зиму ты – мое вдохновение. Душа твоя была достойна лучшей доли. Не нашел я в жизни радости, достойной тебя. Никогда ты не взглянула на меня осуждающе, даже когда я был виноват. Никогда не напомнила мне гневного моего слова. Пока не закрылись в вечность глаза мои, держи на лице моем свою теплую руку. Тяжелая боль моей души тогда становится меньше» («К тебе обращаюсь перед смертью»).

Выразительны в книге не только эссе и лирические миниатюры. Короткие пять-семь строк напоминают мазки художника, этюды с натуры, сделанные под влиянием блеснувшей мысли или увиденной сцены:

«На кувде (пиршестве) мне досталось полпирога. Пришел домой с грустью, сел в кресло. Внимательно посмотрела на меня Дацци, спросила:

– Угощение на торжестве богатым было или нет?

Долго я думал, наконец ответил:

– Угощение богатое, но сердечности не доставало.

– Угощение душу не трогает, если не греет сердечное тепло.

Дацци вздохнула и вышла во двор» («Доля»).

«Неожиданно состарился:

на висках моих

снег не тает...» («Глядя в зеркало»)

«Махая крыльями, птица взлетела на крышу дома, оттуда раздалось ее щебетанье. Малыш взглянул туда, протянул к птице свои маленькие руки. Что-то себе говорил, но как поймешь? Видимо, просил птицу. Ему, наверное, казалось, что это игрушка. Птица же улетела, исчезла в небесной лазури. Малыш заплакал!» («Этюд»)

Чем не этюд? У Гадаева своя интонация, он умеет в лаконичную емкую фразу вложить глубокий смысл, побуждающий читателя к ассоциациям.

Есть в книге сюжетные рассказы с ярко выписанными образами. Это знакомые нам скульптор Аслан и Гауис, вернувшийся в Дигорию после долгой жизни в столице; это Уарзета, оставившая мужа с детьми и уехавшая с любовником в город; Зарят, принимающая любовника в доме в отсутствие мужа; Гаге, которого к крутому виражу в жизни

подтолкнула пуговица, как последняя капля; Тебо, человек «с сердцем волка», лишивший жизни друга по пьянке; Гадзибе, лидер сельских ребят, сохранивший верность первой любви, и Цадаг, отец многочисленного семейства; это Царай, построивший для семьи счастливый дом, и старушка Кяба, проклиная детей, которые забирались в ее сад воровать сливы; Магкион – колдунья, лечившая всех сельских детей, и 80-летняя Абефон, над которой не властны годы, потому что не умела смотреть без улыбки.

Страна Лазаря Гадаева населена многими людьми. Это его односельчане – калейдоскоп образов, составляющий родной край, милый его сердцу. Как бы невзначай мы замечаем особенности национального характера, задумываемся над вопросом, что же составляет его суть. Выразительные эпизоды, оставшиеся в памяти, он фиксирует на бумаге, как бы говоря: «Это все – мои люди. Они разные. Но я их люблю, потому что они оставили во мне часть себя. В них проявляется дух моего села, дух места, откуда я начался».

Рассказ или стихотворение в прозе, миниатюра передают главную мысль. Автор не ставит вопросы, не убеждает, он высказывает то, что считает важным: как бы ни менялась жизнь, человек не должен утратить лучшие нравственные качества, а это любовь, доброта, сострадание, совесть, отзывчивость... Мы в ответе за свои мысли и поступки, ничто не проходит бесследно.

Язык Гадаева удивительно органичен, изобилует пословицами, поговорками, которыми чрезвычайно богата дигорская речь. Часто встречаются в рассказах этнографические зарисовки, легенды. Внешняя простота и естественность прозы покоряют читателя, любящего язык и умеющего разгадывать скрытые смыслы автора.

Вклад Лазаря Гадаева в литературу не только в том, что он написал, но и в том, как он писал. В том, что он нашел особую, только ему присущую интонацию, полную любви и нежности. Книга ценна тем, что дает нам возможность приблизиться к пониманию этой многосторонней творческой личности. Его стиль становится вторым «я», и мы чувствуем огромность неповторимого духовного мира художника.

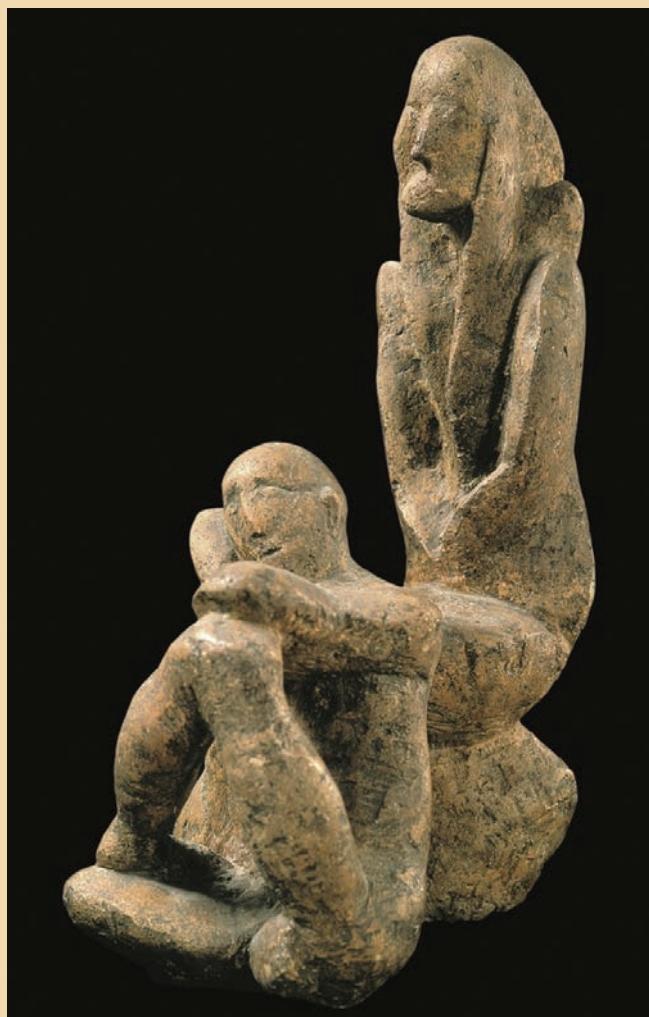

ТВОРЧЕСТВО

МИР ИСКУССТВА

«ДАРЬЯЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

**ЛАЗАРЬ
ГАДАЕВ**
СКУЛЬПТУРА
С. 114-128

Я и моя бабушка

ЛАЗАРЬ ГАДАЕВ СКУЛЬПТУРА

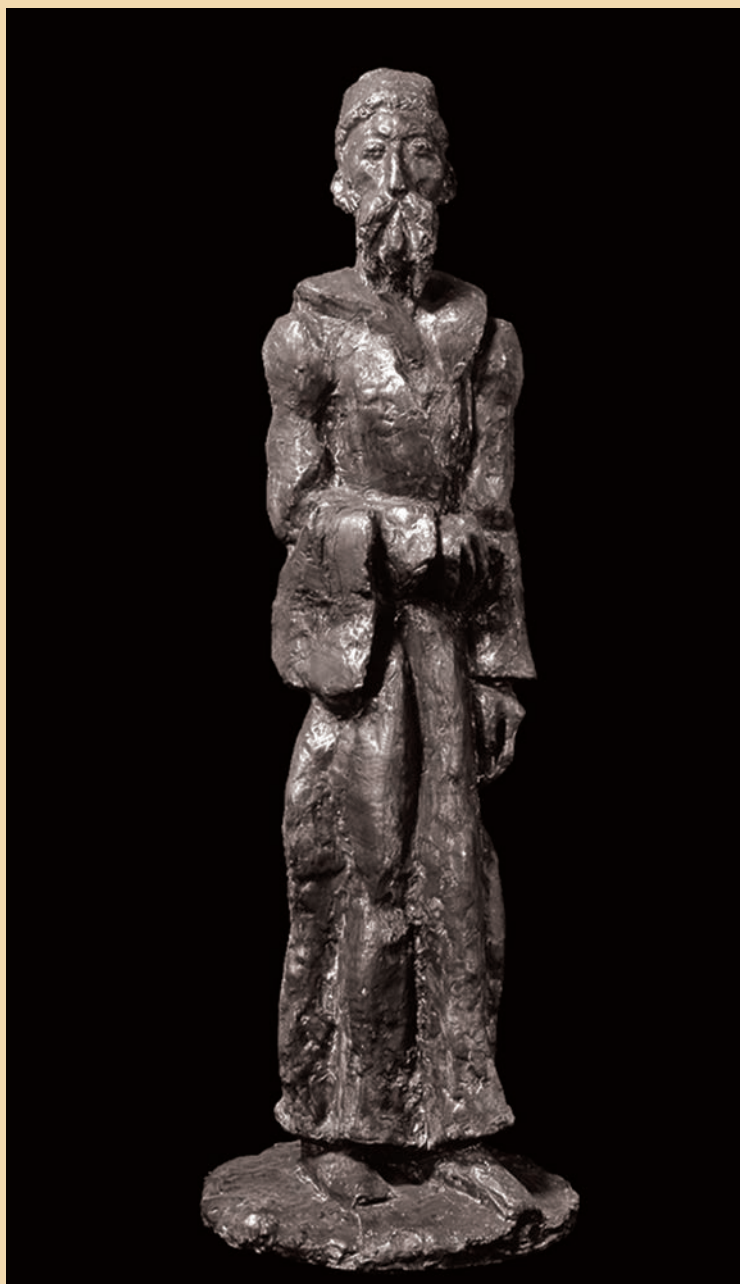
Иисуса пригвождают к кресту

Рождество

Пушкин в горах

Поэт (Коста)

Косьма и Дамиан

Ночной гость

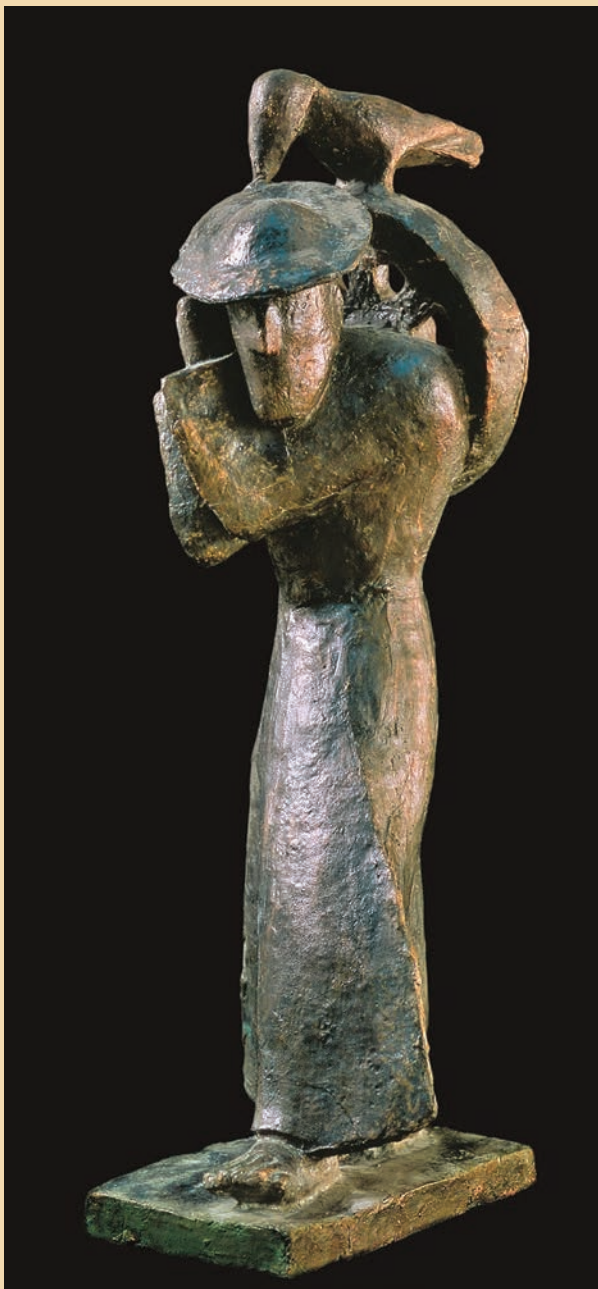
Всадники в горах

Пахарь

Сидящая на лестнице

Странник (Путник)

Валяние войлока

Мукомолы

К роднику

Бой быков

Играющий на свирели

Свидание

Золотой птицелов

ТАЙМУРАЗ САЛАМОВ

ПОХИЩЕНИЕ АЗАУ

Мы мчимся краем черного обрыва.
В лицо мне ветер хлещет жесткой гривой,
А я хлещу усталого коня.
Храпят мне в спину – бешеные кони,
Ночные духи или волчья стая?
То, языками пламени блистая,
Стоглавое чудовище – погоня –
Летит во мгле, подковами звеня.

Судьба меня давно лишила счастья.
Удачу у нее хотел украсть я –
И вот ты льнешь, дрожа, к моей груди.
Гудит в ущелье смутный хор тревоги,
Поют нам песню свадебную пули.
И навсегда друзья мои уснули,
Лежать остались на ночной дороге...
Небесный царь! Что ждет нас впереди?

Виктор ЧИГИР

ОПЫТЫ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

К 120-летию со дня рождения
Николая Заболоцкого

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭТА «НОЧЬ В ПАСАНАУРИ»

Весной 1947 года Николай Заболоцкий в составе делегации московских поэтов летит в Грузию. Ему 44, он преисполнен надежд и желания вернуться в литературу, откуда его насильственно «изъяли». Позади раздутая из ничего травля, четыре года заключения, освобождение – но с поражением в правах, неустроенная жизнь в Караганде, где тем не менее завершается работа над стихотворным переложением «Слова о полку Игореве» (начатая еще до ареста), признание этого труда широкой общественностью, последовавшее вслед за этим возвращение сначала в Ленинград, затем в Москву – и долгое, многотрудное преодоление вынужденного поэтического молчания.

Гостеприимная Грузия становится для Заболоцкого одним из этапов этого преодоления.

Там он усердно работает над переводами грузинских поэтов и иногда пишет что-то «свое». Огонек его дара, можно сказать, начинает заново разгораться, чтобы уже летом того же 1947 года вспыхнуть с прежней, долагерной силой. Именно в то лето, во вторую свою поездку в Грузию, Заболоцкий напишет одно из сильнейших стихотворений – «Ночь в Пасанаури».

*Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,
И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.*

*С Крестового спустившись перевала,
Где в мае снег и каменистый лед,
Я так устал, что не желал нисколько
Ни соловьев, ни песен, ни красот.*

*Под звуки соловьиного напева
Я взял фонарь, разделся догола,
И вот река, как бешеная дева,
Мое большое тело обняла.*

*И я лежал, схватившись за камень,
И надо мной, сверкая, выл поток,
И камни шевелились в исступленьи
И бормотали, прыгая у ног.*

*И я смотрел на бледный свет огарка,
Который колебался вдалеке,
И с берега огромная овчарка
Величественно двигалась к реке.*

*И вышел я на берег, словно воин,
Холодный, чистый, сильный и земной,
И гордый пес, как божество спокоен,
Узнав меня, улегся предо мной.*

*И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,
Я принял в сердце первый звук пандури,
Как в отрочестве – первый поцелуй.*

Невозможно не проникнуться величественной мелодичностью, которой дышат строки.

Собственно, стихотворение начинается с описания игры на пандури – что уже задает тон, настраивает читателя на нужный лад. Исполняет игру якобы сама ночь, сопровождая пение соловьев и любуясь (наверняка ведь любуясь!) вместе с лирическим героем луной, что уплывает «в убежище любви». До конца непонятно – метафора это или все же реальное исполнение какого-нибудь замечтавшегося молоденького музыканта. Важно то, что, начав звучать в пространстве стихотворения, мягкий перебор струн не умолкает до самого финала; это подразумевается закольцованностью упоминания мелодии.

Впрочем, игра на пандури, равно как и соловьиное пение, – лишь необходимый фон. Суть стихотворения в ином. Заболоцкий поднимает тему метафизического возрождения через очищение водой. Горная река, холод ее струй, вековечность ее движения и, что важнее, осознание этой вековечности приобретают под пером автора чудотворные свойства, а омовение – обыденней-

шее, казалось бы, действие – становится актом обрядового преобразования.

Окунувшись нагим в реку и выйдя затем на берег, герой меняется. Он уже не тот, кем был прежде: выбравшись из воды, он несет в себе ее холод, но вместе с тем река наделяет его облагораживающей силой и ясным ощущением соприродности тварному миру. «Земным», помимо прочего, называет он себя, и это очень точная, очень хлесткая деталь, выдающая большого мастера. Еще вода очищает, но не только тело, а и разум: вслед за усталостью струи уносят вопросы, которые не озвучиваются, но которые наверняка тяготили героя, пока он бродил по горам (или, возможно, по своей жизни?). Теперь же, после реки, очищенный и обновленный, он становится открыт всему – словно в отрочестве, когда доверчивость простительна и нет еще вопросов, обременяющих душу.

Тем самым происходит как бы обратная инициация: из зрелости – в молодость, из конца жизненного пути – в начало. И даже случайный свидетель – овчарка – уподобляется в глазах героя божеству: подошедший пес то ли следит за точностью проведения обряда, то ли своим молчаливым присутствием свидетельствует, что омывший себя смертный муж совершил именно магическое действие, а не просто освежился в реке после изнурительного перехода.

Ни на секунду не умолкающая игра на пандури только подчеркивает значительность момента, и герою даже чудится, что мелодия звучит для него впервые, хотя лилась она задолго до обряда. Нет, герой просто слышит мелодию новым слухом.

Хочется верить, что отныне для него будет все ново, все впервые.

Расул ГАМЗАТОВ

К 100-летию со дня рождения

**НАС ДВАДЦАТЬ
МИЛЛИОНОВ**

СТИХИ

* * *

Товарищи далеких дней моих,
Ровесники, прожившие так мало!..
Наверное, остался я в живых,
Чтоб память на земле не умирала.

На поле боя павшие друзья,
Вас было много, страстно жизнь любивших.
Я ведаю: в живых остался я,
Чтоб рассказать о вас, так мало живших.

* * *

На сабле Шамиля горели
Слова, и я запомнил с детства их:
«Тот не храбрец, кто в бранном деле
Думает о последствиях!»

Поэт, пусть знаки слов чеканных
Живут, с пером твоим соседствуя:
«Тот не храбрец, кто в деле бранном
Думает о последствиях!»

* * *

В старину писали не спеша
Деда на кинжалах и кинжалами
То, что с помощью карандаша
Тщусь я выразить словами вялыми.

Деды на взлохмаченных конях
 В бой скакали, распрощавшись с милыми,
 И писали кровью на камнях
 То, что тщусь я написать чернилами.

* * *

Даже те, кому осталось, может,
 Пять минут глядеть на белый свет,
 Суется, лезут вон из кожи,
 Словно жить еще им сотни лет.

А вдали в молчанье стовековом
 Горы, глядя на шумливый люд,
 Замерли, печальны и суровы,
 Словно жить всего им пять минут.

* * *

Все людям снится: радость, грусть
 И прочный мир в дому...
 Но только наши встречи пусть
 Не снятся никому.

Пускай никто о нас с тобой
 Не ведает вокруг —
 Про наше счастье, нашу боль
 И песни первый звук...

* * *

Бывает в жизни все наоборот.
 Я в этом убеждался не однажды:
 Дожди идут, хоть поле солнца ждет,
 Пылает зной, а поле влаги жаждет.
 Приходит приходящее не в срок.
 Нежданно бывают зло и милость.
 И я тебя не ждал и ждать не мог
 В тот день, когда ты в жизнь мою явилась.
 И сразу по-другому все пошло,
 Стал по-иному думать, жить и петь я.

Что в жизни все случиться так могло,
Не верится мне два десятилетия.
Порой судьба над нами шутит зло.
И как же я? Мне просто повезло.

* * *

Жизнь капризна. Мы все в ее власти.
Мы ворчим и ругаем житье.
... Чем труднее она, чем опасней —
Тем отчаянней любим ее.

Я шагаю нелегкой дорогой,
Ямы, рытвины — только держись!
Но никто не придумал, ей-богу,
Ничего, что прекрасней, чем жизнь.

* * *

Ученый муж качает головой,
Поэт грустит, писатель сожалеет,
Что Каспий от черты береговой
С годами отступает и мелеет.

Мне кажется порой, что это чушь,
Что старый Каспий обмелеть не может.
Процесс мельчання человеческих душ
Меня гораздо более тревожит.

* * *

Мои стихи не я вынашивал,
Бывало всякое, не скрою:
Порою трус пером их сглаживал,
Герой чеканил их порою.

Влюбленный их писал возвышенно
И лжец кропал, наполнив ложью,
А я мечтал о строках, писанных,
Как говорят, рукою божьей.

НАС ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ

От неизвестных и до знаменитых,
Сразить которых годы не вольны,
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,
Где путь, как на вершину, был не прям.
Еще мы женам снимся молодыми
И мальчиками снимся матерям.

А в День Победы сходим с пьедесталов,
И, в окнах свет покуда не погас,
Мы все от рядовых до генералов
Находимся незримо среди вас.

Есть у войны печальный день начальный,
А в этот день вы радостью пьяны.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

Мы не забылись вековыми снами,
И всякий раз у Вечного огня
Вам долг велит советоваться с нами,
Как бы в раздумье головы клоня.

И пусть не покидает вас забота
Знать волю не вернувшихся с войны,
И перед награждением кого-то,
И перед осуждением вины.

Все то, что мы в окопах защищали
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,
Беречь и защищать вам завещали,
Единственные жизни положив.

Как на медалях, после нас отлитых,
Мы все перед Отечеством равны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Где в облаках зияет шрам наскальный,
В любом часу от солнца до луны
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

И хоть списали нас военкоматы,
Но недругу придется взять в расчет,
Что в бой пойдут и мертвые солдаты,
Когда живых тревога призовет.

Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув, вновь погибнуть до едина,
Чтоб не погиб там ни один живой.

И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.

Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству сопричь,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.

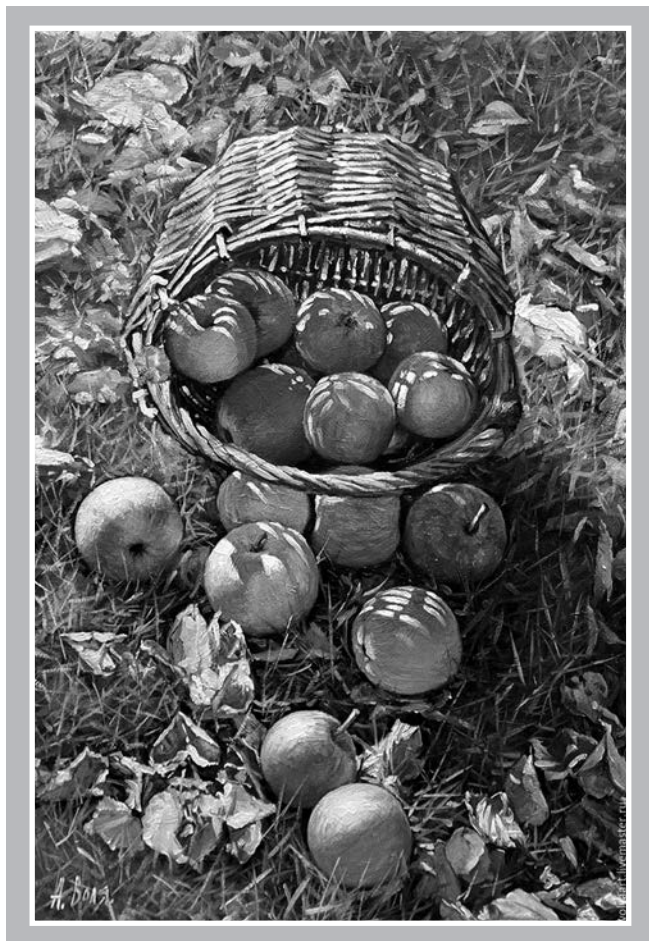
Каких имен нет на могильных плитах!
Их всех племен оставили сыны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Падучих звезд мерцает зов сигнальный,
А ветки ив плакучих склонены.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

Ника БАТХЕН

ЯБЛОЧНИЦА

СТИХИ

В оформлении использована картина художника Александра Воли

КОЧЕВНИК

Кочевник видит вечность. Стынет чай.
Кудлатый алабай скулит – приснилось,
Что он щенок. На розовых губах
Не сохнет молоко. Ладонь как милость.
Хозяин выбирает – сталью в бок,
Продать, отдать друзьям, держать при стаде.
Хозяин бог. Помилуй, бога ради!
Трещат цикады. Росно. Сон глубок.
Кочевник смотрит – волки далеко.
Пастушкина тропа по небу вьется.
Сова над шакалятами смеется.
И жить легко. И умирать легко.
Кочевнику не нужен лишний груз.
...Седло, варган, истертая овчина.
Имущество для слабых. Он мужчина,
Избегнувший цепей, тенет и уз.
Что взять с собой? Тюльпановую степь,
Призыв грозы, восторг покорной плоти,
Стрелу, что запоздала на излете,
Отцовский нож и материнский хлеб.
Улыбку друга, верность кобеля,
Изменчивый базар Эски-Кырыма...
Кочевник спит и видит – вечность мнима,
Есть день и ночь. И небо. И земля.

НОЧНОЕ ХОЛОДНОЕ

Учишься быть один.
В кухне с борщом и чайником.
С бабочкой на груди,
В черной петле отчаянья.

На берегах озер.
Вскользь, на бегу, на пристани
Складывая узор,
Перетирая истины.
Пафосный, чуть живой,
С сыном, с любимой женщиной,
Вымотанный виной,
Выжатый снами вещими.
Глупый, как Аладдин,
Связанный клятвой клятвою,
Учишься быть один.
Делишь дорогу надвое.

ЯБЛОЧНИЦА

Бабушка Зера с корзинкой плетется по лесу.
Ласковый ветер ей листья вплетает в волосы,
Бросает к ногам орехи и груши дикие.
Чащи полны подарков, и время тихое.
С неба на ветки, с веток на землю – золото.
Осенью люди и звери не знают голода.
Яблоки бабы Зеры – кандиль, каштель...
Мало кто из живых их пробовал – не за тем
Холила сад, белила, крепила палочки.
Сладких алма полно у любой татарочки,
Эти же – детям, что спят в лесу.
...Тише, мои родные, – уже несусь.
Желтое – Гуле. Она удрала из лагеря
И потерялась. Родители долго плакали.
Бродит теперь с оленями по горам,
Дразнит туристов, таскает ромашки в храм –
Там Киприан – надеялся стать послушником,
Спрятался от ордынцев, нашли задушенным.
Дам-ка ему послаще и покрасней –
Бедный, все думает, что заплутал во сне.
Вася и Хорст – мальчишки-неразлучники,
Вместе лежат в овраге, следят за тучами.
Дрались до смерти, кожу сдирали с рож,
Где тут чьи косточки – сразу не разберешь.
Тесно им вместе. Хорсту тоска без Бремена,
Девушка, что он оставил, была беременна.

Васька скучает по Семихатке, где
 Наглые галки прыгали в борозде.
 Танки и артобстрелы парням не видятся.
 Дам одинаковых – неровен час, обидятся.
 Ссориться из-за яблока – детский сад!
 Вот и долинка – там караимы спят.
 Грубые колыбели из камня точены,
 Все одинаково – наследнику или дочери.
 Нет ни имен, ни возрастов, ни дат.
 Как же им, маленьким, яблочек недодать?
 Ишь налетели стайкой, лепечут, просят.
 – Бабушка Зера, сказку, какую по сердцу!
 Зера вздохнет и сядет под карагач.
 – Слушайте смирно! Тише, родной, не плачь.
 Жил Кичкенэ, проказник, не больше ящери.
 Прятался вечно то в сундуке, то в ящике.
 Он обхитрил хана, муллу, кади,
 Звонкое сердце билось в его груди...
 Время к закату. Солнце висит над соснами.
 Птахам уютно в нежных ладонях осени.
 Пахнет легко и пьяно сухой чабрец.
 С луга подругу кликает жеребец.
 Зера бредет по тропке, считает камушки.
 В шестидесятом она здесь гуляла с бабушкой.
 ...Летом в село приедет одна из внучек.
 Зера возьмет ее в лес и всему научит.

МАМИНА КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят усталые игрушки,
 Погремушки, ползунки,
 Зайка ушки на макушке,
 Книжки, краски и коньки.
 Все часы устали тикать,
 Толстый чайник не кипит.
 В темной детской тихо-тихо.
 Все в порядке, мама, спи...
 Малыши растут ночами,
 Глянь-ка, платьица тесны.
 В мае двойки получали,
 Новым летом влюблены,

Вот уже летят из дома –
 Новосиб, Монако, Кипр,
 К дорогим и незнакомым.
 Все в порядке, мама, спи.
 По дороге с облаками,
 На заводе, в гараже
 Эсэмэски пишут маме
 Дети взрослые уже.
 Посмотри – внучок родился,
 Передай, прости, купи,
 Вот и зайка пригодился.
 Все в порядке, мама, спи.
 Полигоны и больницы,
 Кандагар и Карадаг.
 Разлетелись наши птицы,
 Поредел народ бродяг.
 Далеко – не значит страшно.
 Белый свет глаза слепит...
 Мы, конечно, станем старше.
 Все в порядке, мама, спи.

ГОРОД-САД

Эй Адонай Тэньри! Тэньриси чеваотнынъ!
 [Господи Боже! Боже Воинств!]

Молитвенник крымских караимов

Чары Бахчисарая – чарка, а в ней кумыс.
 Яблочный запах рая, мята, шалфей, камыш.
 Сорвано в пыль монисто – девочка подберет.
 «Яблочко» баяниста, криком – приказ – «Вперед».
 Пчелы на ржавой каске, стены пустых кенас,
 Вяжью восточной сказки время выводит нас.
 Жили на свете ханы – Джучи, Девлет, Бату -
 Сабли, шатры, курганы, лестница в пустоту.
 Пляшет о них татарка – юная кровь, гори!
 Звезды смеются ярко. Помнишь о нас, Тенгри?
 Губы зовут Аллаха, сердце зовет отца.
 Хочешь – возьми рубаху, белого жеребца,
 Черного винограда, все забирай, якши?
 Только оставь отраду – землю моей души...

Узел Бахчисарая не разрубить мечом.
 Каждая хата с края, каждой стене плечо.
 Каждой пещере книга. Каждой овце загон.
 Чаша – и помяни-ка ветхий сухой закон.
 Топчут траву туристы, бродят куда ни глянь,
 Любо – купи монисто в лавке у поселян,
 Ханский дирхем, монету – можно и за рубли,
 Только поверь, что нету в мире другой земли!
 ...Старый Тенгри над крышей снова трясет кошму,
 Кто и откуда вышел, ведомо лишь ему.
 И, позабыв про войны, корни пустив в скале,
 Смотрит на нас спокойно крепость Чуфут-Кале.

СВОБОДА

Кровью скифских коней желтогривых
 Окропляли курганы в Крыму.
 Плач и пение жриц горделивых,
 Нож из бронзы и все по уму.
 Так спокойно лежали в гробницах
 Узкоглазые злые вожди.
 Кто из них мне сегодня приснится
 С черной раной на смуглой груди?
 Кто расскажет – орлицу сарматы
 Выбирают лишь раз навсегда?
 Кто станцует с девчонкой патлатой
 И умчится верхом без седла?
 Чье копьё мне сегодня попало
 В пересохшем развале реки?
 Кем ковалось? Кому улыбалась
 Артемис и звенели клинки
 За свободу!.. Настала свобода.
 Позабыты погоня и дань.
 В темноте осыпаются своды,
 Оседают великий курган.
 Ночь швыряется звездами в скалы.
 Нет ни лис, ни влюбленных, ни лун.
 И пасется в долине усталой
 Желтогривый татарский табун.

МОСТ НАД ПРОПАСТЬЮ

Тополя Севастополя, ласточки Феодосии,
Золотые копытца маленькой лани, осени
Россыпь ягод. Немыслимый мост над пропастью.
Как пропасть в Крыму и стереться о камни попусту?
А никак, чудак, – здесь любая былинка лестница.
Ты идешь наверх – если лезешь и если ленишься.
Если бьешься о скалы и плещешься в море ясности,
Из корней выплетаешь верные вероятности...
Паттеран оставляешь на перепутье в зарослях.
Ни один из нас не разберется в замыслах,
Ни один не прочтет, для чего взорвалось шампанское,
Ни один не увидит – божье или шаманское.
Можно только идти по тропе, оскользаясь, падая,
Можно из четырех дверей пробиваться в пятаю.
Можно ждать до рассвета и замыкаться в темени,
Можно смеяться – птица сидит на темени
И напевает – лето нас всех оставило,
Можно считать, что знаешь ходы и правила –
И проиграть. У Крыма свои понятия.
Здесь ни один Христос не заслужил распятия –
В худшем случае стенку в подвале башенном,
Но и об этом, знаешь, никто не спрашивал.
Морю поверь, падай в ладони города,
Сбросив броню, станешь орехом колотым
И прорастешь вживь, крепким упрямым деревцем...
Только на Крым можно еще надеяться.

ЛАСТОЧКИ

Ласточки строят гнездо из липучей грязи –
Может, и неприглядно, зато не сглазят.
Угол под крышей, камень из Инкермана,
Шустрые птицы трудятся непрестанно.
Пух и перо на донце, снаружи глина.
Сохлое и пустое спаяно воедино.
Дремлют в скорлупках будущие летуны,
Кто-то над ними держит весь день ладони...
Кони кричали, крыши горели в лунном
Ясном сиянье, шпарили пулеметы,

Всех беспокойных враз превращая в мертвых.
Бились за землю, воду, чины, медали,
Дали друг другу жизни, не покидали,
Скупое делили банки, краюхи, крупы,
По шоколадной дольке – для мальчиков бледногубых.
Тише, не плачь, хату и печь отстроим,
Батька твой точно погиб героем.
Хочешь взглянуть на гнездышко? Дуры-птахи
Спачкали ворот и рукава рубахи...
Ласточкам все равно – где война, где буря,
Кто вокруг дома ходит, хрипит и курит.
Лишь бы гнездо лепилось к старой татарской кладке,
Лишь бы стоял дымный огрызок хатки,
Лишь бы из грязи, из пуховой постели
Выбрались новые птицы – и полетели!

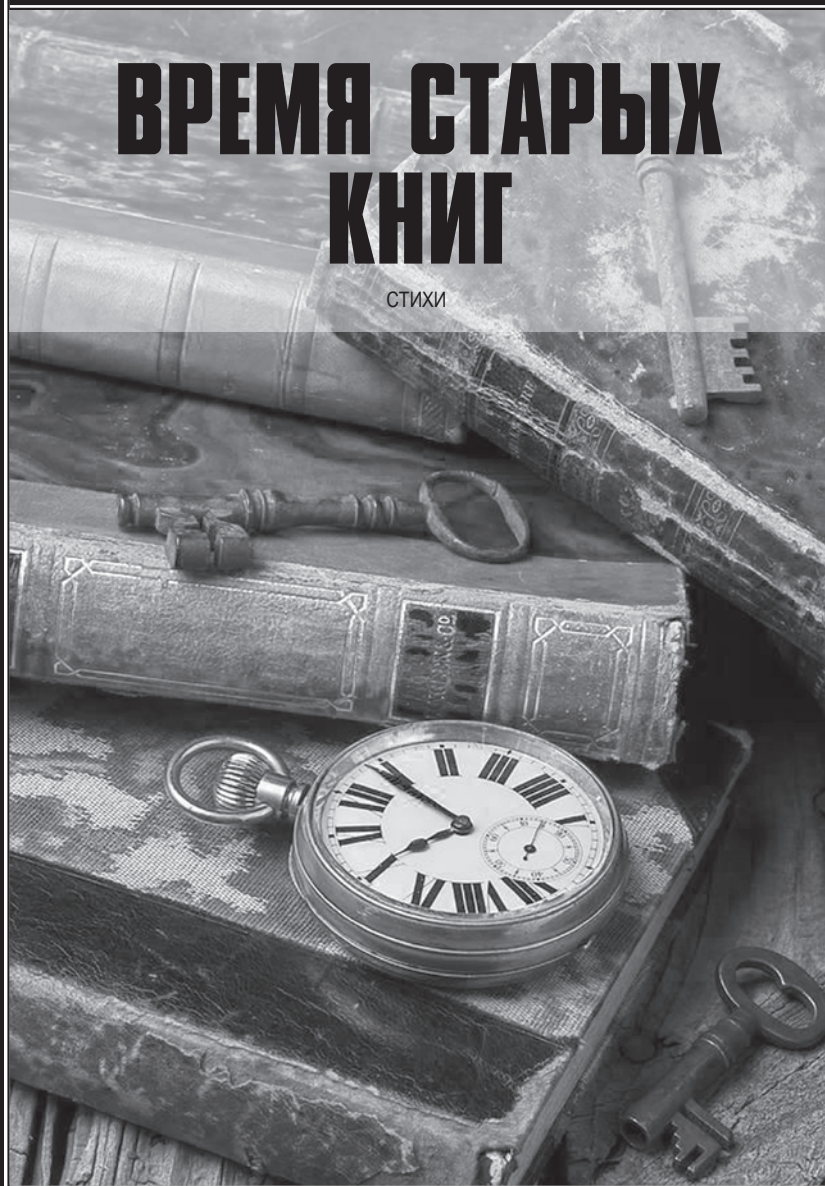
АЛЛИЛУЙЯ

Каждый молится как умеет. Месит тесто и ставит хлеб.
Запускает с мальчишкой змея, ветер вовремя одолев.
Строит дом от печи до крыши, строит прочный уклад семьи.
Кормит кошек – не только рыжих. Пишет правду на две статьи.
Вот молитва из красной глины, вот молитва из чугуна.
Вот псалом молодой осины, аллилуйя веретена.
Муэдзины поют азаны, чингизид выметает сор.
Рвется в небо струна гитары, тамбурин задает узор.
У монахини хризантемы, у художницы акварель.
Бог приносит слова и темы тем, кто сердцем не устарел.
Бог сидит на трубе и слышит каждый шепот и каждый штрих,
На подушке крестами вышит и вплетен в неумелый стих.
Отдыхает на книжной полке, тронул черным пречистый лист.
Мастерком, серебром иголки, белым парусом – помолись...

Сергей ГОЛОМЗИК

ВРЕМЯ СТАРЫХ КНИГ

СТИХИ

В оформлении использована иллюстрация из сети интернет

* * *

Однажды все придет в негодность:
Пообветшают сад и дом.
И наша тень, теряя легкость,
В них станет двигаться с трудом,

Не обнаружив в этих стенах,
Облупленных до кирпичей,
Ни нашей жизни мизансцены,
Ни домовых-бородачей,

Ни наших голосов, ни пенья –
Здесь больше не родится звук.
Лишь тихих сквозняков движенье
Среди обрушенных фрамуг.

В пыли, с доской прогнившей залом,
Средь рваных выцветших картин,
Со стертым в креслах бараканом
Наш дом останется один.

Мы будем приходить пугливо,
Садиться рядышком вдвоем
У негорящего камина
С окаменевшим в нем углем.

В нелепых стареньких одеждах –
Столетней давности покроей –
Немножко посидеть, как прежде,
Мы будем приходить порой.

Мы будем приходить ночами,
Сминать истлевшую постель,
Греть проржавлыми ключами,
Умерших созывать гостей.

Мы будем выходить из моды
Привычкой счастливо любить.
И эти редкие приходы
Ничто не смогут изменить.

НОВЫЙ АФОН

Сероглазка моя, мое горе...
Не грусти: снова юность близка.
Мы построим свой домик у моря
С желтой влажной полоской песка.

И счастливые, и молодые
По тропе мандаринных садов
Будем с чашечкой «Анакопии»
Выходить на предутренний лов.

Будем слушать рыбацкие сказки
Стариков, раздувающих шмаль,
Отбирая из лодок абхазских
Свежевыловленную кефаль,

Аромат эвкалиптовой рощи
Перемешивать с солью морской,
Изумляясь. Что может быть проще,
Чем бамбуковый домик мирской?

Тонкий месяц на водах черненьких...
В небе Млечного русла река...
Костерок из пеньков просоленных
Солнцем выжженного плавника...

Будто вечностью с нами играют
Эти дни в зыбкой дымке времен.
Неслучайно тот край называют
По-бессмертному – Новый Афон.

Сероглазка моя, все случится:
Лето, моречко... Полно грустить.
Нам осталось лишь снова родиться,
Снова встретиться и полюбить.

В машинешку закинуть поклажу,
Снова тысячу верст отмотать
И добраться до этого пляжа.
Только, чур, уже не умирать...

ВРЕМЯ СТАРЫХ КНИГ

Настало время старых книг,
До дыр зачитанных давно.
А список новых так велик,
Но нам они пусты равно.
Нам новый смысл знакомых фраз,
Как весть благую, не приять.
Да, все написано до нас.
Нам нужно лишь перечитать.

Края бумажные желты,
До ниток стертый коленкор,
Полурассыпаны листы,
Непрезентабельный декор.
А много лет тому назад,
Хрустя страничной белизной,
Мы погружались в листопад,
Шуршали девственной каймой.

Как голос книги не узнать
С той стародавней белизны,
Когда ее читала мать?
Когда ее читали мы?
Остались отзвуки октав,
Хоров и пауз, смыслов строй...
И, книгу ту перечитав,
Услышит кто-то голос твой.

Вдруг обнаружит между строк
Тобой непрожитые дни,
Твои вершины, твой порок,
Тобой зажженные огни.
Увидит лампу у окна
И под склоненной головой
Край белоснежного листа,
Не освященного... водой.

Гергарт НАДЕЛЬ

ВТОРОЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ХРАМ С ПРОПИСКОЙ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

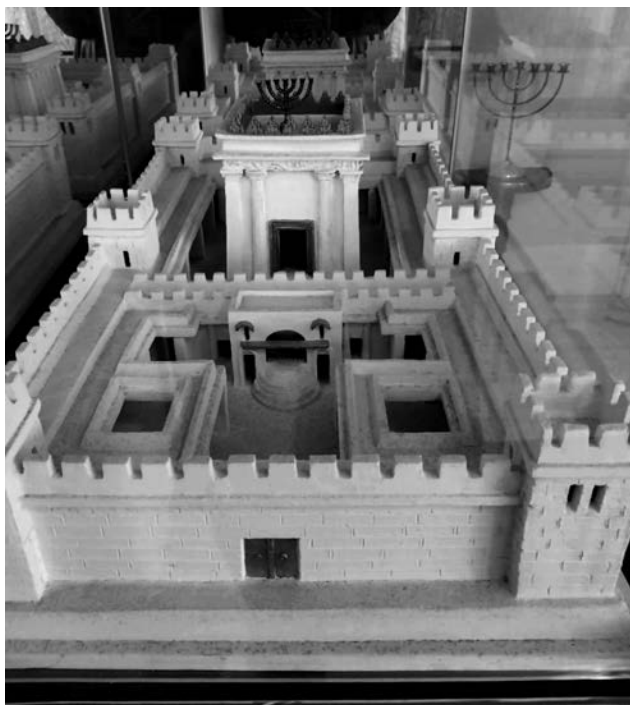
Стена Плача

Жизнь – это увлекательное путешествие, в процессе которого в сегодняшний день постепенно вплетается прошлое, раскрывая свои жгучие тайны и проливая свет на берящие душу загадки, объясняя настоящее и приоткрывая завесу будущего.

Порой нам кажется, что память – понятие генетическое. А с тем, что ей присуще нравственное начало, думаю, никто не станет спорить. Ибо именно память делает нас людьми, различающими добро и зло, чувствующими свою связь с целым миром и с теми, кто жил до нас, создавая свою историю.

Литература, живопись, музыка, архитектура – это ведь тоже составляющие части исторической памяти, могущей обогатить человека. Они способны поведать миру о нравах и обычаях, традициях и быте отшумевшей эпохи.

Двадцать лет назад в региональной общественной еврейской организации «Шолом» («Мир») был установлен макет Второго Иерусалимского храма. Этот храм являлся духовным центром всех евреев. Именно в нем хранилась святая святых – скрижали с десятью заповедями. Там совершались жертвоприношения Богу, выступали с проповедями первосвященники.

Макет Второго Иерусалимского храма, воссозданного осетинским скульптором Валерием Плиевым

Модель Второго храма

Второй Иерусалимский храм (он был построен по образу и подобию первого – Храма Соломона, который находился также на Храмовой горе), возведенный в 516 году до нашей эры, простоял 586 лет и был разрушен римлянами в 70 году новой эры во время штурма города в период Первой Иудейской войны.

Все, что осталось от храма, – Стена Плача (Западная Стена). Это – уцелевшая часть старинной конструкции (длина 485 метров) в Старом городе Иерусалима. Стена Плача располагается на западной стороне Храмовой горы и является величайшей святыней иудаизма.

На протяжении многих веков эта святыня представляет собой символ веры и надежды многих поколений евреев, является местом их паломничества и молитв. Самый ранний источник, связывающий евреев со Стеной, датируется IV веком.

Макет Второго храма, выполненный в масштабе 1:60, установлен напротив Храмовой горы в Музее Израиля, а также на городском макете древнего Иерусалима, воссозданном на территории, прилегающей к гостинице «Холлиленд». Макет представляет собой точную копию храма, выполненную из песчаника.

Разрушение Второго храма. Худ. В. Плиев

Столица Республики Северная Осетия-Алания Владикавказ может гордиться тем, что точная копия Второго Иерусалимского храма, но уже в масштабе 1:5400, занимает достойное место и во владикавказской еврейской общине. А город на Тереке стал, таким образом, вторым городом в мире, где имеется макет Второго Иерусалимского храма.

Создать его точную копию было нелегко. На изучение чертежей, фотографий, планов, различных описаний ушел не один месяц. А справился с этой непростой задачей заслуженный художник Республики Северная Осетия-Алания Валерий Плиев, имя которого хорошо известно в осетинском изобразительном искусстве. Валерий Ефимович окончил в свое время отделение художественной обработки стекла и керамики Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой. Выпускник известного вуза, он сразу же заявил о себе как талантливый художник. Работал в разных жанрах: писал пейзажи, портреты, сюжетные композиции. Позже много времени стал уделять декоративно-прикладному искусству. Произведения художника из стекла и хрусталя, с которыми он активно и успешно работает,

пользуются большим спросом и популярностью и даже представлены в московских музеях. Думаю, излишне говорить, что Валерия Плиева, которого искусствовед Татьяна Остаева отнесла к поколению художников, внесших «неоценимый вклад в формирование современного искусства Осетии», отличает высокий профессионализм.

Более четырех месяцев он скрупулезно трудился над созданием макета Второго Иерусалимского храма, тщательно подбирая и просеивая специальную глину, ювелирно изготавливая мельчайшие детали. Результат превзошел все, даже самые смелые, ожидания: миниатюрный храм потрясает своими красотой и величественностью. Как тут не вспомнить слова знаменитого древнего историка Флавия, который писал: «Храм блистал так ярко, отражая солнечные лучи, что никто не мог смотреть на него. А на расстоянии он выглядел как сверкающая снегом горная вершина... Все сооружения были украшены белым мрамором и золотом, и даже шипы на крыше храма, сделанные специально, чтобы голуби не садились на нее, были покрыты золотом».

Макет Второго Иерусалимского храма вызывает огромный и неослабевающий интерес у гостей, приезжающих в Северную Осетию. А молва о нем давно уже перешагнула границы нашей республики. Ценность макета еврейской святыни заключается еще и в том, что он побуждает изучать язык, культуру, традиции еврейского народа.

Вот и получается, что человек пишет историю, открывая все новые и новые горизонты. А история, питая его, становится тем фундаментом, что скрепляет прошлое, настоящее и будущее, подсвечивая нравственные ориентиры, вечные, неизбывные человеческие ценности, что передаются из поколения в поколение.

Аркадий ГАЙСИНСКИЙ

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АСОВ-АЛАН И РУСОВ

Арт-объект группы осетинских художников, расположенный в долине Мидаграбинских водопадов в Северной Осетии

1. РОСОМОНЫ

В известном труде «О происхождении и деяниях гот» историк Иордан рассказал о событии, случившемся в IV в. н. э. где-то в районе Северного Причерноморья:

«Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему (королю готов Германариху) в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени по имени Сунильда за изменнический уход от ее мужа король Германарих, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом».

Это в общем-то малозначительное событие имеет для российской истории важное значение, потому что здесь, как пишет историк и археолог, академик Борис Рыбаков, *«впервые появляется имя народа “рос”*». Он же разъясняет, что *«в названии народа “росомоны” у готского историка Иордана (возможно, родом алана) легко расчленишь две части: “росо-мойне”, то есть “росы-мужи”, “люди-росы”, так как “мойне” по-осетински значит “муж”*».

Но почему известный ученый, твердо стоящий на позиции славянства росов, для расшифровки этнонима «росомоны» обращается к языку потомков асов (осетин), да и самого Иордана считает (хотя и предположительно) аланом? Да потому, что академик Б. Рыбаков знал: русы, как и асы-аланы, относятся к североиранскому этносу, но, понятно, не мог во всеуслышание заявить об этом.

Аргументы в пользу такого вывода весьма существенны: вот что пишет по этому поводу Георгий Вернадский:

«Насколько мы знаем, один из родов иранских антов или ас был известен как светлые ас (рухс-ас)... Изначально рухс могло на некоторых местных диалектах звучать как рос, росс или русь, в свете чего могут быть поняты источники греческого ρωζ и славянского русь».

Об этническом единстве русов и алан говорит и сохранившееся до наших дней и у русских, и у алан (осетин) имя Руслан: Рус-Алан.

Известный украинский историк Михаил Брайчевский, проанализировав происхождение перечисленных Константином Багрянородным названий днепровских порогов, которые (названия) греческий император считал «росскими», высказал с ним свое несогласие:

«“Русь” Константина Багрянородного – это не норманнская и не славянская, а сарматская “Русь”, сливающаяся с тем таинственным народом Рос, который древние авторы еще в последние века до нашей эры размещают в юго-восточном углу Восточно-Европейской равнины».

Приведу высказывания по этому поводу известных ученых.

Российский историк и этнограф Ю. А. Кулаковский:

«Принадлежность тех племен, которые носили у древних название сарматов, к иранской ветви арийской расы возведено в современной науке на степень прочно установленного факта. Не считаю я также нужным останавливаться на вопросе о доказательствах принадлежности алан к арийской расе и притом иранской ее ветви, считая этот вопрос окончательно порешенным».

Всеволод Миллер, выдающийся русский ученый, фольклорист, этнограф, языковед и археолог, известный как один из организаторов востоковедческого образования в России:

«Можно теперь считать доказанной и общепринятой истиной, что маленькая народность осетин представляет собою последних потомков большого иранского племени, которое в средние века известно было как аланы, в древние – как сарматы и понтийские скифы».

2. АХИЛЛ ИЗ МИРМИНДИЯ

Выяснилось, что асы-аланы в древние времена были известны «как сарматы и понтийские скифы», то есть скифы, обитающие в Причерноморье. Поэтому беру на себя ответственность утверждать, что впервые далекие предки алан и русов упомянуты в поэме Гомера «Илиада», рассказывающей о случившейся в XIII в. до н. э. войне между греками и троянцами.

Ахилл, или Ахиллес, пожалуй, наиболее известный герой «Илиады»; память о нем сохранилась в выражении «ахиллесова пята», как и о Троянской войне в выражении «троянский конь».

Воины, которые пришли с Ахиллом на Троянскую войну, назывались мирмидоняне. Это название (согласно, разумеется, легенде) произошло вследствие того, что все население острова Эгины вымерло от болезни, насланной на них Герой. И тогда Зевс, дабы не оставить царя Эгины – Эака без подданных, превратил в людей муравьев. По-гречески муравей – «мирмикс», а отсюда – «мирмидоняне». Так вот Ахилл этому самому Эаку – царю острова Эгины – приходился внуком, но родиной героя был город Фтия, точное расположение которого неизвестно.

В энциклопедии Брокгауза об этом говорится: *«...вопрос об историческом определении Гомеровской Фтии относится пока к числу не решенных наук»*.

Нет никаких свидетельств и о каких-то связях Ахилла с островом Эгина, но, во всяком случае, внук Эака имел «юридическое право» командовать отрядом мирмидонян. Такова более чем краткая мифопоэтическая родословная Ахилла.

Но вот что интересно: в исторических документах имеются свидетельства о действительном существовании Ахилла. Лев Дьякон в своей известной книге «История» сообщает:

«Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем "Описании морского берега", что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикон, лежащего у Меодидского озера (Азовское море).

...Явными доказательствами скифского происхождения Ахилла служат покров его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость».

Сравним приведенный отрывок с описанием алан римским историком Аммианом Марцеллином:

«Почти все аланы высоки ростом и красивы... Они страшны сдержанно-грозным взглядом своих глаз, очень подвижны вследствие легкости вооружения. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении».

Оказывается, происхождение определения «мирмидоняне» известно и связано с действительно существовавшим «*городом Мирмикон, лежащим у Меотидского озера*». Более точное его название – Мирминдий. Историю этого города в свете рассматриваемой темы стоит разобрать более детально.

Городок Мирминдий, как следует из комментария к книге Иордана «История готов», входил в Боспорское царство и «*располагался в 20 стадиях (ок. 4 км) от Пантикапея (ныне Керчь)*». Развалины города Мирминдия археологи нашли у теперешнего мыса Карантинного, на берегу Керченской бухты, как раз в 4 километрах к северо-востоку от Керчи. Самое раннее упоминание о Мирминдии встречается в перипле Псевдо-Скилака (IV в. до н. э.), который называет Мирминдий в числе других крупных городов (Пантикапей, Нимфей, Китей, Феодосия). Как показали археологические исследования, город (как греческая колония) возник во второй четверти IV в. до н. э. и существовал без перерыва до конца III в. уже нашей эры.

Связь Ахилла с Мирминдией и мирмидонянами выглядит сомнительной, если исходить из простой формулы: мирмидоняне участвовали в Троянской войне, случившейся в XIII в. до н. э., а Мирминдий возник во второй четверти IV в. до н. э. Разница как минимум в восемь веков! Так что сделанный археологами вывод об основании Мирминдия «*во второй четверти 4 в. до н. э.*» сомнителен как искусственно привязанный к времени колонизации греками Северного Причерноморья, потому что связь Ахилла с этой территорией подтверждает и Страбон: «*Дальше от Мирмикия (Мирмикон) на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллем*».

Деревня, называемая Ахиллем, не сохранилась, но при этом важно знать, что до настоящего времени сохранилось название мыса, на котором или рядом с которым эта деревня находилась, – Ахиллеон.

Возникает следующий вопрос: почему еще до греческой колонизации этих мест город Мирмикон (Мирминдий) носил греческое имя? Да потому, что «Мирминдий» – это, так сказать, прозвище, данное греками городку, имевшему совсем другое название.

Происхождение «прозвища» Мирминдий связано не с колонизацией греками Северного Причерноморья, а с тем, что греки гораздо ранее общались с проживавшими там народами, знали их обычаи и жизненный уклад. Этому способствовало наличие удобного и беспрепятственного морского пути от берегов Эллады к берегам Тавриды: в греческих мифах и легендах Таврида упоминается неоднократно.

Мирминдий (Мирмикон) существовал задолго до освоения греками иных земель и носил совсем другое (не греческое) имя, данное ему основавшим его народом, который называют общим именем «тавроскифы».

Какое же имя носил Мирминдий до греческой колонизации Северного Причерноморья?

3

Мирминдий-Мирмикон, согласно археологическим данным, начинался с землянок и полуземлянок, и, очевидно, этот вид жилищ был наиболее распространенным в данной местности и *«связан прежде всего с природно-климатическими и геологическими условиями, которые обеспечивали возможности выгодного расположения подземных объектов и относительно легкого проведения выработок в устойчивых породах»*.

Жилища греков Ахейского периода также не отличались особыми удобствами, но все же представляли собой относительно благоустроенные дома, построенные из кирпича-сырца, поэтому проживание людей в земле греки воспринимали как нечто необычное. В топонимике достаточно примеров, когда давались имена и названия новым местам «по ассоциации», поэтому греки могли прозвать живущих в землянках людей «мирминдами» – муравьями, в русской транскрипции – «мирмидоняне». Это прозвище было привязано только к образу жизни людей и ни к чему другому: отсюда – обитатели восточного и западного побережья Боспора Киммерийского для древних греков были мирмидоняне.

Но какое же исконное, данное тавроскифами, имя носил город, называемый греками Мирминдий и рядом с которым они построили свой, известный как Пантикапей? И вот что интересно: оказывается, этот топоним не греческого происхождения:

«Этимология топонима Пантикапей остается предметом дискуссий... По наиболее распространенной версии, предложенной В. И. Абаевым, название города происходит от древнеиранского *ranti-кара- “рыбный путь”. По его мнению, этим словом первоначально обозначался Керченский пролив, который был путем массового хода рыбы».

И становится понятным, почему греки называли новый город Пантикапеем, то есть дали своему городу иностранное имя. Да потому, что греки были не только умелыми торговцами, но и хорошими дипломатами: они понимали, что, оставив городу его

название, тем самым проявляют уважение и доверие к аборигенам. Известно, что греческая колонизация носила исключительно мирный характер.

Поэтому напрашивающийся вывод таков: «Пантикапей» и было «догреческим» (скифским) именем того города, который греки называли «Мирминдий». Под этим именем он и попал в перипл Псевдо-Скилака IV в. до н. э., когда уже принадлежал грекам.

4

Выяснилось, что та местность, которая впоследствии стала Боспорским царством, гораздо ранее была известна как «Страна мирмидонян».

Скифов, живущих на территории Северного Причерноморья, куда входил и Крымский полуостров, называли «тавроскифами». И это не случайное определение, но многократно встречающееся у Льва Диакона и Иоанна Скилицы. Под это определение подходит и сам Ахилл, и возглавляемый им отряд мирмидонян, участвовавший в Троянской войне.

Но к тавроскифам относились предки и асов-алан, и родственного им народа русов.

3. «САГА ОБ ИНГЛИНГАХ»

1

Важнейшим документом, который является ключом к пониманию истории асов – одного их древнейших народов, – является «Сага об Инглингах».

Автор «Саги об Инглингах» – Снорри Стурлусон, *«один из самых знаменитых исландцев, автор “Младшей Эдды” (своего рода учебника поэзии для начинающих скальдов) и “Хеймскринглы” (“Гнилой кожи”) – знаменитой саги о норвежских королях».*

Родился в 1179 году на хуторе Хвамм на западе Исландии, принадлежал к знатному и влиятельному роду Стурлунгов. Был одним из самых образованных людей своего времени, «хорошим скальдом и искусным во всем, что он брался мастерить».

Он был убит в Норвегии 23 сентября 1241 года людьми Гицура Торвальдссона – старинного врага и соперника рода Стурлунгов, который получил разрешение на убийство Снорри от норвежского короля Хакона.

Обратимся только к вступительной части «Саги»:

«Круг земной, где живут люди, очень изрезан заливами. Из океана, окружающего землю, в нее врезаются большие моря. Известно, что море тянется от Нёрвасунда до самого Йорсалаанда. От этого моря отходит на север длинный залив, что зовется Черное море. Он разделяет трети света. К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная, Швеция. Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей. Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей пустынна из-за солнечного зноя. В Швеции много больших областей. Там много также разных народов и языков. Там есть великаны и карлики, и черные люди, и много разных удивительных народов. Там есть также огромные звери и драконы. С севера с гор, что за пределами заселенных мест, течет по Швеции река, правильное название которой Танаис. Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль. Она впадает в Черное море. Местность у ее устья называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов. Эта река разделяет трети света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу – Европой.

* * *

Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище. По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались днями, или владыками. Все люди должны были им служить и их почитать. Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен. Когда его люди оказывались в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало. Он считался самой надежной опорой. Часто он отправлялся так далеко, что очень долго отсутствовал.

* * *

...У Одина было два брата. Одного из них звали Ве, а другого Вили. Они правили державой, когда Один был в отлучке.

* * *

Большой горный хребет тянется с северо-востока на юго-запад. Он отделяет Великую Швецию от других стран. Недалеко к югу от него расположена Страна Турок. Там были у Одина большие владения. В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа. Он отправился сначала на запад в Гардарики, а затем на юг в Страну Саксов. У него было много сыновей. Он завладел землями по всей Стране Саксов и поставил там своих сыновей правителями. Затем он отправился на север, к морю, и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется Остров Одина на Фьоне. Затем он послал Гевьун на север через пролив на поиски земель. Она пришла к Гюльви, и он наделил ее пашней. Она отправилась в Жилища Великанов и зачала там от одного великана четырех сыновей. Затем она превратила их в быков, запрягла их в плуг и выпалаха землю в море напротив Острова Одина. Там теперь остров Селунд. С тех пор она жила там. На ней женился Скьельд, сын Одина. Они жили в Хлейдре. А там, где прежде была земля, стало озеро. Оно называется Лёг. Заливы в этом озере похожи на мысы Селунда.

...А Один, узнав, что на востоке у Гюльви есть хорошие земли, отправился туда, и они с Гюльви кончили дело миром, так как тот рассудил, что ему не совладать с Асами. Один и Асы много раз состязались с Гюльви в разных хитростях и мороченьях, и Асы всегда брали верх. Один поселился у озера Лёг, там, где теперь называется Старые Сигтуны, построил там большое капище и совершал в нем жертвоприношения по обычаю Асов. Все земли, которыми он там завладел, он назвал Сигтунами. Он поселил там и жрецов. Ньёрд жил в Ноатуне, Фрейр – в Уппсале, Хеймдалль – в Химинбьёрге, Тор – в Трудванге, а Бальдр – в Брейдаблике. Всем им Один дал хорошие жилища».

В соответствии с текстом «Саги об Инглингах» асы и ваны жили в Великой Швеции: ваны – в устье Танаиса (Дона), а асы – к востоку от него. Географические ориентиры, представленные автором «Саги», не оставляют сомнений в том, что Великая, или Холодная, Швеция располагалась к северу от Черного моря вдоль течения Дона, но следует уточнить, что «Швеция» – это русская транскрипция «Свеония» (Sueonum); русские летописи называют шведов свеями.

Поэтому как полностью соответствующему вышеизложенному следует отнести к следующему высказыванию одного из наиболее именитых российских историков Дмитрия Иловайского: *«Но, по всей вероятности, это название (Скандинавия) перешло на север из более южных стран».*

Также и в «Саге о Скъьльдунгах» четко указывается местонахождение Великой, или Холодной, Свитьод – *«к северу от Мео-тийского болота»*, именуемого ныне Азовским морем.

2

В истории не так уж много (к сожалению, очень мало) событий, которые были бы общепризнанными и не стали бы предметом споров и разногласий специалистов. И все же вызывает удивление, что только через восемьсот лет после написания «Саги об Инглингах» на юго-восток Европы отправилась экспедиция известного норвежского исследователя и путешественника Тура Хейердала. Он понял, основываясь на анализе текстов скандинавских саг и в первую очередь «Саги об Инглингах», что потомки нынешних шведов, норвежцев и датчан обязаны своим происхождением тому народу, который во время оно жил на землях Северного Причерноморья и Кавказа и часть которого переселилась из этих благодатных мест в суровые края.

Причина переселения состояла в том, что к началу нашей эры над асами нависла угроза порабощения: их земли не стали исключением в сути римской политики – подчинении племен и народов. И если при императорах Клавдии и Нероне усилия Рима в попытке прибрать к рукам Северное Причерноморье и Кавказ были в большей степени дипломатическими, то после образования новых провинций, Фракии и Мезии, действия империи стали более откровенными, вплоть до размещения гарнизонов в некоторых местах Тавриды,

Поэтому асы, возглавляемые Одним – мудрым вождем (*«прovidцем и колдуном»*), хорошо представлявшим последствия «подчинения Риму» и не желавшим рисковать жизнями соплеменников и судьбой потомков, ушли в поисках более спокойных мест.

Ученые давно обратили внимание на существование в Скандинавии имен, имеющих в своей основе этноним «асы»:

«...имя Ас (женская форма Аса) стало распространенным личным именем в Скандинавии. Несколько норвежских княгинь в девятом и десятом веках носили имя Аса. А слог «ас» использовался в образовании таких мужских имен, как Асмунд, Аскольд и т. п.» (Г. Вернадский).

Достаточно точную дату «исхода» асов из Северного Причерноморья можно вычислить, основываясь на том, что, как рассказывает «Сага об Инглингах», страной, получившей в дальнейшем название Дания, правил правнук Одина Фроди, и было это во времена правления императора Августа: 41 г. до н. э. – 14 г. н. э., кроме того, имеется и такое уточнение: *«тогда родился Христос»*.

Однако не все асы последовали за Одином: часть их осталась на своей земле, а часть ушла в горы, где были лучшие условия для защиты от вражеских нападений.

4. САКСЫ

Полагаю, что история народа «саксы» связана с историей асов-алан.

1

Важнейшим источником по истории саксов является книга Видукинда Корвейского «Деяния саксов». Приведем ее начальные строки:

«И прежде всего я, конечно, расскажу немного о происхождении и положении народа, следуя в этой части лишь молве, так как [из-за] чрезвычайной древности [событий] почти исчезает вся [их] достоверность. К тому же об этом существуют различные мнения... Как достоверное нам известно, что саксы прибыли в эти области на кораблях и вначале пристали к тому месту, которое по сей день носит название Гаделы. [Местные] жители, которыми были, как говорят, тюринги, тяжело восприняли прибытие [саксов] и подняли против них оружие; саксы же, упорно наступая, овладели гаванью...

...В те времена в употреблении у саксов были большие ножи, которыми по сей день, следуя обычаю древнего племени, пользуются англы. Саксы, вооружившись такими [ножами], спрятали их под своей одеждой, вышли из лагеря и направились к тюрингам в назначенное место. Когда они увидели, что враги безоружны, а все предводители тюрингов уже пришли, то, выхватив ножи, они ринулись на беззащитных, застигнутых врасплох, и перебили всех так, что ни одного из них не осталось в живых. Так саксы стали знаменитыми и начали внушать необыкновенный страх соседним народам.

Были и такие, которые говорили, что имя им [саксам] дано по причине этого события. Ибо на нашем языке нож называется

«сакс», отсюда саксы и получили название, так как ножами повергли такое великое множество».

Приведенный отрывок представляется классическим примером такого авторского подхода к рассматриваемым событиям, когда, желая оставаться объективным, он предупреждает, что из-за «чрезвычайной древности [событий] почти исчезает вся [их] достоверность», оговаривая тем не менее достоверность тех фактов и событий, которые считает реальными и оставляет тем самым опцию для иных мнений, будь они обоснованными.

Но, так или иначе, перед нами народ, самоназвания которого мы не знаем: «саксы», по Видукинду, – прозвище, полученное «извне» по приведенной выше причине и ставшее национальным именем. Но не слишком ли легковесно относятся иногда историки к факту изменения народом или племенем своего исконного этнонима, да притом еще, что речь идет о победителе и покорителе народов других? Поэтому гораздо более вероятным будет видеть в саксах саксов уже тогда, когда они впервые ступили на землю будущей Саксонии. Именно «ступили», потому что «как достоверное нам известно, что саксы прибыли в эти области на кораблях и вначале пристали к тому месту, которое по сей день носит название Гаделы». («Имеется в виду местность, расположенная в низменности, налево от р. Эльбы, простирающаяся от впадения р. Осты до г. Ритцебютеля».)

Итак, «саксы прибыли в эти области на кораблях», а «эти области» (если иметь в виду Нижнюю Саксонию) расположены приблизительно в среднем течении Эльбы, попасть в которую можно было только из Балтики. Следовательно, корабли были для саксов привычным средством передвижения. Иными словами, их прежнее место проживания географически было связано с морем.

2

В истории Германии имеется «белое пятно», относящееся к существовавшему на ее территории графству со странным для германского языка названием Аскания. О графстве этом известно немного:

«Аскания, графство (или Ашария, также Ашания) – прежнее немецкое графство и одно из древнейших владений ангальтцев, быть может, даже место их происхождения. Графство получило свое имя от крепости Аскания, которая, если верить сказанию, основана еще в VI в., во время саксов, и находилась на запад от города Ашерслебена».

Но то, что *«графство получило свое имя от крепости Аскания»*, только предположение, как и то, когда она действительно была построена.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на схожесть названия упомянутой крепости с названием Страны Асов, которую греки знали как Асканат, и поэтому есть основание связать рассказ Видукинда Корвейского с уже известным нам отрывком из «Саги об Инглингах»:

«...так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа. Он отправился сначала на запад в Гардарики, а затем на юг, в Страну Саксов».

Зная же об особенностях путешественников и переселенцев оставлять новым местам проживания прежние имена (чему есть множество примеров), вполне вероятно полагать, что асы называли заселенную ими в среднем течении Эльбы территорию, отвоеванную у местных племен, Асканией.

Нетрудно заметить и сходство топонимов «Аскания» и «Саксония», отличающихся лишь сочетанием первых трех букв, что является известным и довольно распространенным лингвистическим явлением, связанным с фонетическими особенностями каждого языка при заимствовании иностранных слов.

К обоснованности такой аналогии нас подводит и само содержание саги. Невозможно не провести параллель между последовательностью пути асов из Северного Причерноморья с последовательностью рассмотренных топонимов: Аскания – Саксония – Скандза – Скандинавия, в основе которых лежит название страны их исхода – Жилище Асов (Аскеназ).

Топоним «Аскания» существовал в Швеции в, так сказать, «чистом виде»: Асканес (ныне Эксрен) – приход на одноименном острове Меларен к юго-западу от Стокгольма.

Примечательно упоминание Скандинавии в «Библейской энциклопедии» 1891 г.:

«Аскеназ – внук Иафета и, вероятно, родоначальник народов аскеназских, населявших страну, лежащую на восточном и юго-восточном берегах Черного моря. Впрочем, точное положение страны неизвестно. Некоторые новейшие писатели полагают, что этот народ дал свое имя Скандии, или Скандинавии».

5. АЗИЯ И АШКЕНАЗЫ

1

От национального имени «асы» произошло название самого большого на планете материка – Азии (Асия).

Первоначально Асией называли земли, заселенные асами в Северном Причерноморье, а затем и все находящиеся к востоку от мест их обитания пространства. Это говорит о значении и авторитарности Страны Асов во времена ее существования.

Подтверждение этому находим у Марка Аннея Лукана (39–65 гг. н. э.):

«Танаис (Дон) дает своим берегам имена разных частей света и, служа границей Азии и Европы, разделяет сопредельные части материка и своими изгибами увеличивает то одну, то другую часть света».

2

Память об асах сохранилась и в определении принадлежности евреев к европейской диаспоре.

Пятикнижие (Старый Завет), бесспорно, является единственным из древнейших документов, в котором приведен столь подробный перечень племен и народов. Этот перечень приведен в 10-й главе Бытия и получил название «Таблица народов»:

«...Еще блаженный Августин отмечал, что в 10-й главе Бытия говорится не столько об отдельных людях, сколько о семидесяти двух отдельных народах. Имена их эпонимов в Бытии в одних случаях отражают древние этнические названия, а в других – названия древних местностей или народов, давших наименования областям. Тщательное сопоставление ономастики Быт. 10 с данными вне библейских памятников позволило ученым установить, о каком народе идет речь в том или ином случае» (А. Мень).

В данном же случае нас интересуют «сын Иафета Гомер и сын Гомера Аскеназ».

Касательно имени Гомер (Кимер) существует практически единодушное мнение, что под этим именем следует понимать Кимерию – Северное Причерноморье. Но тогда, исходя из того, что в «Таблице народов» Аскеназ назван сразу же после Гомера, нужно сделать вывод, что в этой же местности проживал и народ, объединенный именем Аскеназ.

«Страны Аскеназские» упоминает пророк Йирмеяху в VII в. до н. э.:

«Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него (Вавилона. – А. Г.) народы, созовите на него царства Араратские, Минийские, Аскеназские, поставьте вождя против него, наведите коней, как страшную саранчу».

Далее обратимся к другому известному нам историческому документу – «Саге об Инглингах». Напомню:

«Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином».

3

Мы подошли к весьма интересному и малоизвестному в истории асов факту: проживания евреев в Жилище Асов в Северном Причерноморье.

Если у историков и имеются разногласия по поводу известной миграции евреев, изгнанных со своей родины, то они главным образом касаются ее направленности. Но главное направление их продвижения обозначить возможно, зная, что возвращение на родину, заселенную пленниками других покоренных ассирийцами народов, было совершенно бессмысленным, а дорогу на восток преграждали пустыни. Значительная часть обретших свободу евреев шла через Кавказ на земли, примыкающие к северным берегам Черного моря, где, по доходившим до мигрантов слухам, обитавшие там племена вели сравнительно мирное существование, где хватало земли и воды, а природа и климат почти не отличались от средиземноморского.

Нужно отметить, что наиболее древние упоминания евреев, оказавшихся в Восточной Европе, связаны с Северным Причерноморьем:

«Обнаружены еврейские надписи на греческом языке из Пантикапея (современная Керчь); наиболее древние из них исследователи относят к IV в. до н. э.; в достоверно датированной (81 г. до н. э.) надписи сообщается, что еврейка по имени Хреста отпускает на свободу раба Ираклия, обязывая его регулярно посещать синагогу».

Найденные в Крыму и на Тамани хорошо сохранившиеся мраморные надгробия, бесспорно принадлежащие евреям, датируются началом I в., что свидетельствует и о более раннем их здесь присутствии.

Евреи этого региона упоминаются у Феофана в записи за 817 г. В ней говорится о *«Фанагории и о евреях, проживающих там»*. Тому имеются и другие свидетельства.

4

Мигранты, пришедшие из мест принудительного проживания на юго-восток Европы, поселились также и в расположенном к востоку от Дона Жилище Асов. Обратимся к этому названию, потому что в иврите имеется корень «шахен», образующий слова со значением «проживать, обитать», притом что серединное «х» произносится и как «к». Значит, «Жилище Асов» может быть буквально переведено на иврит как «а-шакен-аси», ставшим (без каких-либо лингвистических натяжек) словом «ашкенази», хорошо знакомым любому образованному человеку. В соответствии с законом этнического обобщения выходцев из другой страны будут называть (и они себя сами) по имени страны исхода независимо от их действительной национальности.

Именно здесь, в Северном Причерноморье, в Стране Асов, родилось, отсюда вышло и распространилось далее определение «ашкеназы». Напоминаю, что вместе с Одним отправились в путь «и много другого народа», среди которого, несомненно, были и евреи.

Но это – отдельная тема.

6. ОСТРОВ РУСОВ

Из всего вышеприведенного выяснилось, что мирмидоняне, вождем которых был Ахилл, называемый греками тавроскифом, проживали на северо-востоке Крымского и в северной части Таманского полуостровов. Но примечательно то, что северная часть Таманского полуострова в древности была известна также и под названием «Остров Русов» (название народа «русы» в исторических документах встречается и в форме «росы»). Эта двоякость сохранилась в полной мере и до наших дней: Россия, русские).

1

В истории многих народов имеются эпизоды, которые называют «загадками»; в российской истории особое место занимает загадка «Острова Русов».

Ибн Русте в книге «Дорогие ценности», описывающей события второй половины IX в., рассказывает:

«Что же касается ар-Руссийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на коем они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и

сыр, так что стоит человеку ступить ногой на землю, как она трясется из-за обилия в ней влаги... У них есть царь, называемый Хакан русов. Они нападают на славян, подвезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булгар и там продают... Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами... У них много поселений, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, обращаются хорошо, как и с теми, кто часто у них бывает...»

Знал об «Острове Русов» и персидский историк ибн Махмуд Гардизи:

«Рус – это остров, который лежит в море. И этот остров три дня пути на три дня пути и весь в деревьях. И леса и земли его имеют много влаги.»

Хусейн аль-Масуди в книге «Золотые копи и россыпи самоцветов» писал в середине X в.:

«В верховьях хазарской реки есть устье, соединяющееся с рукавом моря Найтас, которое есть Русское море; никто кроме них не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов.»

Почему-то под «Русским морем» российские комментаторы понимают Черное море, но их естественное стремление видеть в предках единовластных хозяев огромного водного пространства лишено простого здравого смысла: «арабский Геродот» аль Масуди наверняка не был тем, кто в середине X в. мог бы поверить в такую нелепицу. А вот узкий пролив в Азовское море (море Найтас), на берегу которого находился «Остров Русов», они (русы) вполне могли закрыть для чужих кораблей.

Упоминаются русы и в книге «Природа сельджуков» Тахира ал-Марвази Шараф аз-Замана:

«...И они народ сильный и могучий, и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море... Храбрость и мужество их хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, то они были бы страшнейшим бичом для человечества.»

Здесь нет указания на место проживания русов, но подчеркивается их тесная связь с морем («плавают на кораблях в Хазарское море»).

Еще одно свидетельство тому, что древние русы жили на берегу моря, принадлежит арабскому географу X в. Ибн Мискавейху, описывающему один из походов русов:

«Они [Русы] проехали море, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Куры, несущей воды свои из гор Азербайджана и Армении и втекающей в это море».

Ибн Русте подчеркивал, что *«все свои... походы они (руссы. – А. Г.) совершают на кораблях».*

Из приведенного следует, что русы были тесно и постоянно связаны с морем и, следовательно, проживали на морском берегу.

2

О русах, обитавших в районе Боспора Киммерийского (Керченского пролива), сообщает византийский историк Лев Диакон в своей книге «История», в которой подробно описан Балканский (971 г.) поход русов под предводительством князя Святослава Игоревича. Однако на этот раз военная удача отвернулась от русов, и греческий император Иоанн Цимисхий предложил Святославу отступить:

«А с катархонтом войска росов Сфендославом он решил вести переговоры. И вот [Иоанн] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он... удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору... “Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира... Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды... Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя...”»

Лев Диакон, современник «Балканского похода» росов, неоднократно и неслучайно именует их князя Святослава Игоревича «катархонтом тавроскифов», а дружину – или росами, или тавроскифами. Поэтому Лев Диакон уточнял: *«...тавроскифы, которых в просторечии называют росами».*

Под Тавридой же, как уже отмечалось, и в древние времена, и в наши дни понимались земли Северного Причерноморья. У Льва Диакона нет ни малейшего сомнения в том, что Святослав, вождь росов, – тавроскиф; для византийского историка понятия «рос» и «тавроскиф» – синонимы; он, что явственно следует из его рассказа, связывает и Святослава, и его отца Игоря с Боспором Киммерийским (сюда возвращались корабли росов после морских походов).

Привожу без комментариев отношение известных ученых касательно вышесказанного:

«Название Русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и, по всей вероятности, Русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями» (С. М. Соловьев).

«Имя "Русь" уже в это время (в первой половине IX столетия) не только было известным, но и общераспространенным; по крайней мере на южном побережье Черного моря» (В. Г. Василевский).

«Тмутараканская Русь может объяснить и те известия у Арабов, где ставится Русь отдельно от Киева. Вообще Арабы ближе были знакомы собственно с Азовско-Черноморскою Русью, нежели с какою-либо другою» (Д. И. Иловайский).

7. ТРИ СТРАНЫ

1

Обращаю внимание читателя на сообщение, которое можно встретить практически во всех работах, посвященных истории европейской еврейской диаспоры, но имеющее отношение и к истории асов, а также подтверждающее предыдущие выводы:

«И было в лето 4450 (690 г.), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими, и пали они под их ноги, и спаслись бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ, и Швецию и нашли там много евреев».

Здесь под «страной Парас» понимают Персию, под «страной Русией» – Приднепровскую Русь, под «землей Ашкеназ» – Германию, а под «Швенией» – хорошо известную скандинавскую страну.

Но так ли безоговорочно нужно принимать описываемое событие как реальное, если оно имело место тогда, когда, по справедливому замечанию Л. Гумилева, *«страны Руси с многочисленными или немногочисленными евреями в VII в. не существовало»*? Недоверие, высказанное касательно Руси, справедливо и по отношению к двум другим упомянутым странам – ведь в VII в.

как государственные образования не существовали ни земля Ашкеназ (Германия), ни Швеция.

Уже одного этого достаточно, чтобы отнести приведенное сообщение к сомнительным. Вместе с тем оно продолжает фигурировать в исследованиях историков, очевидно, потому, что его автором считают заслуживающего доверия известного хрониста Иосифа бен Иехошуа ха-Козна, жившего в XVI в., но располагавшего гораздо более ранними источниками, и в этих источниках, надо понимать, фигурировали именно эти названия стран, в которых уже проживало «много евреев».

Однако в истории приходится сталкиваться с тем, что сведения, объявленные с точки зрения традиционных воззрений ошибочными или противоречивыми, оказываются истинными при более внимательном к ним отношении. В этом еще раз убедится читатель, узнавший, что «страна Русия» – это Таманская Русь, «земля Ашкеназ» – это «Жилище Асов», страна к востоку от Дона, а «Швеция» – это «Свеония»: территории, примыкающие к Дону на всем протяжении его течения «к северу от Черного моря». Было показано, что эти страны, располагавшиеся на юго-востоке Восточной Европы, существовали уже в начале нашей эры.

Следовательно, вышеприведенное сообщение соответствует исторической действительности.

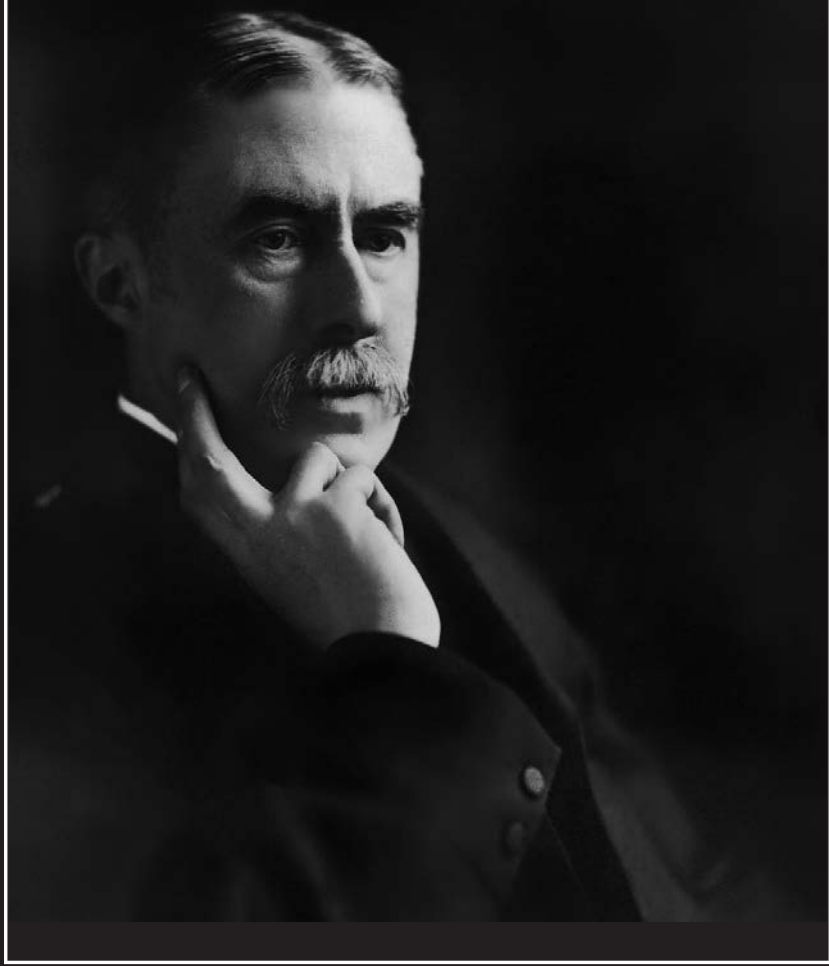

Альфред ХАУСМАН

ПАРЕНЕК ИЗ ШРОПШИРА

СТИХИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО А. ЗОЛОНОВА

* * *

В траву роняют факелы каштаны,
Цветы боярышника кружат на ветру,
По стеклам ливни бьют, как в барабаны, –
Дай кружку, парень: близок день к концу!

Не баловал нас нынче месяц май:
То было холодно, то шли и шли дожди, –
Но скажем мы с надеждою «Прощай!»
Весне под номером коротким двадцать три.

Мы перед вечностью сидели не одни
В тепле таверн, когда в проливах шквал
Безумцев благородных корабли
Топил и громко трусов проклинал!

Должно быть, парень, стыдно небесам
Нас уводить от верного пути
И, радости лишая, как слепцам,
В насмешку ложь давать в поводьери.

Давай же выпьем: будь здоров и смел,
Не во дворцах царей мы рождены,
Но мы мужчины, это наш удел!
Дойдем до звезд и снимем серп луны.

Исчезнут тучи, нас к себе маня
На небо хмурое, ах, как все непросто:
Чужая плоть оплачет чьи-то кости,
И дух взлетит, судьбу свою кляня.

Волнений юности с тобой нам не унять,
Они – от вечности, а в нас – от колыбели:
Возьмем их в путь, и все, что сможем взять,
И небо синее, как бочку с добрым элем!

ИЗ ЦИКЛА «ПАРЕНЕК ИЗ ШРОПШИРА»

Песня 2

Вишневый сад покрыт цветами
Белей снежинок во сто крат.
Под голубыми небесами
Невесты белые стоят!

Мне шестьдесят и десять весен,
Двадцатой не вернуться вспять:
Она блуждает между сосен,
А мне осталось – пятьдесят!

Я снова вспомню ту весну, –
Хоть промелькнуло много весен, –
И отыщу в родном краю
Наш старый сад меж скал и сосен.

Призыв

Встань, мой друг: заря играет
С серебром прибрежных вод,
И лучом своим сжигает
Темный призрачный восход.

Колокольни, арки, стены
Вбил рассвет в туман и грязь:
Рваные ночные тени –
Как времен нетленных связь.

Сон твой должен быть недолог:
Барабаны бьют зарю,

Обложка английского издания цикла «Паренек из Шропшира»

А дорог раскрытый полог
Манит нас в туман и мглу.

Нас зовут моря и страны,
Брег сиянием залит,
И достойных сильных кланы, –
Все, что дух в нас укрепит!

Встань же! Тот, в ком силы еле
Живы – путь не обретет!
Сон ленивый – сон в постели –
Дух скитаний в нас убьет!

Плоть мертва, но кровь рекою
В нас, мой друг, должна бежать,
А когда придем весною,
Будем, словно дети, спать...

Песня 16

Колышется, шуршит опять
Могильная трава, –
Уже над миром шелестят
Осенние ветра.

Покроется росой вновь
Трава – под ней лежат
Два верных сердца, за любовь
Поднявших в кубках яд.

Песня 32

Из сумеречной дали
Двенадцати небес
Меня к тебе примчали
Ветра – и вот я здесь!

Переведу дыхание,
Хотя б на миг, но пусть
В моем разбитом сердце
Утихнут боль и грусть.

Я обниму за плечи
Тебя, а после сам
Один пойду навстречу
Двенадцати ветрам...

Песня 35

На холмах, разомлевших от лета,
Где ручей убегает к реке,
Барабанщик встречает рассветы
С барабаном тревожным в руке.

И от края земли и до края
Будит всю поднебесную гладь,
Чтобы снова, штыками сверкая,
Батальоны пошли умирать.

В чистом поле – истлевшие кости
Между трав и цветов, у дорог
Тех, кто счастлив бывал, или просто
Не успел, или тех, кто не смог.

Трубы медные мертвых скликают,
Флейты тонкий разносится плач, –
Роты алые пыль поднимают:
Мать, роди меня снова и спрячь!

Ольга РЕЗНИК

**ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В ДОМЕ
ВАХТАНГОВЫХ**

Да, дом, именно дом, в котором прожил двадцать лет своей жизни великий театральный режиссер Евгений Вахтангов, а точнее, торжественное открытие в нем культурного центра «Дом Евгения Вахтангова во Владикавказе» стало главной фишкой, вишенкой на торте в проекте «Большие гастроли» московского Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова (подчеркиваю – «московского», потому что есть еще Академический русский театр имени Евгения Вахтангова во Владикавказе), которые проходили в столице Северной Осетии с 30 апреля по 8 мая. На суд владикавказских зрителей вахтанговцы из Белокаменной (а это третьи по счету их гастроли на родине отца-основателя: первые, приуроченные к 100-летию со дня рождения Евгения Багратионовича, состоялись в 1983 году, вторые с поэтическим названием «Гастроли театра Вахтангова на родине Вахтангова» – в 2015-м) привезли лучшие свои постановки – семь спектаклей, на которые в Москве билеты бывает просто не достать, в том числе знаменитые «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Царь Эдип» Софокла в постановке Римаса Туминаса, которым рукоплескали в городах и весях не только России, но и всего света. И все же основным и определяющим событием этих гастролей стал дом великого Вахтангова, который удалось не просто сохранить и восстановить, а превратить в объект, достойный имени талантливейшего человека, родившегося и выросшего в нем.

Всю грандиозность личности нашего знаменитого земляка, который суть «наше национальное достояние, наша гордость, наше все», мы, владикавказцы, в

полной мере прочувствовали, пожалуй, во время большого, продлившегося три с половиной часа концерта «Вахтангов. Путь домой» на площади Свободы, посвященного открытию Дома знаменитого режиссера. Несмотря на дождь, многочисленные зрители, затаив дыхание, не отрывали глаз от сцены, где вся труппа московского Вахтанговского театра, в том числе такие звезды, как Мария Аронова, Марина Есипенко, Андрей Ильин, Евгений Князев, Ирина Купченко, Сергей Маковецкий, Людмила Максакова, Юлия Рутберг, Владимир Симонов, Ольга Тумайкина, Юрий Шлыков, Владимир Вдовиченков, Лидия Вележева, Нонна Гришаева, Виктор Добронравов, Анна Дубровская, Александр Олешко, «рассказывала» поэтично, музыкально (в концертной программе были задействованы сразу три оркестра) и танцевально о жизненном и творческом пути Евгения Вахтангова, о становлении и развитии театра, носящего имя своего основателя. Когда же на сцену выходили приглашенные звезды эстрады Николай Басков, Лариса Долина, Таисия Повалий, Мариам Мерабова и исполняли популярную песню, публика им дружно подпевала, ощущая необыкновенное единение с теми, кто рядом, испытывая невероятную гордость за своего талантливейшего земляка, в котором Максим Горький видел «почти гениального режиссера», кого старейшая актриса МХАТа Ангелина Степанова назвала великим гражданином страны, чьим творчеством откровенно восхищались художники мирового театра Гордон Крэг, Андре Антуан, Бертольд Брехт. Это он, Евгений Вахтангов, собрал всех этих людей в одной точке земного шара и заставил их сердца биться в унисон.

МАГИСТРАЛЬ, ПРОЛОЖЕННАЯ ВАХТАНГОВЫМ

Что же такого сделал Евгений Вахтангов, проживший довольно короткую жизнь – всего тридцать девять лет? Ведь он и в театр-то пришел довольно поздно, когда остались позади уже двадцать восемь лет и зим, и жить ему было отпущено на земле еще каких-то десять лет. Да и поставил он в общей сложности менее десятка профессиональных спектаклей, причем с начинающими, практически самодеятельными артистами в тяжелейших условиях разрухи и гражданской войны.

И тем не менее четыре десятка лет назад директор и ведущий актер старейшего московского Малого театра Михаил Царев на праздновании 100-летия со дня рождения Евгения Багратионича в Большом театре заявил, что именно Вахтангов проложил ма-

гистральный путь движения вперед советского театра. Вторил Цареву и тогдашний главный режиссер МХАТа Олег Ефремов, отметивший, что советский театр идет по пути, указанному Вахтанговым. Да что там Ефремов, представители разных направлений и школ советского театра сошлись тогда на том, что главным кормчим нашего театра был не кто иной, как Евгений Вахтангов. И это несмотря на его непродолжительный по сравнению с другими театральными корифеями срок работы, несмотря на легшие в основу осуществленных им постановок пьесы, явно не принадлежавшие к шедеврам драматургии.

А все потому (и в этом заключается основная заслуга Вахтангова), что он сумел развить учение Станиславского в приложении к любому, даже самому условному жанру. Он открыл новый путь для театра, характерным признаком которого является синтез яркой формы искусства представления с жизнью в нем актеров по высоким, завещанным Станиславским законам искусства переживания.

Неслучайно известный советский театральный режиссер и педагог Георгий Товстоногов, обращаясь к режиссерскому шедевру Вахтангова «Принцесса Турандот», отмечал: «Новое заключалось в том, что Вахтангов создал спектакль, который принадлежит искусству представления, актеры в этом спектакле жили по закону искусства переживания. Он добивался от актера подлинного перевоплощения. Вахтангов показал универсальность учения Станиславского, он вывел эту методологию и распространил на все театральные жанры».

Вот почему в 1921 году на праздновании десятилетия поступления Вахтангова в Художественный театр один из его основоположников прославленный Константин Станиславский снял со своей груди золотой значок основателя театра (таких было всего три) и приколол его на грудь Вахтангова, а еще подарил Евгению Багратионовичу свой портрет с дарственной надписью, где были и такие слова: «Вы – первый плод нашего обновленного искусства». Вот почему такой крупный знаток мирового театра, как советский государственный деятель Анатолий Луначарский, на смерть Вахтангова написал: «Умер самый обещающий человек русского театра, он стал бы одним из важнейших полководцев русского искусства».

И разных подобных высказываний о Вахтангове, надо сказать, не счесть. «Вахтангов – это прежде всего неповторимость, для каждого своего спектакля он искал новую форму, новое выражение, особые способы актерского выражения. Вахтангов – это сложнейшие размышления о смысле жизни, философские размышления о

жизни и смерти» – такое мнение о великом режиссере сложила известный театральный критик Валентина Рыжова. В том, что актуальность учения Вахтангова не в возобновлении, а каждый раз в новом прочтении, был уверен и знаменитый советский российский театральный режиссер, педагог, драматург Евгений Симонов. «Я думаю, что Вахтангов смотрел в театр будущего, и он предугадал основные тенденции его развития», – считал Евгений Рубенович.

А ведь и в самом деле театр Вахтангова – это, как подтвердила жизнь, театр будущего. Увы, в 30-е годы отшумевшего века не были взяты на вооружение принципы Вахтангова, и только в конце пятидесятых, когда появился интерес к театру Брехта, вдруг стало очевидным, что основоположником этого был не кто иной, как Евгений Багратионович...

А уже сегодня, находясь во Владикавказе и отвечая на вопрос, в чем заключается вахтанговский театральный стиль, его фирменный фантастический реализм (так сам Вахтангов называл свое театральное направление), ведущая актриса Государственного академического театра имени Е. Б. Вахтангова, народная артистка России Ирина Купченко предложила перенестись в Москву 1921 года. Холод. Голод. Гражданская война. Разруха. В неотапливаемом зале сидят голодные люди в пальто. А на сцену выходят артисты во фраках и начинают вселять в изголодавшихся, замерзших людей радость жизни.

Этой радостью жизни был пропитан спектакль «Принцесса Турандот», который Анатолий Луначарский назвал легкокрылым праздником. В его сказочной канве раскрывалось будущее, мечту о котором с актерами разделяли зрители, приходившие в театр действительно как на праздник.

А если вспомнить, что ставил эту оптимистичную сказку о пре-красном далёко тяжело больной, умирающий человек, который был настолько сражен недугом, что даже не смог присутствовать на премьере своего детища, его человеческий и творческий под-виг становится тем более очевидным.

КОРНИ ВАХТАНГОВСКОГО СТУДИЙНОГО ТЕАТРА – ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

Евгений Вахтангов был человеком сильным духом и оттого так мужественно смотрел в глаза смерти. А эта сила, эта мощь уходили своими корнями в город, где будущий режиссер родился и рос. Владикавказ, тихий провинциальный город, где размеренно про-

текала жизнь военных отставников, чиновников, купцов, ремесленного люда, чувствовавших, однако, себя городским сообществом, и был, по большому счету, его родным домом.

Как же любил юный Женя Вахтангов этот город, как нравилось ему бродить по его уютным, тихим улочкам. Он появлялся то тут, то там, играл на мандолине, балалайке, скрипке (Вахтангов вообще играл на нескольких музыкальных инструментах, устраивал соревнования, кто больше наберет гитарных аккордов, пытался создать вокруг себя нечто вроде инструментального ансамбля), катался на коньках, мчался на велосипеде, наводнил Владикавказ своими бесчисленными шарадами (модные в начале века, они строились на хитроумных вопросах-загадках), корчил в гимназии рожи перед зеркалом, очаровывал гимназисток.

Гимназия, владикавказская мужская гимназия (ныне гимназия № 5), в которой учился Евгений Вахтангов... На фасаде здания – массивная мемориальная доска: «В этом здании учился и окончил гимназию в 1903 году выдающийся деятель советского искусства Евгений Багратионович Вахтангов».

Каким же он был, гимназист Вахтангов? С фотографии тех лет на нас смотрит красивый юноша с огромными, немного печальными глазами. Он был то весел, шаловлив и жизнерадостен, то печален и отчужден. Запойно читал все подряд, припрятав книги под партой. Сверстникам с ним было, несомненно, интересно, о чем бы он ни говорил. А еще юный Вахтангов умел удивлять. Своим изяществом, и тем, что прекрасно танцует, и тем, что жалеет преподавателя греческого языка, над которым в классе было принято жестоко издеваться. Удивлял он и искренностью, и несвойственной его возрасту зрелостью чувств, которые прорывались в рассказах, очерках и фельетонах Жени Вахтангова. Их можно было прочесть в гимназическом рукописном журнале «Светляк», издававшемся совместно женской и мужской гимназиями и служившем, помимо прочего, средством переписки мальчиков и девочек.

После занятий и прогулок по городу юный Вахтангов возвращался в родительский дом на Купеческой, где к шести часам вся семья – зажиточная и патриархальная – обычно была в сборе и дожидалась прихода отца – Багратиона Сергеевича, владельца табачной фабрики, деловитого, преуспевающего хозяина, человека крутого нрава, который не разделял увлечения сына театром, называл это баловством.

А для Вахтангова-младшего городской театр являлся особенным местом, чем-то вроде алтаря. Правда, справедливости ради надо сказать, что первое прикосновение к сцене у будущего

знаменитого режиссера (а то был домашний театр) стало веселым и шаловливым: Женя предпочитал исключительно женские роли, так как в них можно было поозорничать, рассмешить курьезным переодеванием.

Любовь к театру, настоящая, большая, всепоглощающая, пришла позже. Пришла вместе с другим большим и светлым чувством – любовью к женщине. Избранницей наследника табачной фабрики стала Надежда Байцурова. Барышня образованная, она, проучившись несколько лет в Тифлисе, приобрела известные гуманитарные знания и получила право преподавать французский язык. Надя давала уроки осетинским детям, готовила их для поступления в русскую школу, помогала нотариусу в конторе, переводила с французского материалы для местной газеты «Терек».

Молодых людей по-настоящему объединила любовь к театральному искусству. Вместе они ходили в городской театр, играли в спектакле «Медведь» по А. П. Чехову в домашнем театре.

Весной 1903 года в двадцатилетнем возрасте Евгений Вахтангов окончил гимназию. По настоянию отца он должен был поступить в Рижский политехникум, окончить его и вернуться на фабрику дипломированным специалистом. О Надежде Байцуровой Багратион Сергеевич и слышать ничего не желал. У него уже была на примете богатая невеста для сына.

Экзамены в политехникум Женя, конечно же, постарался провалить. Чуть позже поступил на естественный факультет Московского университета, потом перевелся на юридический. А душа между тем безотчетно рвалась на сцену.

Вскоре начался «любительский» период в жизни Вахтангова. Университеты закрыли. Охваченная революционными настроениями Россия бурлила. Евгений вернулся во Владикавказ и, остро почувствовав зависимость от отца, стал искать самостоятельный заработок. Дворянское собрание предложило ему поставить спектакль силами любителей и обещало денежное вознаграждение. Произведение было выбрано сложное – драма Герхарта Гауптмана «Праздник мира». К исходу летних каникул Женя и Надя, как в гауптмановской пьесе, окончательно порвали с отцом, уехали в Москву, а в октябре 1905 года тайно повенчались...

В жизнь Евгения Вахтангова особой страницей вписывается одно из самых неординарных явлений в истории русского любительского театра начала XX века – вахтанговские кружки. Никто из русских режиссеров не работал с любителями так последовательно, с такой неистовой отдачей, как молодой Вахтангов. Среди этих кружков можно особо выделить Владикавказский музыкаль-

но-драматический (1904–1908 годы) и Владикавказский художественный драматический (1909 год)...

Много позже, будучи уже известным московским режиссером, Евгений Вахтангов, как вспоминал о нем Рубен Симонов, обязательно посещал в Москве вечера Владикавказского землячества, устраиваемые в пользу «недостаточных студентов», сам участвовал в концертах, конферировал, выступая с комедийными номерами. А все потому, что он до конца своих дней ощущал себя владикавказцем. Из родного города на Тереке Евгений Багратионович почерпнул то самое лучшее, что пронес потом через всю жизнь. Ведь и корни вахтанговского студийного театра с его духом импровизационности и эксперимента – в любительских занятиях, которые начинались во Владикавказе. Именно здесь зародилось у Вахтангова стойкое пристрастие к студийности, к театру как счастливому сообществу людей, живущих одной верой, одной страстью. Здесь, в родном городе, сложился его идеал бескорыстного служения искусству, родилась и окрепла потребность окружать себя молодыми, готовыми вместе с ним искать, пробовать, загораться новыми идеями. Здесь, во Владикавказе, формировался художник, оставивший грядущему «систему потрясения».

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ КРОК

Отрадно осознавать, что теперь Евгений Вахтангов вернулся. Вернулся в родные пенаты вместе с домом, который заживет отныне той жизнью, которую он заслуживает. А ведь дом этот могли и вовсе снести, а на его месте, согласно генплану, должна была появиться площадь с фонтаном. Но вмешалась судьба в лице блистательной актрисы Юлии Борисовой. Это она сказала однажды: «Вахтангов жил, живет и будет жить, пока жив последний актер на земле». Это она еще во время гастролей вахтанговцев в нашем городе в 1983 году, сыграв в спектакле «Принцесса Турандот», обратилась со сцены к зрителям, в том числе и к руководству республики, с пламенной речью, заклиная их спасти и сохранить дом Вахтангова.

Правда, все последующие годы, вплоть до гастролей вахтанговцев на родине своего гуру в 2015 году, это историческое здание пребывало в плачевном состоянии. В нескольких местах его фасада были пробиты суперсовременные двери: кафе «Турандот» с логотипом известной британской рок-группы Queen и еще некие наглухо закрытые, без опознавательных знаков, отчего

мемориальная доска на отчем доме знаменитого режиссера скромно притаилась в уголке, «забитая» кричащими вывесками. Дом Вахтангова, чего греха таить, находился в аварийном состоянии в том числе и из-за проводимых в нем многочисленных перепланировок, из-за которых по несущим стенам пошли трещины.

Еще в 2013 году, помнится, мне довелось писать о тех бедах, что претерпел отчий дом великого режиссера, и даже высказать практически крамольное предложение открыть в этом здании дом-музей Евгения Вахтангова. Предложение это, в том числе и по объективным причинам, понятное дело, не нашло никакого отклика. Но сама идея, мне кажется, буквально витала в воздухе.

Когда в 2015 году московские вахтанговцы приехали к нам на гастроли и осмотрели дом своего основателя, они сначала ужаснулись, а потом решили, что его надо спасать и возвращать в культурное пространство. А идейным вдохновителем и организатором всего этого сложного процесса стал один из самых успешных театральных менеджеров страны, директор театра, заслуженный работник культуры и заслуженный деятель искусств России Кирилл Крок. Ведущую роль Крока во всей этой истории накануне открытия Дома Вахтангова подчеркнул министр культуры РСО-Алания Эдуард Галазов: «У этого события есть фамилия, имя и отчество – Крок Кирилл Игоревич».

И этому человеку претворять дерзновенную идею в жизнь было ой как непросто. Ведь сначала нужно было расселить жильцов тринадцати квартир, размещавшихся в доме Вахтангова. Всем им были предоставлены средства на приобретение нового, комфортабельного жилья. Осуществить это удалось за счет спонсоров.

А вот самой сложной задачей оказалась реставрация дома Вахтанговых, находившегося в аварийном состоянии. Пришлось укреплять фундамент и стены дома. Железо советских времен, которым была покрыта крыша, заменили на чудом найденную черепицу XIX столетия. Для реставрации фасадов здания отыскали кирпич дореволюционного производства, выпускавшийся на заводе барона Штейнгеля. Весомую лепту в аутентичное оформление Дома Вахтангова внес главный художник Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова Максим Обрезков. Ему был поручен проект реконструкции и отделки помещений, которые теперь напоминают купеческие покои тех далеких лет. И это лишь малая толика того, что было сделано, дабы Дом Вахтангова стал таким, каким он стал.

В общей сложности на ремонтно-строительные и проектировочные работы было потрачено 250 миллионов рублей. И все это

средства театра, полученные от показа спектаклей, в том числе и во время гастролей. Это вклад более 400 человек – сотрудников Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова. Всестороннюю помощь и поддержку в реализации проекта «Дом Евгения Вахтангова во Владикавказе» оказывало московским вахтанговцам и руководство Республики Северная Осетия-Алания.

Так общими усилиями был восстановлен дом Евгения Вахтангова. Второго мая он широко распахнул свои двери для любителей прекрасного. Переступившие порог этого дома уже смогли познакомиться с шестью залами выставочного пространства, где воссоздан быт семьи Вахтанговых. Есть там и комнаты главы семейства и его своевольного сына Жени, и столовая, и гостиная, и зал, посвященный бессмертной «Принцессе Турандот», которая сто лет не сходила со сцены и была сыграна более двух с половиной тысяч раз. Вещи, принадлежавшие Евгению Вахтангову, артефакты, хранившиеся в его семье, подаренные родственниками, старинная мебель и привезенный из Нальчика рояль фирмы Becker (оказывается, все можно найти, если хорошо поискать) – ко всему этому можно теперь прикоснуться взором, побывав в Доме Вахтангова. А на рояле, что любопытно, и в самом деле когда-то играл будущий великий режиссер, а много позже знаменитый маэстро Юрий Темирканов.

Есть в Доме Вахтангова и мини-отель для актеров – четыре двухместных номера и два одноместных. Кстати, народная артистка России Мария Аронова призналась, что мечтает там пожить, дабы почувствовать дух вахтанговского дома.

А главное, в Доме Вахтангова есть арт-кафе на 60 мест, где уже прошли первые творческие вечера и моноспектакли Евгения Князева и Юлии Рутберг, Марины Есипенко и Юрия Шлыкова, Ольги Тумайкиной и Игоря Карташёва... И такие встречи и с московскими артистами, и с североосетинскими будут множиться и продолжаться.

А нам остается быть благодарными судьбе за то, что в итоге все так благополучно разрешилось. Во Владикавказ вернулся Вахтангов. Вернулся в свой дом, в который вдохнули жизнь. В нем звучит теперь красивая музыка, высокая поэзия, живое слово, и кажется, будто сам Евгений Багратионович окормляет это пространство, пропитанное любовью к творчеству и сценическому искусству.

Фатима ГУРДЖИБЕТИ

ПИСЬМА БЛАШКА ГУРЖИБЕКОВА

Блашка Майрансауович Гуржибеков – осетинский поэт, писавший на дигорском диалекте, считается основоположником дигорской литературы. Родился в 1868 году в казачьей станице Ново-Осетинской в семье, где дед, отец и дяди были почетными казаками. Отец Майран-Сау умер в возрасте 46 лет, когда Блашка исполнилось 8 лет; единственный брат Аслан-Бек умер в 25 лет); сестра Далу замуж не вышла, жила с матерью Гуза (в девичестве Тускаева, также из семьи видных казаков). Почти все его окружение – это знаковые фигуры и в военно-исторической, и в культурно-образовательной летописи нашей страны.

Блашка с ранних лет тянуло к просвещению. В столь же раннем возрасте он ощутил ответственность единственного кормильца семьи. Обладая большим писательским талантом, ему, как и многим далеко не богатым юношам, не приходилось особо выбирать род деятельности по душе. И, как он сам выразился, «...о том, чтобы в ту пору осетинскому поэту можно было добывать средства к жизни литературным трудом, нечего было и думать...». Поэтому основной профессией была военная служба, а главной стала поэзия.

Говорят, читать чужие письма незачинно, это то же самое, что залезть в чужой карман. Но в данном случае это, скорей, приоткрытие исторической завесы, проливающей свет не только на личность автора писем, но и на то время, события, факты. Думаю, Блашка не столько был бы против посвящения нас в его личную переписку, сколько удручен тем фактом, что и поныне повторяется его судьба...

1

«Многоуважаемая Перепетуга Петровна! С первого слова Вы удивитесь, узнав, от кого письмо; но не удивляйтесь: забытые друзья вспоминаются в минуту надобности. Раньше всего во имя нашей дружбы, если еще признаете ее, прошу печальное мое воззвание оставить между нами. Итак, в какое бы положение меня ни поставило настоящее письмо, пусть не стесняет Вас, — два года и два месяца тому назад был ужасный и первый перелом в моей жизни, что, вероятно, известен Вам из моего последнего письма к Вам и из других источников. С этого ужасного перелома я похоронил лучшие надежды на жизнь. Видно, в книге судеб было начертано так! Дело прошлое, а неудовлетворенность чувств все всплывает наружу. Я просил Иналука сообщить мне роковое решение семьи, но он ответ свой так затмил, что я вторично просил его о подробностях. Но, увы, я их не получил! Теперь, когда все это улеглось в известную форму и, казалось бы, я, узнав, что Вы в Ардоне, воскрешаю последний отзвук замершего аккорда и прошу одну только Вас снова осветить мне это дело и этим самым окончательно решить печальную судьбу по-прежнему помнящего Вас Перепетугей Пантелеймона Карповича. Обо всем вышесказанном прошу только одну Вас, поэтому от Вас одной зависит вооружить меня для новой борьбы или же окончательно разоружить».

1899–1900 гг., Блашка 31 год¹

2

«В... Ст. Ново... Ну и отлично, многоуважаемая Пер. Петровна! Значит судьба! В субботу, т. е. 14 июля, еду в Пятигорск, кстати, там 15-го открытие памятника М. Ю. Лермонтову, а затем буду в Ардоне 16 или 17-го, смотря по обстоятельствам. Разумеется, все нужно делать без шума. Вы правы. Хотя Вазиев уже, кажется, везде прозвонил. Раньше, чем получилось Ваше последнее письмо и я узнал обстановку дела, уже любители почесать языки передавали слух этот в розовых формах. А всему, думаю, виноват Вазиев. Ну да ничего.

Письмо Ваше получил одиннадцатого числа. Этого же дня получил телеграмму от Виктора Серебрякова, моего двоюродного брата по матери, о его производстве в корнеты в Стародубовский драгунский полк. Как видите, день значительный. Спасибо за письма и участие. Жму Вашу руку. Блашка».

1901 г.

¹ Здесь и далее даты даны автором.

3

«Дорогая мама!

Получил твое письмо. От души радуюсь общему здоровью. Наверное, ранней осенью не придется мне съездить домой, потому что работы по обеспечению полка на зиму как раз на раннюю осень припадают. Здоров я, и не беспокойся обо мне. О том, как живется мне здесь, расскажет Гриша. Он через неделю поедет в отпуск. Нового ничего нет. Поклон Далу и всем родственникам. На этот раз пишу мало – нет времени. Любящий тебя Блашка. Пишите чаще. Посылаю тебе переводом 25 руб. Извини, что мало – часы мои сломались вдребезги и написал другие, поэтому в этом месяце больше послать не могу».

1901 г.

4

«Дорогая мама!

Больше месяца ожидал от вас письма, но, не дождавшись, пишу. С этой почтой на имя Налю посылаю тебе 20 р. Мы от малого до большого живы и здоровы. Сослан значительно подрос, а располнел так, как он был совсем маленьким. Пробует говорить, но у него ничего не выходит. Поклон от нас всем. Недавно я видел во сне Гардо Арцутанова. Он был худой, бледный и в руках мял табак. Нового нет у нас ничего. Поклоны от нас Далу, Гуасса, Тогур, Гуцунаевым, Гагиевым и всем родственникам. Сослана все учу говорить Далу, но ничего не выходит. Больше нечего писать. Ждем Гришу. У нас небывалые холода и снег. Любящий вас Блашка».

Начало 1903 г.

5

«Дорогая мама и Далу!

Посылки ваши я получил и удивляюсь, как их бедный Гриша довез. Спасибо за них. Кроме яиц, все доставлено благополучно. Из присланного сыра сделали æхчинтæ, и я их ел, как волк, но, как волк же, и катался с боку на бок. Что же ты ничего не пишешь относительно своей пенсии. А послужные списки отца прислали или нет? Если прислали, то надо пробовать просить

об увеличении пенсии. Мы, слава Богу, живы и здоровы. Сослан весел, пробует болтать, но у него ничего не выходит. Я-то пишу, вы-то мне не пишете. Впрочем, вам некому писать. Кланяемся вам все. Будьте живы и здоровы и храни вас Господь! Любящий вас Блашка».

Середина 1903 г.

6

«Дорогая мама и Далу!

Что-то давно не получал от вас письма. Здоровы ли вы? Вчера я принял должность полкового казначея; не будь этого, я хотел проехать домой, но теперь, пока не ознакомлюсь хоть приблизительно с многочисленными обязанностями казначея, нельзя будет приехать раньше последних чисел апреля месяца. Тревожные слухи о войне и поездка в предстоящий лагерь заставляют меня быть ко всему готовым, почему Надю и Сослана тоже повезу с собой домой. Мой перевод во вновь сформированный Терско-Кубанский полк не состоялся, и я, как хотелось вам, остался в полку тянуть мирную жизнь. Мы, слава Богу, живы и здоровы, хотя худы, как тени. У Сослана сейчас насморк и сильная потеря аппетита. Кроме голого чая ничего не принимает. Поклон всем родным и родственникам. Больше писать нечего. Кланяемся и обнимаем вас. Любящий вас Блашка. Получ. 2 февр. 1904 г.».

7

«Дорогая Надя!

Сию минуту благополучно доехал до Хань-Кендов. Когда вошел в квартиру, то жглось сердце и на глазах навернулись слезы: впервые почувствовал свое полное одиночество, не встретив тебя и не услышав голос Осяна "папа". Трудно мне и не могу выразить сейчас мое душевное состояние; скажу только одно, что если это состояние продолжится, то не выдержит мое и без того неважное здоровье.

Бедному человеку лучше бы не рождаться! При штабе полка не нашел никого – все выехали в домашний лагерь. Священник с семьей и делопроизводитель с семьей выехали в отпуск. Говорят, поторопились выр... то здесь на детях... скарлатина. Дочь Евфросинии Ивановны, говорят, при смерти. Елена Петровна

поправилась совсем. Баратов с матерью выехал в Одессу, вернется к 6 июня. Бросаю писать письмо, допишу завтра.

Начинаю писать снова, ибо завтра утром отходит поезд. Ради самого Бога не скучай и почаще пиши мне обо всем, особенно о здоровии. Заезжал во Владикавказ; видел Ханбекер и Заурбека. Сали не видел, она в Зильгее. Иналуку не написал письмо, потому что узнал, что он во Владикавказе на скач... рассчитывал видеть его, но не пришлось, потому что он где-то... сторо- не остановился на квартире из-за л... Ханбекеру же передал, почему не заехал в Ардон. Будьте вы все живы и здоровы.

Поклон всем. Любящий вас всех Блашка. Мальчика, пожалуй- ста, называйте Осяном. 27 мая».

1904 г.

8

«Дорогая мама!

50 рублей, о которых так беспокоишься, я перевел по теле- графу Грише Татонову. Не могу понять, почему произошло та- кое недоразумение. По почте на имя Нало послал 60 рублей, из которых 4 р. 67 к. причитаются в жалованье Федоту, а осталь- ные вам, ввиду скорого разрешения от бремени Нади.

Командира полка здесь нет и выехать ранее октября месяца вряд ли удастся, потому что вся полковая работа в смысле зимних заготовок возложена на меня.

На покраску крыши денег не имею, почему потерпите. Из по- сланных же денег обязательно отделите на акушерку. Без аку- шерки Надю не оставляйте. Сообщите мне телеграммой о ходе родов Нади. Крестного отца не меняйте и сообщите ему – Бета Занкисову. Здоров, здоров и Заурбек и кланяется. Нового нет ничего. Сейчас у меня сильно болят голова и зубы. Заурбек ленится писать и обижается на своих, что не пишут ему. Будьте живы и здоровы. Любящий тебя Блашка. Как на зиму устроились? Начал ли говорить Сослан? 22 августа».

1904 г.

9

«Дорогая Надя!

От души радуюсь твоему здоровью и поздравляю тебя с легким трудом. Теперь перейду сразу к делу. Дня через два-три станет

известным, пойдём на войну или нет. Баратова потребовали телеграммой в Тифлис, и пока от него имеем коротенькую телеграмму «идём», но куда – неизвестно, вероятнее всего на войну, на Дальний Восток. Если ты, мать и сестра Далу меня любите, то не будете беспокоиться и мучать себя бесполезными слезами и прочими женскими слабостями. На войну не один я иду, а весь цвет нашего огромного государства. И в смерти человека волен Бог: захочет – так пошлет смерть и на печке, а захочет – так и в огне не сгоришь. Словом, судьба человека в его руках и жаловаться на него не приходится. Если пойдём, то мне нужны будут тёплый бешмет и салбар (штаны) из верблюжьего сукна, пожалуй, большая шуба, которую бы можно было надевать поверх черкески, и черкеска (свободная) из азиатского сукна. Пишу в Ардон, чтобы Иналук приискал мне вторую лошадь, горскую из войлока подушку на седло и тёплую рубашку из козьего пуха. Если будете шить тёплый бешмет, то материал нужно будет поставить из чёрного чего-нибудь, крепкого. Деньги, когда станет уход полка известен, вышлю или телеграммой, или же почтой, смотря по времени. Разумеется, обязательно побываю дома. Ещё раз именем Бога вас всех трёх прошу быть покойными и надеяться на Бога. Очень доволен, что девочку назвала Раисой, но не доволен, что она похожа на меня, было бы лучше, если бы была похожа на тебя. Какие у нее глаза и волосы?

Гриша доехал благополучно, спасибо за посылку. Нельзя сказать, чтобы фрукты были из очень хороших сортов. Ради Бога – берегите Сослана. Поклон матери, Далу и всем родственникам. Будьте живы и здоровы и храни вас Бог. Любящий тебя Блашка.

Сообщи мне точно – в какой день родилась девочка и когда крестины, мне нужно подать рапорт о ее рождении, чтобы записать в послужные мои списки. Шить пока мне ничего не нужно, потому что у вас денег нет, да и точно неизвестно, пойдём или нет. Когда же я вышлю деньги, то приступайте. Кланяются Заурбек и Гриша; они оба здоровы. С этим письмом пишу Налю Татонову и Иналуку. Будь жива и здорова. Твой Блашка».

1904 г.

10

«Дорогая мама!

Вслед вчерашнему письму пишу ещё. Сегодня стало окончательно известно, что полк идёт на Дальний Восток. Срок вы-

хода пока неизвестен, но думаю, что не раньше ноября месяца. Если можно будет достать мелкие курпеи от шленок, то хорошо бы было из них сшить салбар и одеяло. Не менее этого нужно серое азиатское сукно на две просторные черкески, к которым вместо газырей пришить места на патроны, по 14 штук с каждой стороны. Деньги вышлю как только получу. Командира полка еще нет, а придет, так нам станет известно день похода. Вместо нашего полка сюда придет или 2-й Горско-Моздокский полк или 2-й Кизляр-Требенский полк. На Дальний Восток идут полки: наш, Уманский, Кизляр-Гребенский, Екатеринодарский и батареи: 2-я Терская и 1-я Кубанская. Письма буду писать почти каждую почту, смотря по мере материала. Кажется, все. Мы все здоровы и кланяемся всем. Будьте живы и здоровы и храни вас Бог! Любящий тебя Блашка. Пришлите точно о дне рождения дочери и ее имени – нужно, чтобы ее записали в мой послужной список.

Федот пусть будет готов к выступлению со мной; ему купят лошадь. Пусть он узнает у себя в станице через кого-нибудь, сделано ли по их станице распоряжение о приготовлении им, казакам первого полка, овчинных шуб и овчинных же штанов, больших теплых черных шапок и больших смазных сапог, в которые бы нога, обутая в трое теплых чулок, совершенно свободно влезала. Кажется, все. Повторяю, о дне похода сообщу и постараюсь непременно побывать дома.

Любящий тебя Блашка. 14 сентября.

Федота домой отпускать никак нельзя, потому что могут вытребовать его сюда срочно. Завтра допишу, а теперь время спать. Заурбек страшно беспокоится о своих, и в самом деле он до сих пор еще из дому не получил ни одного письма. Завтра обещанное настало, а писать все-таки нечего. Поклон маме, Далу, Татоновым, Гадиевым, Гуцунаевым и всем родственникам. Твой любящий тебя Блашка. 27 сентября».

1904 г.

11

«Дорогая Надя!

Получил твое письмо. Теперь понятно, почему ты мне не писала. По-моему, если кто из вас болел, так именно нужно было сообщить, чтобы знал и я. Во всяком случае, ты должна писать

Блашка Гуржибеков с родной сестрой Далу (по другой версии – с двоюродной сестрой Тургиевой – имя неизвестно).

Фото из архива НМ РСО-Алания

Гайтова Надежда (Залихан)
Иналуковна – жена Блашка.
Фото из архива С. Саламовой

Сестры Гайтовы: Раиса, Любовь
и Надежда (стоит).
Фото из архива СОИГСИ

Серебряковы-Даутоковы Хаджи-Мурат Асланбекович
(Виктор Никифорович) и Ольга Асланбековна – двоюродные брат
и сестра Блашка по матери. *Фото из архива А. Казакова*

Дети Блашка – Сослан (Николай) и Саусатар
(Гуля, в крещении Раиса). Фото из архива Р. Кукиева

Иналук Гайтов и его жена Гугуда Мистулова (тесть и теща
Блашка) с внуком Сосланом – сыном Блашка.
Из архива Г. Гуржибековой-Шилкиной

Походная жизнь 1-го Сунженско-Владикавказского полка

Боевые товарищи у тела Блашка.
18 июня 1905 г., Маньчжурия

1-й Сунженско-Владикавказский полк. Блашка Гуржибеков в центре (цифра 1). Фото из архива СОИГСИ

Блашка Гуржибеков среди сослуживцев 1-го Сунженско-Владикавказского полка. Фото из архива СОИГСИ

более меня. Это вот почему: я пишу об одном себе, а ты о целых пятерых, кроме того, еще из дому.

Вчера получил письмо от Раусы и от Иналука. Они здоровы. Рауса послала тебе свою карточку. Домой приеду после всех. Посылаю подарки Баратова: тебе на платье и девочке крестик. Посылаю также 8,5 арш. чесучи. Обнови ею бешмет старый и сшей новый. Женскую прислугу не отпускай, ибо она тебе все-таки помогает.

Поклон маме, Далу и всем. Твой Блашка. Сообщи письмом по почте, что купить детям».

1904 г.

12

«Дорогая мама!

Ждал, ждал, когда нам выдадут деньги на обзаведение по случаю войны и, не дождавшись, пишу, что мне нужно непременно приготовить. Раньше всего теплую из самого крупного курпеля или же в крайнем случае из овчины шубу. Имеющаяся у меня шуба для предстоящего похода негодна. Новая шуба должна быть просторна, с длинными рукавами, сшита черкесской и так, чтобы воротником, в случае надобности, можно было бы закрыть грудь. Покрышка должна быть суконная из серого черкессочного сукна и с патронами вместо газырей. Непременно сшить теплый просторный мягкий, на шерстяной вате бешмет. Хорошо было бы сшить его на подкладке из сукна козьего пуха или же в крайнем случае на сукне из верблюжьей шерсти. Сшить штаны теплые на подкладке суконной из козьего пуха, в крайнем случае из верблюжьей шерсти. Такие штаны, кажется, по-нашему называются сасхæр. Одним словом, сасхæр должен быть в крайнем случае из двойного верблюжьего сукна с прибавлением шерстяной ваты и на учкоре. На коленях и вообще ногах больше положить шерстяной ваты. Карманы сделать глубокие, до колен, из прочного холста. Сделать пары три фасбунта, тоже теплые. Сшить шесть штук шелковых рубашек. Деньги пока займите у кого-нибудь. Когда выступаем – неизвестно; но в Армавире прождем недели две, где будет нас смотреть государь. О дне выезда сообщу; дома побываю обязательно. С письмом этим пишу и в Ардон к Иналуку, чтобы он приискал мне вторую лошадь.

Сделайте также набрюшник, как он делается, знает Минбулат или же Денетико. Шубу шейте совсем просторную, чтобы

она налезала на мою другую шубу. Покрыть ее нужно будет серым сукном и чтобы она была сшита черкесской. Свою шубу передушиваю в бешимет. Федот пусть будет готов к выезду. Он, вероятно, присоединится к нам в Прохладной.

Будьте живы и здоровы все; всем поклон. Любящий вас Блашка.

Бешимета не нужно шить, потому что свою шубу хочу переделать в бешимет».

1904 г.

13

«Дорогая Надя!

Получил твое письмо, присланное с казаком Татонова. Ты меня все приглашаешь домой. Рад бы, родная, да раньше выступления в Армавир никак нельзя, потому что без меня почти нельзя обойтись во время мобилизации. Я бы, разумеется, проехал бы и раньше выступления, но и тут неизвестность дня похода лишает меня лучшего удовольствия повидаться со всеми вами. Что же касается твоей просьбы не идти на войну, то это решительно неисполнимо. Все слухи, какие носят у вас там в виде причин, ложны. Никого ни по болезни и ни по домашним обстоятельствам не могут оставить по причине недостатка офицеров, напротив, к нам в полк еще назначают 12 человек офицеров-драгун. Геуара Татонова и то вряд ли возможно будет оставить. Кроме того, разве от полка отставать хорошо? Будьте вы все покойны – с войны возвращусь жив и невредим. А ты должна гордиться, что на долю твоего мужа выпадает счастье участвовать в деле за родину. Но все это пустяки. Привели мне из Ардона коня. Под верх он плоховат, да и мал, под выюк отличный, лучшего желать не надо. Одним словом, с этой стороны я уже готов. Но вот как ваши дела там относительно приготовления меня в поход. Ты все пишешь, что мне еще надо, а ничего не пишешь, что приготовили. Одним словом, напиши все подробно в следующем письме. Пишешь также, сколько мне приготовить сухарей. Да пудика два. Если будет возможно, то и купите копченой баранины. Это тоже не лишнее. Словом, съестными припасами не торопитесь. Передай Мерету, чтобы и она готовила копченку. Когда нужно будет готовить сухари – напишу. А как бы мне хотелось на вас всех посмотреть, а особенно на детей. Я здоров. Говорят даже, что я поправился. И если здоров и поправился, то благодаря

Гогаю: он меня научил есть кислое молоко, которое на меня благотворно действует. Из Ардона прислали немного груш и яблок и две курицы, которые моментально уничтожены были за один присест. Поклон маме, Далу, Кошерхану, Гуцунаевым, Тургиевым, Гуржибековым и всем родственникам и детей расцелуйте. Как бы я хотел посмотреть на Сослана. Я Сослана люблю больше, чем Саусага. Может быть, оттого, что девочку я еще не видел. Будьте живы и здоровы и храни вас Бог. Что же ты не пишешь, с кем спит Сослан и наняли ли няню. Пиши. Твой Блашка. 29 октября. Спасибо японцам, что затеяли войну, а то бы ты мне до сих пор еще не писала».

1904 г.

14

«Дорогая Надя!

Получил твое письмо, где спрашиваешь, шить ли мне черкеску из верблюжьего сукна. Если сукно домашней работы, то шейте, а если за него нужно платить деньги, то не надо – обойдусь как-нибудь. Посылаю сукно на черкеску. Его, пожалуй, нужно будет раньше помыть, а то оно грязное. Заплатил за него 9 рублей; посылаю также и два одеяла; я их случайно купил и то только потому, что просила мама. За них я заплатил 15 руб. Посылаю тебе и сестре Далу по флакону одеколону. Однако теперь у меня брюк будет бесчисленное множество. Я сам себе заказал здесь черные прюнелевые. Я же не просил шить мне из диагонали, а вы шьете, но ничего, тоже не лишнее. Любе Барагуновой я написал в Ольты; не знаю, там ли она. Очень и очень жаль, что не можете нанять няньку. Разве денег нет? Я же ведь высылаю, сколько могу. Это меня страшно огорчает. Я непременно хочу, чтобы вы наняли. Неужели в Павлодольской, кроме Кати, более девок нет?

Ты спрашиваешь, как наши дамы поживают. Кажется, все радуются уходу на войну мужей. Ефросиния Ивановна все болтает, что она пойдет сестрой милосердия. Все мы живы и здоровы. Поклон маме, сестре и всем родственникам. Кланяется также Гогаю, Заурбек, Гриша и Геур. К нам в полк переводят Татархана Абисалова.

Отчего же Сослан не спит с бабушкой? Воображаю, как тебе с двумя трудно возиться! О дне нашего ухода еще ничего не известно. Будьте здоровы и храни вас Бог. Твой любящий тебя Блашка. 5 ноября».

1904 г.

15

«Дорогая Надя!

Только что получил твое письмо. Успокойся, его никто не распечатал. А если бы и распечатал, то ведь в нем, кроме дела, не было ничего. Какая ты, право, смешная! Я ведь о башлыке ни слова не писал; мой башлык новый и очень теплый. Чего же еще мне желать лучшего! Я так много писал, что, право, повторять не хочется то, что мне нужно; одним словом, все делайте потеплее да попросторнее – я на войне думаю растолстеть. Шуба моя новая чтобы под мышками не давила, а рукава чтобы обязательно были большие и из курпея же. Федота я решил оставить вам; впрочем, дождусь ответа вашего. Ты о крестном отце дочери Раисы написала, а о матери ни слова. Кто же была матерью? Что же касается твоего поручения передать Баратову о крестике, то извини – не смогу, как знаешь, не переломлю своего характера. Что мать беспокоится? Я с войны возвращусь живым и здоровым, почему ей нечего заранее, не зная будущего, печаловаться. Кормит нас царь, и надо ему послужить.

Больше нечего писать, и то уже, кажется, надоел тебе. Третевский мне прямо покоя не дает. Не брани, что вспоминаю его – так создан человек. Передай Нико Татонову, что ему привезу двух щенят хорошей породы. Поклон маме и Далу.

Заурбек просит передать Мерету, что он за лошадь пишет потому, что лошадь, которую он взял у Гена Кусова, безногая. Он страшно на Мерета недоволен, что не пишет ему ничего; он даже говорит, что не будет ей больше писать. Так ей и передай. Зачем же вы Сослана называете Кола? Я ведь не раз просил называть его Сосланом. Неужели моя просьба так трудно исполнима. Будьте же вы все живы и здоровы и храни вас Бог. Обнимаю всех. Блашка».

Конец 1904 – начало 1905 г.

16

«Дорогая мама!

Я пишу бесцетно письма и послал уже три телеграммы, а вы мне не пишете ничего. Неужели же вам не жалко меня? Кроме Заурбека и меня, все получают письма, а мы с ним до сих пор не получили ни одного письма из дому... и у него, и у меня семьи и, стало быть, есть о ком думать. Думаю, что следовало бы нам

писать и чаще. Ну хоть по одному письму в неделю. Мы все живы и здоровы. Побывали в двух боях, и наши Уашкерги и Никола хранят нас. Вообще, как и раньше писал, опасаться за нас не нужно. Японцы скверно стреляют. В последнем бою с Хабатом Машуковским мы были в одном месте. Нас было 8 человек. Под одним казаком убита лошадь, а Хабату пуля попала в шашку. И раньше с Хабатом пришлось нам быть вместе. За первое дело его представили к кресту, а за второе мы все хлопчем о представлении его в прапорщики. Он молодец. Передайте обо всем этом Аминату – ей будет очень приятно.

Мы все здоровы и телом и духом. Сухари, которые вы мне насушили на дорогу, мы начали кушать только сегодня и, стало быть, не голодны. Ради Бога, пишите чаще письма. Поклон от нас всех всем.

Любящий тебя Блашка.

Вот адрес: В действующую армию, Отряд Мищенко, Сунженский полк и мне.

29 мая, Ляоянь».

1905 г.

17–18

«Дорогая Надя!

Получил твое письмо. Радуюсь здоровью. Я сам, друг мой, знал, что нужно было мне послать вам денег для приведения меня в полную готовность к выступлению в дальний поход, но не было. Нам еще не выдали денег, но я занял в полку и по телеграмме через Байтуганова послал 150 руб., которые теперь вы уже, наверное, получили. Все, что мне нужно, я писал в нескольких письмах. Ко всему писаному добавлю еще одно, а именно: сделайте мне подушку для похода, а лучше всего возьми одну из твоих маленьких. Сделай к ней три серых холщовых наволочки. Рубашек шелковых шейте только 6 штук. Сделайте мне небольшой холщовый мешочек для сахара вместимостью фунтов в пять; такой же мешочек, только поменьше – для чаю. Шубу шейте попросторнее на манер черкески и покройте обязательно серым сукном. Это форма. На дорогу мне приготовьте сухарей, только меньше в тесто кладите сахару и яиц, а то слишком бывают приторны.

Относительно Федота отвечайте телеграммой: оставлять вам его или взять с собой. Баратову говорил относитель-

но того, чтобы быть ему крестным отцом нашей дочери; он согласен. Далее. Я писал Иналуку относительно лошади; он мне ответил, что дарит мне коня. Спасибо ему, что помог. Интересно, какую только лошадь он мне дарит. Сегодня похоронили мы бедного Иосиф Максимовича. Он умер от кровоизлияния в мозг. На него предстоящий наш поход так подействовал, что ровно через неделю не стало его. Последний вечер он сидел у нас и слушал мою игру на мандолине, а утром, напившись стакан чаю, незаметно скончался. Царство ему небесное.

Я тебе удивляюсь, что всегда пишешь такие сухие письма. Неужели трудно написать, как здоровье детей, а особенно Сослана. Наверное, думаешь, что я не человек, а камень. Кроме того, иногда пишешь, будто кто тебя торопит. По-моему, писать нужно обо всем, да побольше. Скажи, пожалуйста, доходят ли до вас мои телеграммы. Не знаю, насколько верно, но здесь уверяют, что письма доходят скорее, чем телеграммы. Мое копченое мясо до сих пор еще держится. Едим его с кашей. Заурбек здоров и по-прежнему жалуется на Меретхан, что она ему так часто и так много пишет.

Вчера вечером, не ночью, я видел свой сад. Ну как он из себя? Заменили ли померзшие деревья? Ну пока пусть будет довольно с тебя. Завтра, может, надумаю еще что-нибудь написать. Где Еличка? Ты спрашиваешь, получил ли Баратов твою поздравительную телеграмму. Получил и благодарит тебя. Я поседел совсем, так что не узнаешь своего дигорона. Хотя я раньше рвался на войну, но теперь страшно бы хотелось скорее уехать отсюда в свой бедный уголок: там отдых, любовь, покой.

Кланяются все наши. Будьте все здоровы и храни вас Бог.

Любящий тебя Блашка.

16-го июня.

Адрес: Действующая армия, Сунженско-Владикавказский казачий полк, мне».

1905 г.

Через два дня, 18 июня 1905 года, Блашка был убит (четырьмя пулями в живот) в окрестностях маньчжурского населенного пункта Санвайцзы при штурме японского фортификационного сооружения.

Комментировать письма, наверно, излишне, приведу лишь список упоминаемых лиц, сведения о которых смогла найти.

Перепетуйей Петровной он называет сестру будущей жены Раису Иналуконву Гайтову (в замужестве Келер), которая желала видеть его зятем, но отец, после того как Блашка посватался к его дочери Надежде, «тянул с ответом» три года. Конечно, богатый отец видных невест, которые ни в чем нужды не знали, желал им и зажиточных мужей, чем Блашка похвастаться не мог. Государево жалованье на военной службе в ТКВ было единственным источником дохода, который позволял более-менее достойно содержать семью.

Виктор Серебряков – двоюродный брат по матери Хаджи-Мурат Асланбекович Даутоков, в крещении Виктор Никифорович Серебряков (родился в 1876 г. – расстрелян в 1921 г.), крещеный кабардинец, сын офицера-казака станицы Луковской, родился в станице Ново-Осетинской. Виктор из семьи знаменитых в Кабарде Серебряковых-Даутоковых.

Нало – очевидно, это Николай Николаевич Татонов, есаул 1-го Волгского полка (на 1892 г.) Родился 11 января 1846 года. Участник Русско-турецкой войны, получил четыре ордена.

Далу – родная сестра Блашка.

Надя – жена Блашка (в девичестве Гайтова).

Сослан (1902 г. р.) – сын Блашка, в крещении Николай.

Саусатаг (1904 г. р.) – дочь Блашка, в крещении Раиса.

Баратов – Николай Баратов (1865–1932), настоящая фамилия Бараташвили, с 29 марта 1901 года – командир 1-го Сунженско-Владикавказского полка. Участник Русско-японской войны.

Иналук – Иналук (Георгий) Тасоевич Гайтов, тесть Блашка. Полковник, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, сын основателя с. Ардон, друг Коста Хетагурова и генерала Скобелева.

Хан-Кенды (нынешний Степанакерт) – город в Нагорном Карабахе, Азербайджан, а в то время Елизаветпольская губерния. Там дислоцировался 1-й Сунженско-Владикавказский казачий полк, где служил подъяесаул Блашка Гуржибеков.

Кошерхан – троюродная сестра Блашка по матери, дочь Темболата Тургиева, впоследствии первая женщина-врач Осетии. В свое время она подарила Борису Андреевичу Алборову рукопись стихотворения Блашка «Мæлæг æфсæддон» («Умирающий воин»), которое автор читал ее родителям в их пятигорском доме, куда ее семья переехала в 1898 году.

Тургиевы – близкие родственники по материнской линии.

Гуза – мать Блашка. Родилась в семье Никиты Тускаева и дочери Али Тургиева.

Бета Занкисов – Петр (Бедта) Васильевич Занкисов, родился 28 июня 1868 года. Сын офицера ТКВ, из осетин-казаков станицы Ново-Осетинской Моздокского отдела Терской области. Полковник. Окончил Владикавказское реальное училище, Ставропольское казачье юнкерское училище в 1891 году. Подъесаул 1-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ.

Геор (Георгий) Татонов – уроженец станицы Ново-Осетинской Терской области, казак. Сын отставного есаула, был хорунжим в 1-м Сунженско-Владикавказском полку Терского казачьего войска, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах.

Татархан Генардукович Абисалов – из дигорских баделят Владикавказского округа Терской области. Есаул 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка, подъесаул – с 1 июля 1904 года, участник Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Люба Барагунова – родная сестра Никифора Семеновича Даутокова-Серебрякова, уроженка ст. Луковской Моздокского района. Будучи хорошо образованной, открыла и возглавляла во Владикавказе школу-пансион для горских детей, одна из первых марксисток (по сведениям А. Казакова).

Дзерасса ХЕТАГУРОВА

«ВОЛЧЬЯ ДОЛЯ»:
тема абречества в осетинской литературе
конца XIX — начала XX века

В оформлении использован эскиз Виктора фон Гейдзельфа «Шиллер читает "Разбойников" в Болсерском лесу»

Одна из самых актуальных тем в осетинской литературе рубежа XIX–XX веков – тема абречества, которую практически каждый поэт, писатель, драматург осветил в своем творчестве. В связи с этим **актуальность** нашего исследования заключается в необходимости изучения художественно-образной структуры осетинской литературы, в которой в различных инвариантах репрезентован образ абрека и – шире – феномен абречества.

Предметом анализа являются поэма основателя осетинского литературного языка К. Л. Хетагурова (1859–1906) «Перед судом» (1893), стихотворение поэта-символиста начала XX века А. И. Токаева (1893–1920) «Абырджытæ» («Абреки, 1919), пьеса родоначальника осетинской драматургии Е. Ц. Бритаева (1881–1923) «Худинаджы бæсты – мæлæт» («Лучше смерть, чем позор», 1903), рассказы писателя и публициста А. Т. Цаликова (1882–1928) «В абреки» (1914), «Любовь абрека» (1914) и повесть писателя, революционного и общественного деятеля Д. А. Гатуева (1892–1938) «Зелимхан» (1929). **Задачи** исследования:

- 1) проанализировать произведения и выявить связи с традициями мировой и русской литературы в трактовке образа разбойника;
- 2) определить сходства и различия в образах абреков в осетинской поэзии, прозе и драматургии указанного периода;
- 3) выявить влияние эстетики различных литературных направлений на создание образа абрека;
- 4) выяснить причину тождественности понятий «абрек» и «волк» в текстах осетинских авторов.

Для решения поставленных задач мы использовали следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический, культурно-исторический, метод литературно-критического анализа. **Теоретической базой** явились труды осетинских и кавказских литературоведов, этнографов и фольклористов: В. И. Абаева [1; 2], Ш. Ф. Джикаева [9], И. С. Хугаева [23], Н. Д. Цховребова [26], В. И. Бекоева [3], Ю. В. Хоруева [22] и А. С. Мирзоева [15]. **Практическая значимость** результатов проведенной работы

заключается в возможности использования их в преподавании курсов по истории осетинской литературы на филологических факультетах РСО-А.

В осетинской литературе образ абрека представлен многопланово и объемно, в различных трактовках и аспектах. Популярность абреческой тематики в литературе Северного Кавказа начала XX века связана как с влиянием традиций «вечного образа» изгоя-разбойника в мировой литературе (от английских средневековых баллад о Робин Гуде до «Дубровского» А. С. Пушкина), так и с актуализацией в кавказском обществе социального института абречества, ставшего своего рода массовой силой протеста против несправедливости царских властей. Абречество всегда существовало на Кавказе, но с особенно яркой силой оно развилось в эпоху предреволюционную и приобрело политическую окраску.

Слово «абрек» несет в себе некую двойственность. Так, в словаре В. И. Даля: «...абрек – отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке» [8, с. 56], и в определении ученого-филолога, осетиноведа-ираниста В. И. Абаева: «...абырæг – абрек, разбойник» [2, с. 25]. Абаев пишет о том, что эта многоплановость шла изначально, поскольку в кавказские языки слово «абрек» проникло из персидских слов: бродяга и грабитель [1, с. 657]. То есть это, с одной стороны, личность неординарная, гордая, свободолюбивая, неслучайно этот образ особо популярен стал в литературе романтизма, а с другой стороны, разбойник, бандит, промышляющий грабежом, человек крайне опасный и вероломный. Абрек тем самым наделен и положительными, и отрицательными характеристиками. Именно такая сложность в первую очередь и привлекала поэтов и писателей.

Абречество как социальный институт на Кавказе развивалось постепенно. Изначально абрек – изгой, исключенный из семьи и рода, тот, «кто бросил вызов своему обществу с отжившими архаичными представлениями и нормами жизни» [22, с. 109], бежавший от проблем с адатом (свод традиционных обычаев у народов, исповедующих ислам) или кровной мезтью. Дальше, уже в XIX веке, «слово “абрек” становится синонимом всякого “немирного горца”, то есть людей, выступавших против колониальной политики царизма, ведущих партизанскую вооруженную борьбу» [15, с. 95]. Это форма протеста, которая к началу XX века приобрела уже массовый характер, создавая серьезные проблемы для колониальной политики русского правительства, – «абреки вели

упорную самоотверженную борьбу против царской администрации и представителей имущих классов» [12, с. 416].

Образ абрека пришел в авторское творчество из фольклора, где абреческие или разбойничьи песни были отдельной группой. Так, в осетинских народных песнях разграничивались понятия «абрек» и «разбойник». Первый вызывал восхищение – «храбрые, гордые и свободолюбивые люди, избравшие для себя путь дикой свободы» [3, с. 155], тогда как вторые вызывали всеобщее порицание, – это обычные грабители, за действиями которых не стоит никакая идеология, лишь жажда наживы и насилия: «...они совершали убийства и набеги на людей ради собственного обогащения» [3, с. 159]. Абрек – человек вольный и отважный, именно эти качества воспевались в народных текстах, грабеж для них хоть и преступление, но единственная форма выживания. В целом абречество было своеобразной «формой протеста против общественной несправедливости, насилия над личностью», как писал В. И. Абаев [1, с. 655]. Обычный разбойник грабит всех без разбора, а абрек – только зажиточных.

Особенно ярко образ абрека представлен в поэме «Перед судом» К. Л. Хетагурова – классика осетинской литературы, родоначальника осетинского литературного языка, поэта, публициста, художника и общественного деятеля. В творчестве Коста Левановича органично соединились эстетика романтизма и реализм, смешение стилей и направлений характерно для всей осетинской литературы, поскольку, будучи литературой молодой (возникла в конце XVIII века), она развивалась в собственном ускоренном темпе.

Произведение Хетагурова написано под влиянием традиций романтической школы. Несмотря на национальный колорит (характер героя, упоминание местных обычаев, описание горных пейзажей), прослеживается общность с поэмами классиков русской литературы А. С. Пушкина («Братья-разбойники», 1821–1822) и М. Ю. Лермонтова («Преступник», 1829). Романтизм проявляется у трех авторов в центральных образах – разные по национальности, возрасту и характерам, для всех них существует одна отрада, страсть: «Любовь к свободе золотой» [14, с. 51]. Именно вольнолюбивый характер объединяет их, делает особенными. Несомненно также влияние европейского романтизма с восточными поэмами Д. Г. Байрона и его «байроническим героем»: загадочным, мрачным, с таинственной судьбой и внутренним трагизмом. Английский классик создал образ иного, другого, отличного от основной массы людей персонажа. Романтический герой – в эту категорию попадают и центральные

образы поэм Пушкина, Лермонтова, Хетагурова. Однако если у русских классиков они однозначно маргиналы, воры и убийцы: «Опасность, кровь, разврат, обман – / Суть узы страшного семейства» [18, с. 145], как писал Пушкин о жизненном кредо разбойников, то в поэме Хетагурова представлен несколько иной образ – несомненно, преступника, но с чуткой душой романтика, вынужденного уйти в разбойники не по своей воле, а в силу социального неравенства, бедности и разорительных обычаев, человека, достойного сочувствия. Композиционно поэма представляет собой исповедь перед казнью, Эски-разбойник полностью осознает свой поступок (убийство), и кару за содеянное принимает с гордо поднятой головой. Общность в поэмах русских классиков и осетинского – это история жизни героев, то, как они стали тем, кем стали. Корни трагедии в прошлом: сиротская доля у братьев-разбойников, преступная любовь у Лермонтова и сиротская, нищенская доля у Хетагурова:

*В лохмотьях, грязный и босой
Я рос по княжеским задворкам,
<...>
Не помню ласкового слова
ни от кого, – всегда лишь раб,
Холоп, – и ничего другого!* [21, с. 104–105]

Будучи человеком чувствительным, Эски-разбойник Хетагурова обречен на лишения с детства, обделенный родительской любовью и дружеским участием. Глубоко переживая несправедливость устройства жизни, порочность общества, где ценятся только власть, высокое социальное положение и деньги, он нашел для себя истинное применение, в чем душа находит гармонию – работа пастухом на природе. Именно последняя излечила его страдающее сердце:

*Как я любил шум водопада,
Вершины гор, небесный свод
И скал задумчивых молчанье!* [21, с. 106]

Восхищает героя природа родного Кавказа, величественная, молчаливая, лишенная суетности людской жизни, коварства и злобы. Мир природы и животных – это его личная Аркадия:

*Я понял птицы щебетанье,
Невнятный шепот, шум лесов,
Я чутко отвечал на зов
Орла, парящего в лазури* [21, с. 106].

Однако идиллия единения с природой длилась для героя недолго, он встретил свою роковую страсть, любовь, хоть и взаимную, но никак невозможную в мире, где главное условие счастья – социальное положение и выплата калыма за невесту – преграды для бедного, безродного пастушка непреодолимые:

*Я полюбил весь мир, весь свет
И дерзко требовал в ответ
Себе какой-то жизни новой –
Свободы, равенства и счастья...
<...>*

А встретил ненависть и смех [21, с. 108–109].

На абреческую стезю персонажа поэмы толкнули роковые действия: желание жениться (нарушение сводов традиционных обычаев Кавказа), отказ семейства невесты, убийство жениха Залины (невесты лирического героя), бегство в горы как попытка избежать кровной мести за совершенное преступление.

Подобная судьба характерна для абрека, ведь одним из источников «абречества было грубое нарушение адата, родовых и общинных правил поведения, святость которых считалась незыблемой. Посягательство на вековые морально-этические устои общества, на которых созидалась сама жизнь этноса, было равносильно самоубийству и несмываемому позору. Такие нигилисты... изгонялись. Очень часто молодые люди становились абреками из-за убийства на почве ревности» [22, с. 126–127]. Именно это и происходит в поэме Коста Левановича.

Образ лирического героя у Хетагурова представлен объемно – в генезисе, в развитии от человека природы до убийцы-разбойника. Будучи пастушком: «Любил я жизнь, любил свободу...» [21, с. 106], тогда как, став абреком, он потерял все, что ему дорого и ценно: «Мир меня не манит, – / Мне в нем не дорого ничто» [21, с. 104].

Эски-разбойник не питает иллюзии относительно своего будущего:

*Как с грязной ношей своей,
С преступной жизнью без боязни
Всегда расстаться я готов* [21, с. 104].

Здесь можно провести параллель с образом другого известного разбойника эпохи романтизма – Карлом Моором, героем пьесы Ф. Шиллера (1759–1805) «Разбойники» (1781). У Шиллера эволюция персонажа представлена не только в плане психологического

портрета: от бунтаря, прогрессивного ума современности до убийцы и изгоя, но и на вербальном уровне, в обозначении персонажа: в начале пьесы он Карл Моор, а к концу – Разбойник-Моор, автор четко показал потерю имени и сущности, ведь убийства, какой бы цели они не служили, ожесточают и уничтожают суть любого человека, как благородны бы ни были их стремления и желания. Так и герой Хетагурова с утонченной душой поэта, воспевающего красоты родного края, ступив на путь разбоя, изменяет себе и, как кару, без сожаления принимает смерть, с одной лишь просьбой (как типичный романтический персонаж): передать привет прощальный его возлюбленной – Залине.

В начале XX века в осетинской литературе ощущалось существенное воздействие идей модернизма, что особенно ярко проявилось в творчестве А. И. Токаева – поэта, драматурга, художника, новатора осетинского стихосложения (впервые ввел форму сонета). Тема абречества присутствует в его поэзии, где помимо традиций романтизма ощущается и влияние эстетик символизма и экспрессионизма.

В стихотворении «Абырджытæ» («Абреки», 1919) Алихан Инусович создает обобщенный образ разбойника, человека иного, изгнанника-маргинала, противопоставленного человеческому обществу и самому себе:

*Уйдон дæр рухс цардмæ рагæй бæллынк,
Марынк уæддæр ма 'мæ давынк.
Сау хъæды фæндæгтыл уйдон мæлынк,
Ахсынц сæ, дардмæ сæ сафынк [20, ф. 121].*

*Они тоже с давних пор стремятся
к светлой жизни,
Но все равно убивают и грабят.
Умирают они на дорогах в дремучем лесу,
Ловят их, ссылают далеко на верную гибель...*

(Здесь и далее все цитаты из осетиноязычных текстов приводятся в подстрочном переводе автора статьи. – Д. Х.)

В тексте представлено гипертрофированное изображение страдальцев, гонимых людьми, воров и убийц, которые тем не менее стремятся к гармоничной, праведной, светлой жизни («рухс цард») – цели, заведомо для них недостижимой. Гротескное желание света усугубляет тяжесть разбойничьей жизни, прав был Карл Моор Шиллера, рассуждая: «Узник позабыл свет солнца, но мечта о свободе, как молния, прорезала ночь вокруг него, чтобы сделать

ее еще темнее» [28, с. 89]. Так и для абреков Токаева страсть светлой жизни делает действительность еще невыносимей и черней.

Если у Хетагурова абрек – это личность с именем, характером и судьбой, то в стихотворении Токаева нет как такового лирического героя, автор обезличивает разбойника, наделяет его качествами универсального изгоя, который скитается в лесах и горах, как волк.

Следует отметить, что как бы ни был представлен образ абрека в осетинской литературе (порицание, восхищение), неизменным остается сравнение его с волком. Абреков отождествляли с волками еще издревле, в осетинском фольклоре есть много подобных пословиц: «Абрек как волк: то он бывает слишком сыт, то голоден» – «Абырæг бирæгъау у: куы – фырæфсæст, куы – 'ххормаг» [7, ф. 253] и т. д. Сравнение их неслучайно по многим причинам: волки, как и абреки, действуют набегам, воруют пищу (скот) у людей; абреки живут шайками в лесу, как волки стаями, но при этом волк всегда одиночка, как и абрек. Образ абрека обладает звериными чертами, волчьими в характере: свободолюбие, смелость, решительность, также злость, отчаянность, жесткость, вероломство. Отношение к абрекам в народе зачастую не отрицательное, это связано не только с тем, что многие абреки помогали беднякам, но и еще, возможно, что, отождествляясь с волком, разбойник становился кем-то большим, ведь «главным тотемным предком у осетин, как свидетельствует нартовский эпос, был волк – Уархаг» [10, с. 137].

Волк как прародитель рода – несомненно, один из центральных символов не только в осетинском фольклоре, но и в литературе, ведь «именно тотемные животные выступали опорными точками этнического мировоззрения, а затем эти образы получили художественно-эстетическую трансформацию в национальной литературе» [19, с. 235]. Это делает образ абрека более глубоким, связанным с древними верованиями, фольклором. Сравнение абрека с волком рефреном проходит через все литературные тексты, что говорит о том, что эти образы являются взаимозаменяемыми, тождественными как для традиционного, архаичного сознания, так и для собственно авторского мировосприятия. И волк, и абрек для осетинской культуры являются архетипичными образами, вечными, кочующими из фольклорных текстов в литературные. «Волк» для абрека является своеобразным вербальным маркером, который несет строго определенное смысловое наполнение, тем самым становясь понятным каждому, кто читает любое художественное произведение с абреческой тематикой.

В стихотворении Токаева сравнение абрека с волком встречается практически в каждой строфе: «Хæмпæлы бадгайæ бирæгъхуызæй» [20, ф. 121] – «В бурьяне, как волки, сидят»; «Бирæгътæ афтæ ыстонгæй, зыдæй / Комкоммæ хъæутæй фæдавынц» [Там же] – «Так же и волки с голода, жадно, / Открыто из сел воруют»; «Бирæгъау сау хъæды зылынц, цæрынц. / Фæндæгтыл искæйы марынц» [Там же] – «Как волки, в темном лесу скитаются, живут. / На дорогах кого-нибудь убивают». У Алихана Инусовича в абреках волчье – не злость, не смелость, не вольнолюбие, а вечный голод, бродяжничество, грабеж и убийство. Это не совсем тот романтический, благородный, таинственный разбойник, созданный в мировой литературе, у Токаева он – человек-зверь, затравленный, обреченный, живущий в дремучем лесу, но стремящийся душой к свету. Образ абрека Токаев дополняет сравнением не только с волком, но и с его противоположностью – зайцем, создавая гротескное противопоставление, соединяя невозможное в одном: «Сусæгæй, тарæй тæрхъусау тæссæй» [Там же] – «Тайно, в темноте, как зайцы, боязливо»; «Тæрхъусы фæзмæлдæй уыдон тæрсынц» [Там же] – «Заячьего шороха даже боятся».

Основные эмоции, что отражает искусство экспрессионизма: страх перед жизнью, искажение традиционных представлений, воспевание ужаса и страдания бытия, культ смерти. В литературе экспрессионизма «персонажи почти лишены конкретной индивидуальности; преобладают не столько типизированные, сколько условно-символические обобщенные лирические или гротескные образы» [13, с. 72]. Экспрессионистичный, обобщенный образ страдальца создает и Токаев, его абрек отличается гротескностью: грабит и убивает, как волк, но при этом боится любого шороха, как заяц; стремится к светлой жизни через грабежи и преступления; у него нет родни, и каждый человек ему – враг. Абреки таятся и нападают на своих жертв, так же и на них охотятся кровники, казаки, армия, представители власти. Абреков уничтожают преследователи, и сами они умирают на темных лесных тропах, их жизнь бесконечно мрачна – это замкнутый круг, существование, лишенное будущего: «Тарæй, æнкъардæй сæ цардмæ кæсынц, / Хъæлдзæг цард уыдон нæ зонынц» [20, ф. 121] – «Мрачно, грустно на свою жизнь смотрят, / Веселой жизни они не знают».

Интересна последняя строфа, где вступает голос автора, который сочувствует абрекам и выражает любовь, обращаясь к ним как к малым детям:

*Ме 'ххормаг гобитæ, уарзын уæ æз,
Зоны мæ зæрдæ уæ тар зын.
Тар хъæд уын сафы уæ тых æмæ рæз.
Уарзын, зæрдæйæ уæ уарзын [20, ф. 122].*

*Мои голодные немые, я люблю вас,
Знает мое сердце ваше тяжкое горе.
Забирает темный лес ваши силы и рост.
Люблю вас, от всего сердца люблю...*

Сочувствие и любовь здесь несколько преувеличены, чрезмерный акцент на чувствах отсылает к традициям сентиментализма.

Также в стихотворении, кроме звериной символики, присутствует образ темного леса, в котором всю жизнь скитаются и страдают абреки. Лес – «лабиринт страстей и инстинктов, где человек теряет себя; он должен обуздать свои пороки, чтобы отыскать, наконец... свет» [11, с. 215]. Именно потеря личности и бесконечные блуждания отличают абреческую жизнь в целом. Лес – традиционное место обитания разбойников (Шервудский лес в балладах о Робин Гуде, богемские леса в драме Ф. Шиллера «Разбойники»), только там можно скрываться от людей и нападать в поисках пропитания, это вынужденный дом, в который никто не придет по своей воле. «Какая в темные леса / Тебя влечет беда?» [17, с. 19] – вопрошает легендарный разбойник Робин Гуд. Только личная трагедия может вынудить человека отказаться от общества для скитаний в чащах. Несмотря на то что в балладах Робин Гуд представляется веселым удальцом, сам же он прекрасно знает цену жизни разбойника в лесу.

Стихотворение Токаева, созданное в 1919 году, демонстрирует слияние идей романтизма (образ изгоя, противостоящий обществу), символизма (звериная символика, отсылка к бессознательному и архетипичным образам), экспрессионизма (обобщенный образ безнадёжного страдальца, обреченного на страх и скорую смерть) и сентиментализма (в последней строфе – гипертрофированное признание автора в любви к абрекам).

В пьесе родоначальника осетинской драматургии Е. Ц. Бритаева (1881–1923) «Худинадзы бæсты – мæлæг» («Лучше смерть, чем позор», 1905) также затрагивается тема абречества. Если разбойники К. Хетагурова и А. Токаева достойны жалости и сострадания, то Бритаев открыто обличает абрека Кирима, когда-то достойного человека, который избрал путь разбоя, закончившийся убийством его друга и побратима Ахмета.

Кирим не родился убийцей и вором, так же как и Томас Моор Ф. Шиллера, герой представлен в развитии. Неслучайно

центральная тема пьесы – честь и как ее представляют два человека: вор Кирилл и простой труженник Ахмет. Два друга пошли разными путями. Когда-то и Кирилл был обычным горцем, однако после конфликта с русским приставом у него возникла дилемма чести: стерпеть или отомстить? Он выбрал второй путь, в результате некогда достойный человек сделался вором, лишенным принципов, знающим только собственную выгоду и свободу во что бы то ни стало. Пьеса открывается монологом Кирилла, в котором он характеризует себя: «Æз цы дæн? Йæ иунæг койæ æмбæхсгæ кæмæй кæнынц адæм, уыцы абырæг!» [5, ф. 34] – «Кто я? От одного лишь упоминания которого люди прячутся – такой абрек!» Также персонаж Бритаева по традиции сравнивает жизнь абрека с волчьей, говорит об обычном человеке, который может стерпеть и обиду, и потому «Мæнау балон бирæгъы тæзгъо нæ кæнид» [Там же] – «Он не рыскал бы, как я, подобно волку из стаи». Как волк в вечных скитаниях, Кирилл стал чужд традиционному обществу, ценности людские стали пустым местом для него, даже дружба потеряла свое значение, и «со временем его первоначальные представления о добре и справедливости рушатся окончательно» [16, с. 14].

Кирилл задумал достать себе лошадь, а его когда-то лучший друг Ахмет работает пастухом, сторожит сельских лошадей. Кирилл решает обратиться к нему с просьбой поспособствовать в краже, а если тот не согласится – выкрасть лошадь. Ставя себе подобную цель, Кирилл прекрасно осознает, что честь, которая толкнула его на путь абречества, есть у Ахмета, и она не позволит ему пойти на сделку с вором. Тем самым разбойник Кирилл, сохранив собственную честь (как он считает), заставляет погрязнуть Ахмета свою и предать доверие сельчан. В этой связи видный осетинский ученый-филолог Ш. Ф. Джикаев пишет: «Драматург æвдисы, удыхъæд куыд хæлы, адæймаг дæградаци куыд кæны, уыцы процесс» [9, ф. 409] – «Драматург показывает, как теряет достоинство, как деградирует человек, этот процесс». Центральный конфликт пьесы – противостояние двух некогда близких друзей: «Мæнгард, æгъатыр, æнæфсарм абырæджы ныхмæ лæууы хуымæтæг ирон лæг» [Там же] – «Против бесчестного, безжалостного, бессовестного абрека стоит простой осетинский мужчина». Каждый действует из собственных трактовок чести: для вора – это лишь его желание, которое важнее всего, для Ахмета – это доверие односельчан, невозможность идти на сделку с подлецом даже во имя спасения собственной жизни. Противостояние завершается гибелью обоих героев, в схватке убивающих друг друга.

Перед началом финальной битвы Кирил осознал, что для него это закончится смертью, но он согласен на нее, только если уйдет не один: «Ме 'рдхордимæ хъуамæ мæрдты дæр иумæ уæм» [5, ф. 52] – «С другом обязаны и на том свете быть вместе». В данном случае это, с одной стороны, эгоистичное отчаяние, но также и вывернутое понятие о дружеской верности и любви, ведь в силу выбранной воровской судьбы он не смог пройти всю жизнь бок о бок с другом, как и должен был, поэтому хоть в смерти они будут вместе. Кирил потерял лицо, свою суть праведного человека, но он далеко не глуп, честен в какой-то мере, разбойник прекрасно понимает, что заслуживает смерти, и осознал трагический комизм ситуации: он умрет в попытке украсть коня, не на войне, не в благородном поединке, а так, не из-за чего: «Фынддæс азы фыдæбон иу бæхы тыххæй сæфы» [5, ф. 52] – «Пятнадцать лет страданий пропадают из-за одной лошади». Тогда как Ахмет принимает смерть ради сохранения своего праведного имени, и неважно, что в основе: помешать краже чужого коня или защитить отечество. Все это одно – вопросы благородства и самоотверженности.

Показательны последние слова двух бывших друзей. Ахмет, умирая, завещает брату: «Худинаг дæ сæрмæ ма сх...æсс!» [5, ф. 53] – «Позором не покрой свою голову!» – честь превыше всего. А Кирил восклицает: «Гъе, æллæх! Цæй тыхджын хоныс дæхи, лæг! Цæй æдых... дæ...» [5, ф. 53] – «О, аллах! Каким сильным считаешь себя, человек! И какой слабый... ты есть...» Кирил признал свое поражение перед Ахметом, но также в философском плане перед лицом смерти признал слабость, конечность человеческой жизни с ее земными, ничтожными страстями. Два центральных характера пьесы – Кирил и Ахмет – решены в традициях реализма, поскольку они типичные герои в типичных обстоятельствах в осетинском обществе начала XX века (абрекор и простой, честный труженик).

В рассказе А. Цаликова «В абреки» судьба главных героев, так же как и в пьесе Бритаева, изменилась из-за коня. А. Цаликов «показывает типичный случай, который мог сделать вполне мирного и благородного, но темпераментного и самолюбивого кавказского мужчину разбойником» [4, с. 79]. Двое табунщиков Даука и Буцка повздорили из-за того, кто имеет право скакать на вороном коне. Ссора закончилась гибелью Даука, тогда как Буцка, стоя над трупом товарища и проклиная судьбу, осознал, что единственный путь теперь для него – темный лес и безрадостное существование абрека. В миниатюрном рассказе писатель показал, как горячий нрав может сослужить плохую службу молодому

человеку, сломать его жизнь. Буцка обладал взрывным темпераментом, был готов вспылить из-за пустяка: «Поэтому товарищи его недолюбливали, а это делало его еще более раздражительным и подозрительным» [24, с. 62–63]. Характер предопределяет будущее: в приступе ярости убив человека, он не почувствовал раскаяния, но, осознав содеянное, чувствует лишь только горечь непоправимой ошибки и принимает решение, «в котором была роковая безнадежность» [24, с. 64].

В рассказе центральное место отводится злему року, который ведет героя. Интересно также, что и природа вторит судьбе Буцка: схватка и убийство произошли темной ночью. Осознав содеянное, герой ищет помощи у родных гор, высокого звездного неба, но оно «было немо и безучастно. <...> И понял он, что так же холодно-безучастна к нему судьба...» [24, с. 64]. Единственный выход для убийцы – жить в темных чащах, это его будущее и в прямом (герой видит вдали лес), и в переносном смысле: существование абрека мрачно и безрадостно, подобно скитаниям в лесу. Теперь Буцка, как в свое время благородный разбойник английских баллад Робин Гуд, узнает, «как спать в лесу / На камнях и корнях» [17, с. 17], хотя слово «благородный» и нельзя применить к герою рассказа Цаликова, но общие тяготы разбойничьей жизни объединяют их.

Природа равнодушна к преступнику, человеку, совершившему убийство, которого вполне можно было избежать. Авторское присутствие в тексте выражается именно через природу. В отличие от других цаликовских произведений, «где она помогает людям хорошим и мешает негодьям» [4, с. 79], здесь она равнодушна к убийце, тем самым и Ахмед Цаликов не выражает сочувствия или осуждения, он лишь констатирует, что убийство приводит героя на единственно возможный путь – на дорогу абречества.

В другом рассказе «Любовь абрека» А. Цаликов показывает трагедию любви разбойника Сосланбека. Романтические страсти бушуют в тексте. Природа двигает сюжетом: встреча Сосланбека и его возлюбленной Дзамирет произошла в яростную бурю, которая выворачивала деревья с корнями; спасаясь от непогоды, путник попросил крова в сакле, где живут брат и сестра. Любовь зажглась мгновенно, с первого взгляда, без слов. Тяжелый рок преследует влюбленных, их чувство родилось вследствие жестокой непогоды – и любовь для центральных персонажей явилась той же разрушающей силой. Покинул радушный кров Сосланбек с примечательными словами: «Пока Сосланбек жив, Сосланбек, которого народ зовет “волком лесов”, – он не забудет гостеприимства, оказанного ему под этим кровом» [25, с. 69]. В рассказе Ца-

ликова волк как традиционный символ абречества закреплен за разбойником как второе имя: «волк лесов» – прозвище главного героя, опасного скитальца.

Сосланбек, повстречав Дзамирет, решает, что ему дается шанс вновь стать честным человеком. Он планирует бежать с возлюбленной в Стамбул, где никто не знает его и он сможет жить счастливо. Но судьба у Цаликова к абрекам не благосклонна, собственно, как и в реальности: нет романтики в жизни в горах, только скитания, страдания и ранняя смерть. Так и с Сосланбеком: пока он вынашивал план бегства, его любимую похитили, украли из сакли. Сосланбек отыскал насильников, убил их, но Дзамирет, не снес позора, умирает на руках брата и возлюбленного. Теперь для разбойника нет надежды, его душа ожесточается. Потеряв любовь, Сосланбек теряет и остатки человечности: «Будто дьявол вселился в его душу» [25, с. 70–71], убивает он и женщин, и детей, не знает жалости. Проводя параллели, можно утверждать, что и Сосланбек Цаликова мог бы воскликнуть, как когда-то оклеветанный перед отцом, потеряв возлюбленную, шиллеровский Карл Моор в начале драмы «Разбойники»: «...пусть же кровь и смерть научат меня позабыть все, что было мне дорого когда-то!» [28, с. 45]. Чужой кровью Сосланбек и Карл Моор пытались заглушить память, однако жизнь абрека-разбойника, не освещенная светом любви, всецело становится «полной мерзости и позора» [28, с. 127], по предельно точному определению прозревшего разбойника Моора в конце пьесы, осознавшего всю суть существования любого преступника, вне зависимости от того, что именно его толкнуло на подобный путь. И естественна скорая смерть, которая настигла героя рассказа Цаликова: «Однажды охотники нашли в глубокой пропасти обглоданный волками труп человека...» [25, с. 71]. Символично, что труп обглодан волками – это следствие того, как Сосланбек погубил сам себя, разорвал изнутри, волк в его душе вырвался наружу, растерзав его собственную душу. Цаликов констатирует, что судьба любого абрека ведет к трагической гибели, нет ему спасения, нет надежды для кровожадного разбойника, только смерть ждет его, одинокая, среди равнодушной и величавой природы.

В рассказах Цаликова прослеживается влияние идей романтизма и реализма. От романтизма – внимание к стихийным силам природы (ветер, гроза), с которой отождествляются все душевные движения героев-абреков. От реализма взяты сами сюжет и образы: типичные истории из жизни осетинских сел и их жителей.

Повесть Дзахо Гатуева «Зелимхан» посвящена истории жизни самого известного абрека начала XX века Зелимхана Гушмазукаева

(1872–1913). Последовательно автор показывает, как простой горский труженик стал абреком, грозой всего Кавказа. Автор видит политические мотивы в абречестве Зелимхана, основа которого – протест против беззакония царских властей и несправедливости кавказских народов. Его бунт – пока первые шаги к осознанию социальной несправедливости и стремление к революции, которую Зелимхан ассоциировал со свободой. Но пока, будучи гордым кавказцем, он думал о том, что единственный способ добиться правды для него – убийство обидчиков. Гатуев методично проследживает трагический путь Зелимхана, который начинается с проблем кровной мести и заключения под стражу.

Спорная ситуация возникла вследствие попытки женить младшего брата Солтамурада, что привело к неожиданному конфликту: родственники девушки отдали ее за другого. Стычка между молодыми людьми из соперничающих фамилий привела к гибели родственников Зелимхана. В попытке отомстить за честь брата Зелимхан убивает представителя семьи, укравшей невесту Солтамурада. Зелимхана осуждают, он бежит из заключения и становится абреком. Однако сам Зелимхан никогда не хотел такой судьбы, это вынужденная мера: с одной стороны, устаревшие обычаи с проблемой кровной мести, с другой – несправедливость кавказских народов, к проблемам которых российские власти мало прислушивались. Несколько раз в повести показано, как Зелимхан противился судьбе абрека, пытался найти компромисс с царскими властями, но возможности вернуться к честной жизни ему не дали. Автор поставил себе цель рассказать максимально правдивую историю Зелимхана, он намеренно исключил себя из текста, стремясь представить только факты. Неслучайно в конце повести Гатуев приводит несколько реальных писем абрека к властям, в которых он пытается найти компромисс, но ни одно его письмо не было услышано.

Власти преследовали не только Зелимхана, но и его семью и родственников. Из-за гонений в абреки ушли его братья и отец, его жена и дети были заключены в тюрьму. Все это ожесточило душу Зелимхана: его характер представлен в развитии, его деяния – разбойника и убийцы – это то единственное, что гордый горец мог противопоставить диктату властей: «Зелимхан думал, что если уж заставляют его волчьей жизнью жить, то и нрав у него должен быть волчий» [6, с. 39]. Гатуев, следуя традиции, так же как и другие осетинские авторы, обращается к волчьей символике, отождествляя жизнь волка и абрека. Стечение обстоятельств, несправедливость и несправедливость коренного кавказского населения

вынудили крестьянина Зелимхана стать разбойником Зелимханом. Из года в год он становился все более неуловимым и опасным, его популярность среди простого населения вышла на новый уровень, он предстал в качестве своеобразного лидера, нового вождя, им восхищались, посвящали ему песни, смотрели как на освободителя, ведь Зелимхан отстаивал «не только собственную независимость и свободу, но и своего народа» [26, с. 193]. Встав на путь насилия, он пытался добиться правосудия насилием и убийствами: в апреле 1906 года Зелимхан убил начальника Грозненского округа подполковника Добровольского, в 1908 году – начальника Веденского округа полковника Галаева. Несомненно, что поимка Зелимхана стала для властей первостепенной задачей.

Гатуев создает объемный образ героя – несомненно, убийцы, разбойника, но при этом не лишено моральных принципов и правил. Показательна молитва Зелимхана, в которой он предстает человеком рефлексирующим, пытающимся поступать правильно: «– Аллах, – просил, – если я задумаю что-нибудь несправедливое, то отврати мои мысли и удержи мою руку. Если я задумаю дело правильное, то укрепь мою волю: сделай глаз мой метким и руку твердою. Прости мне мои грехи, прости грехи всем несчастным, вынужденным идти моею дорогою» [6, с. 46]. Зелимхан – простой, но не примитивный, он прекрасно осознает свою личную трагедию и проблему всех тех, кто стал на путь абречества. Он понимает, что его ждет скорая смерть загнанного зверя, волка, на которого охотятся силы, превосходящие его собственные.

Зелимхан представлен в тексте еще и как мудрый руководитель, он создал кодекс абрека, с его правилами и законами:

- «– Ночью не курить.*
- Винтовку держать в чистоте.*
- Лошадей под седлом.*
- Мало говорить – много слышать».*

[6, с. 80–81]

Герой предельно четко осознает, что есть абречество: «Абречество – это не война. Абречество – не единоборство. В абречестве один за себя и один за всех. И один против всех» [6, с. 54]. Волчья судьба – то, что избирает любой абрек, гордая жизнь в скитаниях, но отягощенная грабежами и убийствами, выход из которой – смерть или заключение. Единственное спасение, после того как Зелимхан понял, что договориться с властями невозможно, – это побег в Турцию, это последний шаг, который он хотел совершить. Но планы его не осуществились: он был предан одним из соратников,

поэтому Зелимхана выследили и убили. Будучи тяжело больным и уязвимым, он допустил оплошность, потеряв бдительность, подпустив к себе преследователей.

Образ Зелимхана, воссозданный в повести Гатуева, подкрепляется документально, в письмах абрека, старавшегося поступать по совести (перед каждым убийством он посылал письма-предупреждения, пытался договориться сам). В письмах он – человек думающий, ищущий выход, он говорит о реальном положении дел в кавказских селах с их нищетой и беспорядком, пишет о том, что большинство ушедших в абреки «избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо, спасаясь от преследователей, приходится умирать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении» [6, с. 142].

Сам Дзахо Гатуев приветствовал революцию и был на стороне большевиков, что, несомненно, видно в тексте, но эта позиция – единственно верная и с точки зрения самого Зелимхана.

Повесть демонстрирует эстетику реализма, Гатуев создал объемный образ абрека Зелимхана, повествуя о его судьбе в третьем лице, стилизуя весь текст под манеру изъясняться простого труженика, с его четкими предложениями, простой образностью и обманчивым отсутствием эмоций, что свойственно суровым кавказцам. Благодаря этому повесть несет оттенок фольклорного произведения с внутренней красотой, стройностью и логичностью образов, лаконичностью построения предложений. Как отмечает исследователь творчества писателя И. Хугаев, текст Гатуева «организован как в высшей степени самобытное художественное явление. Очевидно, что это великолепный русский язык, но не менее очевидно, что это не русская литература. <...> Литературное наследие Дзахо Гатуева... выступает действительным фактором единства горских народов Кавказа с русским народом, на языке которого и говорят его герои со своим неповторимым ментальным акцентом» [23, с. 7]. Именно особый ментальный акцент отличает творческую стилистику повести Гатуева, в которой язык «красив и колоритен, повествование движется по каким-то неписанным законам самобытной поэтики горской речи, рубленые фразы кажутся кристаллами. Во всем повествовании чувствуется сдержанность, таящая в себе силу» [27, с. 12–13].

Дзахо Гатуев в повести об абреке Зелимхане Гушмазукаеве рассказал историю жизни, проследил путь героя и предоставил

читателю самому делать выводы о причинах, действиях и последствиях жизни самого известного абрека начала XX века. Гатуев следует традициям реализма в попытке отстраниться от персонажа для создания полноценного, правдивого образа абрека. Кроме того, ощущается влияние идей модернизма на язык изложения и творческую манеру осетинского писателя как следствие эксперимента с обновлением художественного языка и поиском новых способов художественной выразительности.

Выводы, к которым мы пришли в ходе исследования, следующие: актуальность темы абречества для осетинской литературы объясняется несколькими причинами – спецификой региона (традиции, обычаи), революционным временем начала XX века, когда абречество стало некой примитивной силой протеста против политической системы, трансформацией вечного образа «благородного разбойника» в национальном художественном творчестве.

Трактовка образа абрека в анализируемых произведениях строится в традициях того или иного литературного направления. Так, влияние романтизма пролеживается в текстах Хетагурова, Токаева и Цаликова, элементы реализма – в текстах Бритаева, Цаликова и Гатуева. Кроме того, идеи сентиментализма, символизма и экспрессионизма проявляются в стихотворении Токаева. Общность в построении образа абрека у выбранных авторов обнаруживается в сравнениях абрека и волка, рефреном проходящих через все произведения, что объясняется традицией, прослеживающейся еще с фольклорных текстов. Схожесть между абреком и волком – как в общих чертах характера и поведения (вор, хищник, жизнь в стае, преследуемый), так и в изначальной тождественности архетипических образов волка и разбойника в осетинской культуре.

Достойные сочувствия, сострадания образы абреков представлены: у Коста Хетагурова в силу влияний традиций романтизма, когда исключительный герой противопоставляет себя несправедливостям человеческого общества; у Алихана Токаева – за счет гуманистических взглядов автора на жизнь, полную страданий и гонений, лишённую света и надежды. Осуждаются абреки как люди вероломные, потерявшие человечность: у Елбыздыко Бритаева (друг пошел против друга) и у Ахмеда Цаликова (потеряв возлюбленную, герой мстит всему миру). Отличается трактовка образа разбойника у Дзахо Гатуева, когда автор намеренно удаляет себя из текста, создает максимально правдоподобный характер Зелимхана и дополняет литературный текст реальными письмами абрека. Зелимхан в повести Гатуева открытого порицания не заслуживает в силу того, что его путь – судьба,

продиктованная временем, которой сам герой всячески сопротивляется и безуспешно пытается выбраться на честный путь.

Традиции мировой и русской литературы у осетинских авторов проявляются в том, что на создание образов абреков в их творчестве повлияли такие известные предшественники, как отчаянный удалец, меткий стрелок Робин Гуд – герой английских народных баллад; трагический изгой, «байронический герой», созданный родоначальником английской романтической школы Д. Г. Байроном; Карл Моор – прогрессивный ум современности, а впоследствии просто разбойник Моор из пьесы классика немецкого романтизма Ф. Шиллера, а также отчаянные разбойники из поэм А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

Предпринятый нами анализ открывает **перспективу для дальнейшего исследования** мотивов, идей, популярных в осетинской литературе начала XX века, с возможностью проследить их развитие и трансформацию в современной осетинской поэзии, прозе и драматургии.

ИСТОЧНИКИ

1. *Абаев В. И.* Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. Владикавказ: Ир, 1995. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. 724 с.
2. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Л.: Наука, 1958. Т. 1. 657 с.
3. *Бекоев В. И.* Осетинские историко-героические песни с абреческой тематикой // Гуманитарные исследования. 2009. № 2 (30). С. 155–161.
4. *Белоус Л. В.* Образы абреков в рассказах и публицистике Ахмеда Цаликова // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Вологда: Маркер, 2017. С. 78–80.
5. *Брытьиаты Е.* Худинаджы бæсты – мæлæт // Брытьиаты Е. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2002. Ф. 33–53.
6. *Гатуев Д.* Зелимхан: повесть и очерки. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 15–148.
7. *Гуытьиаты Хъ.* Ирон æмбисæндтæ. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 ф.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2006. Т. 1. А–З. 752 с.
9. *Джыккайты Ш.* Фарнхæссæг аивад // Брытьиаты Е. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2002. Ф. 402–414.
10. *Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М.* Этнография и мифология осетин: краткий словарь. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 1994. 284 с.

11. *Жюльен Н.* Словарь символов / пер. с франц. С. М. Каюмова, И. Ю. Устьянцевой. Челябинск: Урал LTD, 1999. 498 с.
12. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
13. *Копелев Л.* Драматургия немецкого экспрессионизма // Экспрессионизм: сб. ст. / отв. ред. Б. И. Зингерман. М.: Наука, 1966. С. 36–83.
14. *Лермонтов М. Ю.* Преступник // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. Т. 2. Поэмы и повести в стихах / отв. ред. тома Ю. М. Прозоров. С. 46–51.
15. *Мирзоев А. С.* Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с XVIII по 30-е годы XX века // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: сб. науч. ст. по материалам Региональной науч. интернет-конф. Нальчик: Изд. отдел Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований, 2015. С. 89–108.
16. *Накусова Н. Т.* Художественное осмысление проблемы абречества в осетинской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2009. 23 с.
17. Повесть о деяниях Робин Гуда / пер. с англ. В. А. Рождественского // Полное собрание баллад о Робин Гуде. М.: АСТ, 2015. С. 9-33.
18. *Пушкин А. С.* Братья разбойники // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 4. С. 143–152.
19. *Соколова З. П.* Животные в религиях. СПб.: Лань, 1998. 288 с.
20. *Токаты А.* Абырджытæ // Токаты А. Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1973. Ф. 121–122.
21. *Хетагуров К. Л.* Перед судом // Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч.: в 5 т. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т. 3. С. 104–110.
22. *Хорув Ю. В.* Абреки на Кавказе: монография. Владикавказ: Изд.-полиграф. отдел Северо-Осетинского ин-та гуманитар. и соц. исследований, 2010. 524 с.
23. *Хугаев И. С.* Дальше на Восток: к вопросам поэтики Дзахо Гатуева // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. № 4 (18). С. 4–8.
24. *Цаликов А. В.* Абреки // Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. С. 61–64.
25. *Цаликов А.* Любовь абрека // Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. С. 67–71.
26. *Цховребов Н. Д.* Связь времен // Дарьял. 2008. № 4. С. 184–195.
27. *Шелпов Б. Ф.* Дзахо (Константин) Гатуев // Гатуев Д. Зелымхан: повесть и очерки. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 3–14.
28. *Шиллер Ф.* Разбойники / пер. с нем. Н. Ман // Шиллер Ф. Драмы. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1975. С. 25–128.

АВТОРЫ НОМЕРА

ГАЛАЗОВ Ахсарбек родился 15 октября 1929 года в с. Хумалаг Правобережного района Северной Осетии. В 1938 году его отец Хаджимурза Ильясович (р. 1905) был незаконно репрессирован и спустя несколько лет скончался в местах заключения, по-смертно реабилитирован. В 1952 году окончил Северо-Осетинский государственный педагогический институт. Кандидат педагогических наук. С 1952 по 1958 год работал учителем русского языка и литературы и завучем в Хумалагской средней школе. С 1958 по 1959 год являлся инспектором школ Министерства просвещения Северо-Осетинской АССР. С 1959 по 1960 год занимал должность директора института усовершенствования учителей. С 1961 по 1975 год Галазов был министром образования Северо-Осетинской АССР. С 1976 по 1990 год – ректор Северо-Осетинского государственного университета. С 1990 по 1991 год был членом ЦК КПСС (член КПСС с 1959 по август 1991). Избирался народным депутатом РСФСР. В ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии санкционировал оказание ей гуманитарной помощи. Выступал за мирное решение вопроса о статусе Южной Осетии, а также против выхода Северной Осетии из РФ.

В ноябре 1993 года был выдвинут кандидатом в депутаты Совета Федерации. На выборах выступал в качестве независимого кандидата.

16 января 1994 года был избран первым президентом Республики Северная Осетия-Алания. Вступил в должность 26 января 1994 года на торжественной сессии Верховного Совета Северной Осетии. Занимал пост президента до 1998 года.

Скончался во Владикавказе 10 апреля 2013 года. Похоронен на Аллее Славы с воинскими почестями.

БАТХЕН Ника (настоящее имя Вероника Батхан) родилась 28 сентября 1974 года в Ленинграде. Поэт, прозаик, журналист, критик. Автор пяти книг прозы и четырех – поэзии. Имеет множество публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Лауреат нескольких литературных премий.

ГАДАЕВ Лазарь (1938–2008) – российский скульптор. Родился в с. Сурх-Дигора Ирафского района Северной Осетии. В 1956–1960 годах учился на художественно-графическом факультете Северо-Осетинского педагогического училища, затем в Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова на факультете скульптуры, который окончил в 1966 году. С 1967 года участвовал в выставках. С 1969 года – член Союза художников СССР. В 2008 году награжден медалью «Во славу Осетии».

Автор скульптурных композиций, установленных в Ереване, Владикавказе, Сеуле, а также памятников поэтам Г. Малиеву, А. Пушкину, А. Мандельштаму, Б. Гуржибекову, писателю Т. Керашеву. Автор книги «Искурдиада» («Мольба»), в которую вошли рассказы и стихотворения в прозе на дигорском диалекте осетинского языка.

ГАЙСИНСКИЙ Аркадий родился в г. Днепрпетровске (Украина). Окончил строительный институт, работал начальником строительного управления. В 1990

году переехал с семьей в Израиль (г. Сдерот), продолжил работу по специальности. Интерес к истории всегда был важной частью жизни. Автор многих статей на историческую тему, а также книг «Русь, евреи, славяне», «Неизвестная история Руси. Три составляющие», «Путешествия евреев с Авраамом и Идином», «Радания-Русь. Упражнения в исторической логике», «Слово о "Слове"». Работы посвящены различным аспектам истории, в них приведены доказательства тому, что именно народы Кавказа и Предкавказья еще в первых веках нашей эры оказали значительное влияние на будущее европейской цивилизации.

ГАМЗАТОВ Расул (1923–2003) – аварский советский поэт, прозаик, публицист, советский и российский общественный и политический деятель, переводчик, Герой Социалистического Труда, народный поэт Дагестанской АССР, заслуженный деятель искусств Республики Дагестан, лауреат Сталинской, Ленинской и РСФСР имени М. Горького премий, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного и четырех орденов Ленина. Изданы десятки поэтических, прозаических и публицистических книг Гамзатова, который с 1951 года и до конца жизни возглавлял писательскую организацию Дагестана. Произведения поэта переведены на языки народов России и мира.

ГЕТОЕВА Лариса родилась в 1954 году в г. Алагире. Окончила филол. ф-т СОГУ, преподавала русский язык и литературу в Алагирской средней школе № 5. Много лет является руководителем Северо-Осетинской организации «Книга-Центр». Заслуж. работник культуры РСО-А. Подготовила второе издание книги «Осетинские (дигорские) народные изречения», совместно с Генрием Кусовым издала книгу «Пушкин и Владикавказ». Автор многочисленных публицистических и литературоведческих статей, опубликованных в газетах и журналах Осетии.

ГИОЕВ Петр родился в 1946 году. Врач, доктор мед. наук, академик МАИ, ЕАЕН, член Европейской и Российской ассоциации нейрохирургов. Окончил с отличием медицинский институт в г. Орджоникидзе, затем ординатуру, аспирантуру. Был старшим, затем ведущим научным сотрудником в Российском НИИ нейрохирургии. Работал в Тунисе, стажировался во Франции и США.

ГОЛОМЗИК Сергей родился в Орджоникидзе в 1956 году. С 1961 года проживал на Урале. Окончил Уральский политехнический институт по специальности «инженер химик-технолог» и Российскую экономическую академию. Большую часть жизни проработал на металлургических предприятиях: Челябинская область, Свердловская область, Северная Осетия. С 2004 по 2016 год — помощник генерального директора завода «Электроцинк». В настоящий момент – пенсионер. Постоянный член жюри бардовского фестиваля «Цейский вальс». Владелец единственного в Осетии и на Кавказе частного домашнего музея в составе Российской ассоциации частных музеев. Автор песен, стихов, прозы.

ГУРДЖИБЕТИ Фатима родилась в 1974 году в селе Дур-Дур Дигорского района Северной Осетии. Окончила экономический факультет СОГУ. На данный момент безработная.

ЗОЛОЕВ Аркадий родился в 1957 году в с. Ставд-Дорт Северо-Осетинской АССР. В 1979 году окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Был призван в ряды Сов. армии, служил в артиллерийском полку. В 2002 году начал заниматься переводами английской и немецкой поэзии на русский и осетинский языки. В 2012 году поступил на Высшие литературные курсы в г. Москве. В настоящее время продолжает свою литературную деятельность во Владикавказе. В 2016 году вышла книга «Для детей Осетии».

КОДЗАТИ Ахсар родился 30 июня 1937 года в селе Брут Северной Осетии. Там же окончил семилетку, среднее образование завершил в г. Терек Кабардино-Балкарской АССР, куда в 1952 году переехала семья. В 1956 году он стал студентом историко-филологического факультета Северо-Осетинского государственного педагогического института. В 1969 году окончил Высшие литературные курсы при СП СССР. С тех пор он – сотрудник журнала «Мах дуг». С 1977 по 1982 год – секретарь правления СП. С февраля 1986 года по февраль 2018 года – главный редактор журнала «Мах дуг». С марта 2018 года – заместитель главного редактора журнала «Мах дуг». А. Кодзати – член Союза писателей СССР с 1966 года. Автор более 25 книг и 14 сборников, в которых поэт выступает как автор-составитель.

НАДЕЛЬ Гергарт родился в 1942 году. Подполковник медицинской службы. Окончил Военно-медицинскую академию. С 1986 по 1993 год – начальник военного госпиталя г. Грозного. С 1994 года – заместитель председателя местной региональной культурно-просветительской еврейской организации «Мир-Шолом». Один из создателей при общине Мемориального музея памяти жертв и героев Холокоста им. А. А. Печерского. С 2017 года – директор этого музея. В 2019 году награжден медалью «Владикавказ – город воинской славы» за создание музея и патристическое воспитание молодежи Осетии.

РЕЗНИК Ольга – заслуженный журналист РСО-Алания, поэт, член Союза журналистов России и Российского союза профессиональных литераторов. Окончила с отличием Северо-Осетинский государственный университет. Работала корреспондентом разных североосетинских СМИ. Ныне – редактор отдела поэзии журнала «Дарьял». Публиковалась в журналах «Голос Кавказа», «Дарьял», «Горный ветер», «Страстной бульвар, 10», «Ровесники» (ДНР), «Вместе в Осетию», «Квайса», «Казарла». Автор поэтического сборника «Жизни тоненькая нить», соавтор книги «Шолом, Владикавказ!», автор сценариев документальных фильмов «Созидатель» (Владикавказ, 2018) и «Новая жизнь. Служение» (Владикавказ, 2021).

РОЗЕНШТЕЙН Юрий родился в 1955 году во Владикавказе. Окончил среднюю школу № 11 в 1972 году. Служил срочную военную службу в Советской армии в 1973–1975 годах во внутренних войсках. В 1975–1977 годах работал в обжиговом цехе з-да «Электронцинк», на хлебокомбинате – слесарем, в НИИЭМ – наладчиком. С 1977 по 1983 год учился в СОГМИ, по окончании которого 25 лет работал врачом кардиологической бригады скорой помощи, затем врачом-кардиологом в нескольких медицинских учреждениях. В настоящее время работает врачом-кардиологом в ИП Розенштейн Ю. Б.

САЛАМОВ Таймураз родился в 1945 году в семье советских интеллигентов. В 1971 году окончил ле-

чебный факультет медицинского института. Анестезиолог-реаниматолог высшей категории, мастер спорта по фехтованию, альпинист, участник групп восхождения на Эверест. Серьезно увлекается творчеством бардов, много лет занимается литературными переводами с осетинского на русский.

С 2006 по 2023 год работал ответственным секретарем и редактором отдела прозы журнала «Дарьял».

СТОЛЯРОВ Олег родился в Москве в 1965 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук, доцент. Поэт, прозаик, драматург, переводчик, военный журналист. Главный редактор альманаха «ТелескопЪ», гвардии вице-адмирал, член ООО «Офицеры России». Член редколлегии журнала «Philosophia». Автор 37 поэтических, 8 прозаических книг, 3 романов, 5 пьес, 5 научных монографий и более 200 научных статей. Стихи печатались в журналах «Литературная учеба», «Юность», «Невский альманах», «Петербургские строфы», «Параллели судьбы», «Кольцо А», газетах «Московский литератор», «Литературные вести» и др. изданиях. Лауреат премии «Серебряный Дюк» Международного литературного конкурса Дюка Ришелье (2018) и др. литературных конкурсов. Имеет государственные и ведомственные награды. Стихи переведены на арабский язык.

ХАУСМАН Альфред Эдвард родился 26 марта 1859 года в деревне Фокбери на окраине города Бромсгров (Англия). Один из популярнейших поэтов-эввардианцев. Автор стихотворной сборника «Шропширский парень» (1896), получивший широкую известность в годы Первой мировой войны.

ХЕТАГУРОВА Дэзерас родилась 27 апреля 1977 года в г. Орджоникидзе СОАССР. Окончила факультет русской филологии СОГУ (мировая художественная культура). Кандидат филологических наук («Творчество Алихана Токаева и эстетика символизма»). В настоящее время работает научным сотрудником во Владикавказском научном центре РАН.

ХУГАЕВ Ирлан родился в 1965 году в г. Орджоникидзе. В 1989 году окончил филологический факультет СОГУ. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН. Автор стихотворного («Вериги волки», 2013) и прозаического («Вечный огонь», 2018) сборников. Публиковался в журналах «Дарьял», «День и ночь», «Дети Ра», «Образы жизни» и др. Живет во Владикавказе.

ЧИГИР Виктор родился в 1988 году. По профессии живописец. Участник XVII, XVIII, XIX форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Печатался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Дарьял», «Октябрь» и др. Автор книги «Часы затмения» (2019). Живет во Владикавказе.

ШАОВ Асфар родился в 1973 году в Майкопе. Выпускник Кубанского государственного университета, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Автор пяти монографий в области гуманитарных наук, имеет более 75 научных публикаций.

ШАОВ Ибрагим родился в 1977 году в Майкопе. Выпускник Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Института права Адыгейского государственного университета. Специалист в области международного права. Автор нескольких десятков научных статей в области юриспруденции.

ДАРЪЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

В оформлении обложки использована
картина Ушанга Козаева «Власть цвета»

ДАРЬЯЛ-3'2023-ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru